АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 3

ТАШКЕНТ — 1962

ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОННИНГ МОДДИЙ МАДАНИЯТИ ТАРИХИ

3-КИТОБ

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ · 1962

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ · 1962

902.6
И90

В сборнике рассматриваются вопросы археологии и отчасти этнографии, затрагивающие различные стороны культуры племен и народов, населявших в прошлом территорию Узбекистана, некоторые вопросы техники и технологии керамического производства и др.

Сборник рассчитан на специалистов-археологов, историков, преподавателей и студентов исторических факультетов, а также учителей истории.

Ответственный редактор

В. А. ШИШКИН

В. А. ШИШКИН

ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ УЗБЕКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1960 г.

В 1960 г. Узбекистанская археологическая экспедиция продолжала исследования в основном по тем же направлениям, которые наметились в предыдущие годы[1]. Полевые работы включали изучение памятников как первобытного, так и классового общества во всех областях Узбекской ССР, исключая Хорезмскую область и Каракалпакскую АССР, где проводит, как известно, свои работы Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР под руководством С. П. Толстова[2]. Кроме научных сотрудников отделов археологии, древней и средневековой истории Института истории и археологии АН Узбекской ССР, в полевых работах 1960 г. приняли участие работники Самаркандского государственного университета, Государственного Эрмитажа, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Музея истории АН УзССР, Института искусствознания АН УзССР, Республиканского музея культуры узбекского народа (Самарканд), Термезского областного краеведческого музея и Бухарского историко-краеведческого музея.

Полевые исследования 1960 г. по выявлению и изучению памятников каменного века на территории Узбекской ССР привели к новым существенным открытиям.

На севере республики, в Ташкентской области, в 1960 г. больших специальных исследований каменного века не про-

---

[1] См. наши обзоры: «Полевые работы Узбекистанской археологической экспедиции в 1954—1955 гг., «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, стр. 216—230 и Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.), «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 18—50.

[2] Краткие сведения о работах Хорезмской экспедиции в 1960 г., см.: В. А. Александрова, Работа Института этнографии в 1960 году, СЭ, 1961, №2, стр. 112.

изводилось, но необычайное богатство этой области памятниками палеолита, выявленное в предыдущие годы, подтвердилось открытием нескольких новых объектов. Кратковременными выездами работников (Г. В. Парфенов, Ю. Ф. Буряков, геологи А. А. Юрьев и И. А. Анбоев, О. И. Исламов и др.) обнаружены памятники, подтверждающие широкое заселение современной Ташкентской области человеком мустьерского периода. Новые мустьерские орудия собраны около селения Кишлактепе Ахангаранского района, в русле реки Акташ в Бостандыкском районе, близ селений Ходжакент и Бричмулла. Около названных селений найдены новые материалы по недостаточно еще известной так называемой «галечниковой культуре» и обнаружены не зафиксированные раньше наскальные изображения.

Орудия времени верхнего палеолита, а также отдельные предметы, восходящие, по-видимому, к ашельско-мустьерской стадии, найдены на территории самого Ташкента при осмотре траншей, заложенных для канализации и газопроводов.

Наиболее существенные и значительные по своим масштабам работы по изучению памятников каменного века производились в 1960 г. в долине Зеравшана. Большое значение имеют продолжавшиеся три года раскопки верхне-палеолитической стоянки на территории парка-озера в Самарканде. Раскопками раскрыты три культурных слоя, разделенные стерильными прослойками (средний культурный слой делится дополнительно на два этапа). В слоях обнаружены остатки жилищ и очагов с большим количеством орудий из камня и кости, которые дают возможность установить характер длительно существовавшей здесь большой стоянки, расположенной на берегу небольшой речки. Д. Н. Лев[3], проводящий исследования этой стоянки, пришел к заключению о тесных связях культуры Самаркандской стоянки с верхне-палеолитическими культурами Сибири.

Памятник, продолжение работ на котором планировалось и на 1961 г., имеет большое значение как первая большая стоянка верхнего палеолита в Средней Азии, подвергающаяся систематическому исследованию.

Новые открытия памятников периода неолита были сделаны отрядом Я. Г. Гулямова, работавшим в нижней части долины Зеравшана (Бухарская область) при консультации М. П. Грязнова[4]. Здесь, в районе сухих русел притоков Зе-

---

[3] Д. Н. Лев, Стоянка древнего человека, «Природа», август 1960 г., № 8, стр. 77—78.

[4] В поисках стоянок и их исследовании участвовали А. Аскаров, У. Исламов и С. Рахимов.

равшана (Махандарья), впервые обнаружено около 28 разве-янных неолитических стоянок[5]. На берегах прежних водоемов, а теперь солончаков Большого и Малого Тузкана, собрано большое количество различных кремневых орудий в виде ножевых пластинок, скребков, наконечников стрел, проколок и т. п. и фрагментов вылепленных от руки глиняных сосудов с штампованным орнаментом. Инвентарь стоянок указывает на большую близость культуры Махандарьи к кельтеминар-ской культуре. В то же время собранный материал позволяет установить преемственность культуры неолита Махандарьи к культуре Заманбаба, обнаруженной в том же районе. До настоящего времени каменные орудия в западной части Бухарского оазиса, за исключением нескольких предметов, найденных около Варахши, датируемых верхним палеолитом, и некоторого количества неолитических орудий, собранных у городища Пайкенда и в районе Махандарьи, не были известны. На основе всех известных, хотя и разрозненных, находок можно уже теперь говорить о раннем заселении дельтовых разливов Зеравшана, датируемом временем не позднее верхнего палеолита.

Кремневые орудия и наскальные изображения обнаружены также в местности Биттикчашма в Сурхандарьинской области.

В свете исследований последнего времени вся территория Узбекистана, от не самых южных районов Сурхандарьинской области до северных границ, проходящих недалеко от Ташкента, предстает как область большого распространения культур каменного века. Наиболее наглядно выступает культура времени Мустье, представленная в Узбекистане такими первоклассными памятниками, как гроты Тешикташ и Амир-Тимур, пещера в Аманкутане близ Самарканда, гроты 1 и 2 в селении Ходжакент Бостандыкского района Ташкентской области. Как нами уже указывалось, есть данные, по крайней мере для северных районов Узбекистана (Ташкентская область и Ферганская долина), о наличии и более древних памятников шелльского и ашельского типов[6].

Верхний палеолит до открытия стоянки в парке-озере в Самарканде известен был только отдельными более или менее случайными находками. Теперь он представлен боль-

---

[5] У. Исламов, Открытие неолитической культуры на Махандарье, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 1, стр. 61—62.

[6] Недавние работы в Южном Казахстане открыли также памятники шелльско-ашельского времени в районах, почти непосредственно граничащих с Ташкентской областью. См. Х. А. Алпысбаев, Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане, СА, 1961, № 1, стр. 121—136.

шим и многослойным памятником, который при дальнейшем его тщательном изучении осветит целую ступень в развитии древнейших культур в той части азиатского материка, которая еще так недавно была «белым пятном» в географии расселения первобытного человека. С этой точки зрения весьма знаменательным представляется и установленное Д. Н. Левом сходство культуры Самаркандской стоянки с соответствующими культурами Сибири.

Почти также обстоит дело и с культурой неолита, которая была известна пока только отдельными находками орудий, многочисленными и широко распространенными, но более или менее случайными. Открытие неолитических стоянок в районе сухих русел древней дельты Зеравшана показало распространение в этом районе культуры, сходной с кельтеминарской культурой Хорезма, весьма широкие связи которой теперь уже достаточно хорошо известны.

Одновременно с открытием упомянутых стоянок времени неолита в том же районе, по берегам Большого и Малого Тузкана и на сухом протоке Зеравшана (Буджайли), обнаружено 12 развеянных стоянок, относящихся к периоду бронзы.

На этих стоянках, культурный слой которых сохранился очень плохо, собрано большое количество фрагментов керамики, изготовленной без станка, с примесью дресвы, песка или шамота. Точно установить форму сосудов вследствие большой раздробленности остатков керамики не удалось. Однако орнамент этой керамики (преобладают зигзаги и елочки, выдавленные простым или гребенчатым штампом) дает возможность установить близкие аналогии с андроновско-тозабагъябской культурой, в частности с памятниками степной бронзы Средней Азии (Кокча 3 и др.).

Кроме керамических остатков, на этих стоянках найдены бусы из разных пород камня, каменные зернотерки, двусторонне обработанные кремневые наконечники стрел и другие орудия из кремня, часть которых могла попасть в эти стоянки из более древних поселений.

Стоянки датируются второй половиной II тысячелетия до н. э.

Успешно продолжаются работы по исследованию стоянок чустской культуры в окрестностях Чуста (В. И. Спришевский)[7] и на бугре Дальверзин (Ю. А. Заднепровский). Работы подтверждают стратиграфические наблюдения прошлых лет. Получен новый материал в виде большого количе-

---

[7] В. И. Спришевский, Раскопки Чустского поселения, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 1, стр. 70—71.

ства форм для отливки предметов из бронзы: височных украшений, зеркал, псалий и т. п. На Дальверзинской стоянке, по сообщению Ю. А. Заднепровского, найден интересный сосуд, украшенный веревочным штампом, обнаруживающий большое сходство с подобными же предметами андроновской культуры. Это еще раз подтверждает синхронность чустской культуры с культурой изучавшихся Б. З. Гамбургом и Н. Г. Горбуновой Вуадильского и Карамкульского могильников и поселений в Кайраккуме, относящихся к кругу степной бронзы.

В плане исследований памятников классового общества наиболее крупные по объему работы были сосредоточены в Самарканде, как и в прошлые годы, на городище Афрасиаб. Основным направлением этих работ оставались исследования, связанные с исторической топографией домонгольского Самарканда и стратиграфией культурных наслоений в различных частях городища. Важным признаком для определения первоначальной территории города и его последовательного роста являются оборонительные стены, как внешние, окружающие все городище, так и многочисленные внутренние. Эти стены, как указал еще В. Л. Вяткин, отмечают этапы расширения шахристана, начиная с северной части, которую следует считать, по-видимому, древнейшей частью поселения. Для исследования стен с целью получения материалов об их структуре и значении в системе обороны города и, в особенности, для определения времени их возведения были предприняты работы еще в 1959 г., когда М. Пачосом был выполнен разрез внешней стены на западной стороне городища. В 1960 г. такой же разрез через всю толщу стены до ее основания был сделан М. Пачосом на восточной стороне, на краю глубокой промоины по северной границе еврейского кладбища. Эти работы вместе с многочисленными наблюдениями в местах разрушения стены, где можно было видеть ее структуру, позволили нам сделать некоторые выводы. Мощная внешняя стена, возведенная в нижней части из глины, а в верхней — из сырцового кирпича построена не раньше VIII—IX вв. н. э. В результате исследований стратиграфии культурных наслоений в непосредственной близости как к восточному, так и к западному разрезам, также не были обнаружены культурные слои, которые восходят к более ранней дате, чем сами стены. Таким образом, высказывавшиеся в археологической литературе предположения, что в начале нашей эры город со своими укреплениями охватывал всю территорию Афрасиаба, не находят подтверждения.

Следующая — третья стена[8], в которой было сделано в разных местах три разреза, функционировала, как установило исследование, между VII и IX вв. н. э. Не исключена возможность, что эта стена возникла в связи с арабским завоеванием. Последний из трех разрезов дал отличную от предыдущих структуру стены, а судя по остаткам керамики в теле стены, и более позднюю дату ее возведения. Есть все основания считать, что в этом месте стена была заново возведена, может быть в тот период, когда, по приказу хорезмшаха Мухаммеда, Самарканд укреплялся для борьбы с наступавшими войсками Чингис-хана.

Совершенно иные результаты дало обследование участка стены на северной стороне городища: здесь обнаружены наслоения кладок стен; наиболее ранняя из них восходит по крайней мере к началу нашей эры[9]. В нижних слоях встречались фрагменты керамики тех типов, которые по аналогии с соответствующей керамикой Южного Таджикистана, были датированы А. И. Тереножкиным серединой первого тысячелетия до новой эры. К сожалению, найдены только очень мелкие фрагменты, которые не дают возможности реконструировать полную форму сосудов.

Таким образом, предварительные результаты исследований оборонительных стен подтверждают, как будто бы, старую точку зрения, высказанную В. Л. Вяткиным о последовательном росте города с северной стороны. Однако следует оговориться, что для окончательного решения этого, существенного не только для истории Самарканда, вопроса материал еще далеко недостаточен, да и не все стены еще подвергнуты нами исследованию. Общая картина обживания территории Афрасиаба окажется, надо полагать, весьма сложной, а выяснение ее потребует больших и длительных земляных работ.

Следует упомянуть о незаконченных еще раскопках небольшого здания около северо-восточного угла городища, где находились, по всем данным, Китайские ворота древнего Самарканда. Почти весь холмик[10], оставшийся от этого здания, занимает большое помещение 13,6×4 *м* с суфами и следами росписей или раскраски на стенах; остатки небольшого помещения обнаружены к югу от первого. Здание построено в X или XI в., позднее подверглось переделкам. Характер и местоположение этого сооружения у дороги, ведущей к Китайским воротам, заставляют предположить, что это не обыч-

---

[8] Раскопки производил М. Н. Федоров.
[9] Раскопки М. И. Филанович.
[10] Исследовался М. Пачосом попутно с разрезом внешней стены.

ный жилой дом, а какая-то постройка общественного значения, возможно, административное здание.

В осенний период раскопок, в связи с расширением дороги, ведущей на аэропорт и проходящей через городище в его западной части, все работы самаркандского отряда были сосредоточены на участке у западной стороны дороги. Здесь еще в 1959 г. были начаты раскопки большого жилого сооружения с необычайно толстыми (до 3 *м*) стенами из сырцового кирпича[11]. В 1960 г. раскопки были продолжены в северном направлении вдоль края дороги[12]. Раскопки велись полосой, длина которой превысила 100 м при ширине 20—25 м, так как расширение дороги планировалось в эту сторону. На этом пространстве была вскрыта часть очень большого жилого комплекса построек. При этом в осенний период 1960 г. было раскопано, по-видимому, не больше третьей части всего комплекса сооружений, так как, судя по очертаниям холма, наибольшая ширина его достигает приблизительно 60 *м*. Раскопками раскрыто полностью или частично свыше 20 помещений. В помещениях обнаружены полы, фигурно выстланные из кирпича или специальных шестиугольных плит, остатки декора в виде фрагментов стенной живописи, резного алебастра, орнаментированной своеобразными налепами алебастровой штукатурки, орнаментальной резьбой по глине и т. п. Здание неоднократно ремонтировалось и перестраивалось, а в последний период, после его запустения, в одном из помещений появилась большая обжигательная печь, вокруг которой накопились мощные наслоения из шлаков и кусков известкового камня.

Обширность комплекса, наличие больших помещений и остатков некогда богатого внутреннего декора дает, как нам кажется, возможность предположить, что раскапываемое здание (или группа зданий) связано как-то с тем комплексом дворцовых сооружений, который раскапывался В. Л. Вяткиным в 1922—1930 гг., и находится рядом к югу на расстоянии всего нескольких метров, и что эта часть города в доса-манидское время была, по-видимому, обжита в очень незначительной степени. Несколько вырытых нами шурфов показали, что наслоения более раннего времени есть лишь в некоторых местах, но они незначительны. В шурфах встречались и фрагменты керамики рубежа новой эры, но редкие и незначительные. Только в одном из них, в самом северном конце раскапывавшегося здания, обнаружена круглая яма,

---

[11] Раскопки производила Г. В. Шишкина.

[12] В раскопках приняли участие С. К. Кабанов, Г. В. Шишкина, М. Пачос, Я. Крикис, М. Х. Ураманова, Ш. Ташходжаев, М. И. Филанович, М. Н. Федоров и Р. Кривсшей.

напоминающая землянку или подземное помещение — погреб, в котором были найдены типичные красноангобированные сосуды (фрагменты кубков, чаш и т. п.) начала новой эры. Создалось общее впечатление, что если на протяжении всего первого тысячелетия нашей эры здесь существовали постройки, то это были не капитальные сооружения, а лишь какие-то легкие временные жилища. Раскопки всего комплекса и дальнейшее уточнение стратиграфических данных намечаются на ближайшее время.

В. Д. Жуков[13] продолжал изучение квартала гончаров последних периодов существования домонгольского города. Небольшие раскопки с целью разведки характера культурных наслоений производились также и в других частях городища[14].

В Бухарской области, в пустынной ныне полосе древней оседлости, к западу от современного Бухарского оазиса, продолжил, как уже сказано выше, свою работу отряд Я. Г. Гулямова. В задачу работ отряда, кроме исследования памятников неолита и бронзы, входило также окончание начатых в предыдущие годы раскопок большого сырцового здания Кызылкыр. В 1960 г. исследование этого здания было закончено. Выяснены первоначальная планировка, этапы перестройки и нового приспособления помещений; собран материал, характеризующий культуру и бытовую обстановку его обитателей. Жизнь в этом здании датируется Я. Г. Гулямовым первыми веками до нашей эры и первыми веками нашей эры. Закончены также раскопки другого здания (Кызылкыр 2). Отряд занимался также выяснением топографических особенностей местности в период существования раскапываемых зданий, и в предшествующее время, в частности, вопросами обводненности и водоснабжения района Кызылкыр, начиная с глубокой древности.

Значительные по объему работы проведены в Сурхандарьинской области, главным образом, на территории строящегося Южносурханского водохранилища, где раскапывалось несколько памятников[15].

На Кальтепе, в 6 *км* к северу от ст. Кумкурган, раскрыто квадратное в плане архитектурное сооружение из пахсовых блоков, с толстыми стенами. В центре сооружения находилось квадратное помещение (7×7 *м*) с комнатами по пери-

---

[13] Предварительное сообщение см.: В. Д. Жуков, Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба (Самарканд), «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 4, стр. 54—57.

[14] Разведочные раскопки вел Ш. Ташходжаев.

[15] Начальник отряда Л. И. Альбаум, в работах принимали участие Д. П. Вархотова, Б. Я. Ставиский, Л. Шарипова и К. А. Шахурин.

ферии. Выявлены два строительных периода, так как в здании производился капитальный ремонт. В целом здание датируется XII в. и представляет собою, по-видимому, дехканскую усадьбу.

Мунчактепе, в 12 *км* к северу от ст. Кумкурган, подвергнуто исследованию в восточной части. Обнаружены остатки стен из продолговатого сырцового кирпича, сохранившиеся на высоту до 1 *м*. Сооружение весьма интересно тем, что помещения его располагались радиально по кругу. Вскрыты остатки 7 комнат. Постройка относится к XI—XII вв. н. э.

Продолжены раскопки Караултепе. В 1959 г. здесь были выявлены остатки стен помещений V—VII вв. н. э. В 1960 г. эти стены были сняты и раскоп углублен. Раскоп прорезал натечные, зольные и гумусные слои, в которых только кое-где сохранились фрагменты сырцовых стен. В нижней части наслоений обнаружены остатки слоя поздне-кушанского времени.

Продолжены также раскопки поселения или небольшого города Яхшибай, на левом берегу Сурхандарьи. Раскрыто дополнительно еще 8 помещений. Выявлены два строительных периода, датируемые предварительно V—VII вв. н. э.

На территории водохранилища произведена инструментальная съемка ряда городищ и тепе, а в осенний период был организован разведывательный отряд, занимавшийся предварительным обследованием памятников долины р. Сурхандарьи[16] и составившей планы большого количества (свыше 100) объектов. На городище Дальверзинтепе был заложен шурф, обнаруживший групповое захоронение с 5 женскими костяками, предварительно датируемое V в. н. э. Этим же отрядом были осмотрены наскальные изображения Биттык-чашма в горах Бабатаг и собраны кремневые изделия.

Археологические работы производились и на территории Ташкента. Наиболее крупные из них были сосредоточены на бугре Мингурюк[17], сносимом в виду расширения территории находящейся рядом с ним мебельной фабрики. Некогда, до возникновения русской части Ташкента (60-е годы XIX в.), здесь находилось значительное городище, от которого теперь сохранился лишь небольшой останец — часть цитадели. В верхних слоях памятника содержатся остатки здания, возможно, дворца правителя предмонгольского времени. Ниже — относительно хорошо сохранившиеся фрагменты капитального здания раннего средневековья; в нижних слоях —

---

[16] В состав разведывательного отряда входили Л. И. Альбаум, В. А. Нильсен, В. А. Козловский и топограф А. Шукуров.

[17] Работа выполнялась под руководством О. В. Обельченко при участии Г. Б. Суюнова и студентов кафедры археологии ТашГУ.

зольники и наслоения с керамикой, датирующейся первыми веками нашей эры.

Несомненно, непосредственно с городищем Мингурюк связаны обнаруженные случайно при земляных работах погребения во дворе швейной фабрики № 2, расположенной по соседству с городищем. Произведенные в этом месте исследования позволили обнаружить кости человека и глиняный кувшин; возможная дата — первые века нашей эры.

Археологические исследования в виде шурфов и небольших раскопок производились также в центральной части бывшего старого города Ташкента[18]. Вместе с прежними работами, которые предпринимались в связи с исследованиями и ремонтно-реставрационными работами на некоторых архитектурных памятниках, накопился уже значительный материал по истории заселения территории современного Ташкента. При всех этих работах нигде не было обнаружено слоев, которые можно было бы отнести к периоду до X—XI вв. н. э. Это заставляет пересмотреть уже утвердившуюся точку зрения, согласно которой город Чач — древний Ташкент — был расположен на холмах, примыкающих с севера к главной базарной площади (Регистан). Делать окончательные выводы преждевременно. Однако уже теперь ясно, что древнейшее поселение находилось не на месте центра «старого города». Древнее поселение в черте современного города обнаружено пока только на бугре Мингурюк, но был ли это город древнего Чача, или последний следует искать в другом месте, решить пока не представляется возможным.

Кроме Мингурюка в Ташкентской области, но уже на территории древней области Илака, исследовалось городище Кургантепе, расположенное в 8—10 *км* к юго-западу от гор Ангрена, на левом берегу р. Ангрен. Городище занимает значительную площадь и делится на три части, причем наиболее высокая из них цитадель достигает 40—50 *м* высоты над окружающей местностью. Небольшой разведочный раскоп был заложен в западной части городища. Установлены три основных культурных слоя: 1) XI—XII вв., не сохранивший никаких остатков зданий, 2) ранне-средневековый, в котором вскрыты два помещения, построенные из блоков пахсы, с глинобитными полами и 3) первых веков новой эры, где выявлены остатки стен, сложенных из крупного сырцового кирпича[19]. Небольшая разведка была выполнена также на Кендыктепе в районе строящегося водохранилища

---

[18] Исследования производились В. А. Булатовой в связи с значительными земляными работами городского отдела благоустройства.

[19] Раскопки производили В. А. Нильсен и Д. П. Вархотова.

на р. Ангрен[20], давшая мало материала вследствие чрезвычайной перерытости слоев позднейшими ямами.

Силами сотрудников Музея истории АН УзССР и кафедры археологии Ташкентского университета[21] производились археологические работы на городище Имлак в предгорьях Кара-Мазарских гор к юго-востоку от Ташкента. Городище Имлак М. Е. Массон отождествляет с Тункетом, столицей древней области Илак[22], важным в прошлом центром горнорудного промысла, где находился один из саманидских монетных дворов. Раскопками вскрывались жилые постройки и часть оборонительной стены. В нижних слоях встречены культурные остатки каунчинского типа (первые века нашей эры); наибольшего расцвета город достиг к X в. н. э. К востоку от шахристана Имлака подвергнуты исследованию два мощных бугра, состоящих из шлаковых отвалов, накопившихся за время с VIII до начала XI в., что устанавливается найденными в отвалах фрагментами керамики и монетами.

В Ферганской долине продолжены, но в очень незначительном объеме, работы на городище Кува[23], где изучались кирпичеобжигательная и керамическая печи. Все эти объекты относятся к X—XII вв. н. э.

Сведения о разрушениях местными жителями городища Ахсикент — важного исторического центра, главного города Ферганской долины в период раннего средневековья — вызвали постановку работ на этом объекте, пока незначительных по объему, так как они не были включены в 1960 г. в план полевых исследований экспедиции. Под руководством Я. Г. Гулямова было организовано топографическое изучение городища, выполнена его инструментальная съемка. Удалось установить местоположение древнего Ахсикента рабовладельческого времени. На поверхности городища собран значительный материал в виде керамики с красным и черным лощением, неполивной и поливной керамики и фрагментов стекла, датирующийся первыми веками до нашей эры и до XVI в. Небольшой раскоп на цитадели вскрыл верхние средневековые слои городища: XIV—XVI вв., XI—XII вв. и IX—X вв. На территории рабада Ахсикента изучалась баня, функционировавшая в XI в.[24] Интересно отметить, что в этой бане была устроена та же самая система обогревания, кото-

---

[20] Исследовали В. А. Нильсен и Т. Агзамходжаев.

[21] Состав группы археологов: Ю. Ф. Буряков, С. Ишанханов, С. Б. Лунина и З. И. Усманова.

[22] М. Е. Массон, Ахангеран, Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, стр. 82 и след.

[23] Производил работы И. Ахраров.

[24] Раскопки производили И. Ахраров и С. Рахимов.

рую мы наблюдаем в банях Бухары, построенных в XVI в. и позднее. Она заключается в системе дымовых каналов, проходящих под полом. Эта древняя система, известная по римским термам, где она имеет название hipocauston, обеспечивает равномерное нагревание помещения.

В течение ряда лет в плане Узбекистанской археологической экспедиции стоят также исследования могильных курганов и других погребальных сооружений. В 1960 г. раскопки курганов производились в Ташкентской области в двух районах: в зоне затопления Тюябугузского водохранилища на р. Ангрен и в окрестностях г. Ангрена[25].

В первом из этих районов, между р. Ангрен и оврагом Бургалик (Бургулюк), раскрыто значительное количество насыпей, оказавшихся частично насыпями курганных погребений, частично оплывшими и превратившимися в бугры сооружениями типа наусов.

Погребения под курганами производились в небольших катакомбах с подводившими к ним дромосами. В камерах-катакомбах, кроме костей погребенных, были найдены наконечники стрел, костяная обкладка лука и другие предметы, а также большое количество глиняной посуды исключительно ручной лепки. Ближайшие параллели с тюябугузскими курганными погребениями можно видеть в тюркских курганах Казахстана. По монетам, найденным в могилах, и по характеру другого инвентаря погребения могут быть датированы периодом между V и VIII вв. н. э.

Наусы, находящиеся на той же территории вперемежку с курганами, представляют собою сооружения из глины и сырцового кирпича со сводчатыми сырцовыми перекрытиями. В них обнаружено большое количество перемешанных человеческих костей и осколки оссуариев. Только один из оссуариев в виде горизонтального цилиндра на четырех ножках сохранил свою форму. В наусах были найдены также инвентарь в виде овечьих астрагалов, керамических сосудов и т. п., а также монеты, позволившие датировать эти сооружения VII—VIII вв. н. э.

В окрестностях гор. Ангрена, в местности Апартак, обнаружен могильник, еще не упоминавшийся в археологической литературе. Интерес представляют изученные в 1960 г. десять склепов-наусов, сложенных из каменных плит на глине. Внутри одного из них найден оссуарий. Собран большой материал в виде керамических изделий; встречаются ручки сосудов в виде животных; значительная часть сосудов распи-

---

[25] Раскопки производил Т. Агзамходжаев; в работах участвовали В. А. Нильсен и Г. Б. Суюнов.

сана красной краской. Предварительная датировка этих сооружений —V—VI вв. н. э.

В долине Зеравшана О. В. Обельченко[26] продолжал раскопки курганных погребений. Работы производились в могильнике между ст. Кызылтепе и расположенным к югу от нее сел. Аксач, где было обнаружено около 30 насыпей, и у сел. Хазара. Погребения оказались разбросанными по своему устройству. Наряду с простыми грунтовыми могилами здесь имеются могилы с подбоями и катакомбами; есть как одиночные захоронения, так и групповые могилы (в одной из катакомб оказались костяки 11 человек). Встречены остатки деревянных гробов. Датируются погребения периодом I в. до н. э. — III в. н. э.

Два курганных погребения раскопаны также в окрестностях г. Каттакурган. Курганы оказались разграбленными, только в одном из них был найден глиняный кувшин. Отсутствие необходимого археологического материала не дает возможности датировать эти погребения[27].

Предлагаемый обзор полевых археологических исследований носит предварительный характер и основан, в большей своей части, на отчетах и устных сообщениях лиц, производивших работы. Данные, полученные в результате раскопок, находятся в той или иной стадии предварительной обработки. Поэтому делать далеко идущие выводы преждевременно. С удовлетворением можно отметить, однако, что накопление материалов по археологии Узбекистана, и притом материалов разнообразных, охватывающих огромный период от ранних стадий нижнего палеолита до развитого средневековья включительно, идет достаточно интенсивно. В особенности важными представляются нам работы, исследующие памятники первобытного общества, о которых на территории Узбекистана еще совсем недавно было мало известно. Следует также отметить, что в этом отношении пока еще остается много лакун и «белых пятен», на заполнение которых в ближайшие годы должно быть обращено особое внимание.

---

[26] При участии археолога Х. Дуке и лаборанта Г. Б. Суюнова.

[27] Кроме перечисленных работ, производившихся по плану Узбекистанской археологической экспедицией Института истории и археологии, некоторые работы выполнялись другими научными учреждениями республики. Из них можно отметить археолого-архитектурные исследования в группе мавзолеев Шах-и-Зинда в Самарканде, производившиеся Комитетом по охране памятников (археолог Н. Б. Немцева и архитектор Ю. З. Шваб), а также продолжены исследования Институтом искусствознания АН УзССР весьма интересного памятника — здания рабовладельческого времени в местности Халчаян Сурхандарьинской области. См. Г. А. Пугаченкова, Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР в 1960 году, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, №3, стр. 66—67.

Вторая важная проблема, неразрывно связанная с изучением истории рабовладельческого и феодального общества,— проблема городских и сельских поселений, их материальной и духовной жизни (поскольку последняя отражена в материальных памятниках культуры). Многие нерешенные еще или решенные гипотетически на основе скудных и разрозненных данных вопросы периодизации истории Средней Азии в целом и Узбекистана в частности требуют накопления большого материала. Этот материал, ежегодно пополняемый полевыми археологическими исследованиями, требует обобщения и дополнения. Надо полагать, что постановка длительных и достаточно интенсивных стационарных работ на таких городищах, как Афрасиаб, Кува и других, сочетаемая с разведками окружающих их районов (это нами осуществляется далеко еще недостаточно), даст новые и надежные данные для реконструкции жизни среднеазиатского общества в различные исторические периоды. Одновременно в связи с этим должна разрешаться и третья проблема — вопрос о кочевой части населения Узбекистана в древности, об отношениях кочевой скотоводческой степи с оседлым земледельческим населением. Данные для решения этой проблемы следует искать прежде всего в кочевнических курганах, исследование которых планируется и на дальнейшее время.

Наконец, непременным условием дальнейших успехов советской археологии в Узбекистане является история хозяйства, история производства материальных благ в области сельского хозяйства (в первую очередь — ирригация) и ремесла (горно-рудное дело, производственные мастерские разного рода и т. п.). Здесь решающее слово могут сказать только вещественные памятники, изучаемые археологическими методами.

В 1960 г. не по всем этим вопросам производились достаточно развернутые исследования, значительная часть этой обширной программы должна разрешаться будущими работами.

М. Р. КАСЫМОВ

КЫЗЫЛКЫРСКАЯ СТОЯНКА КАМЕННОГО ВЕКА В ОКРЕСТНОСТЯХ г. БУХАРЫ

Кызылкырская стоянка, находящаяся в 400—500 *м* к северо-востоку от развалин Кызылкыра Рамитанского района Бухарской области, открыта в 1953 г. Я. Г. Гулямовым[1]. Она расположена на такыре, находящемся между барханами, где огромные массы песка под воздействием ветра превратились в барханные скопления, которые мы видим теперь в Кызылкумах. Площадь стоянки примерно 120—150 *м*².

Материалом для изготовления орудий на стоянке служили в основном различный по цвету кремень, роговик, агат, опал и белый халцедон.

В течение длительного времени на стоянке производились сборы материала[2], в результате которых собраны многочисленные (1751 экз.) изделия из камня; среди них имеются скребки, скобели, обломки наконечников стрел, вкладыши и нуклеусы, а также отщепы со следами использования и отбросы производства.

Все изделия под действием высокой температуры и ветра сильно окатаны и патинизированы.

Кроме каменных орудий, на стоянке найдены украшения в виде подвесок (рис. 2, *5, 6*) раковины, обломки керамики и обломки костей (черепаха и, видимо, рыба), а также несколько маленьких кусков бронзы. По-видимому, изделия относятся к разным эпохам.

Культурные остатки дают представление о технике изготовления орудий труда и бытовых условиях обитателей стоянки.

---

[1] С 1953 по 1958 г. в этом районе работала Махандарьинская археологическая экспедиция под руководством Я. Г. Гулямова.

[2] Кроме Я. Г. Гулямова, в сборе материалов участвовали сотрудники Института истории и археологии АН УзССР Х. Мухамедов и А. Р. Мухамеджанова, а в 1957 г. — М. Р. Касымов, Х. Насретдинов и У. Исламов.

Наибольшую группу орудий составляют скребки (33 экз.), которые можно разделить на два основных типа, а именно: 1) скребки, изготовленные на конце сломанных пластинок, с трапециевидным сечением. Характерно, что ретушь покрывает не только конец пластинки, но и длинные ее края; 2) скребки, изготовленные на отщепах. Они, как правило, массивны, подтреугольной и подчетырехугольной формы.

Два скребка этой группы интересны тем, что имеют небольшие округлые лезвия с ретушью по краям, со стороны брюшка. Один скребок этой группы имеет правильную округлую форму и круговую ретушь, диаметр его 2,5 *см* (рис. 2,*17*). Два других скребка (рис. 1, *5*) отличаются высокой формой.

Кроме этих двух групп, имеются еще 3 скребка, которые отличаются миниатюрными размерами и различной формой. Два скребка изготовлены на концах сломанных пластинок (рис. 2,1), на круглом рабочем конце одного из них имеется тщательная ретушь. Другой — почти правильной круглой формы, имеет выступ с ретушью (рис. 2, *2*).

Помимо скребков, в интервале стоянки имеются скобели, которые по своему назначению ближе всего стоят к скребкам. Их всего 7 экземпляров. Один изготовлен на большом отщепе (рис. 2, *15*) с двусторонними выемками по краям, со стороны спинки, ретуширован. На снимке сохранилась корка. Длина 6,8 *см,* ширина 4,5 *см.* Другой скобель изготовлен на маленьком отщепе подтреугольной формы. Рабочий край оформлен ретушью (рис. 1,*3*). Один скобель изготовлен на удлиненном краевом сколе длиной 2,9, шириной 0,6 *см.* Остальные скобели изготовлены на отщепах или на пластинках и употреблялись, видимо, как строгальные орудия.

Один обломок (рис. 2,*9*) темно-коричневого цвета с двусторонней ретушью по краям. Основание его круглое. Возможно, употреблялся как резец.

Вкладыши (17 экз.) изготовлены из обломков кремневых пластинок. Они, возможно, применялись в качестве жатвенных ножей, край зубчатый, причем зубцы «разведены». Очевидно, сначала пластинка применялась без ретуши. Она ретушировалась по мере снашивания. Некоторые (5 экз.) из них двусторонние (рис. 2, *12, 14*). Следы употребления их изучены в лаборатории археологической технологии ЛОИА под руководством С. А. Семенова. Выяснилось, что они насаживались в рукоятку с боковыми продольными пазами. У них прослеживаются следы употребления в виде пересекающихся линий, свидетельствующие о том, что движение руки «к себе» производилось быстро.

Наличие вкладышей серпов на стоянке Кызылкыр указывает на земледельческий характер хозяйства.

Наконечников стрел — 4. Все экземпляры представлены обломками. Один из них принадлежит двусторонне обработанному наконечнику стрелы, изготовленному на узкой толстой пластинке (рис. 1,*1*). Другой обломок (рис. 2,*3*) —

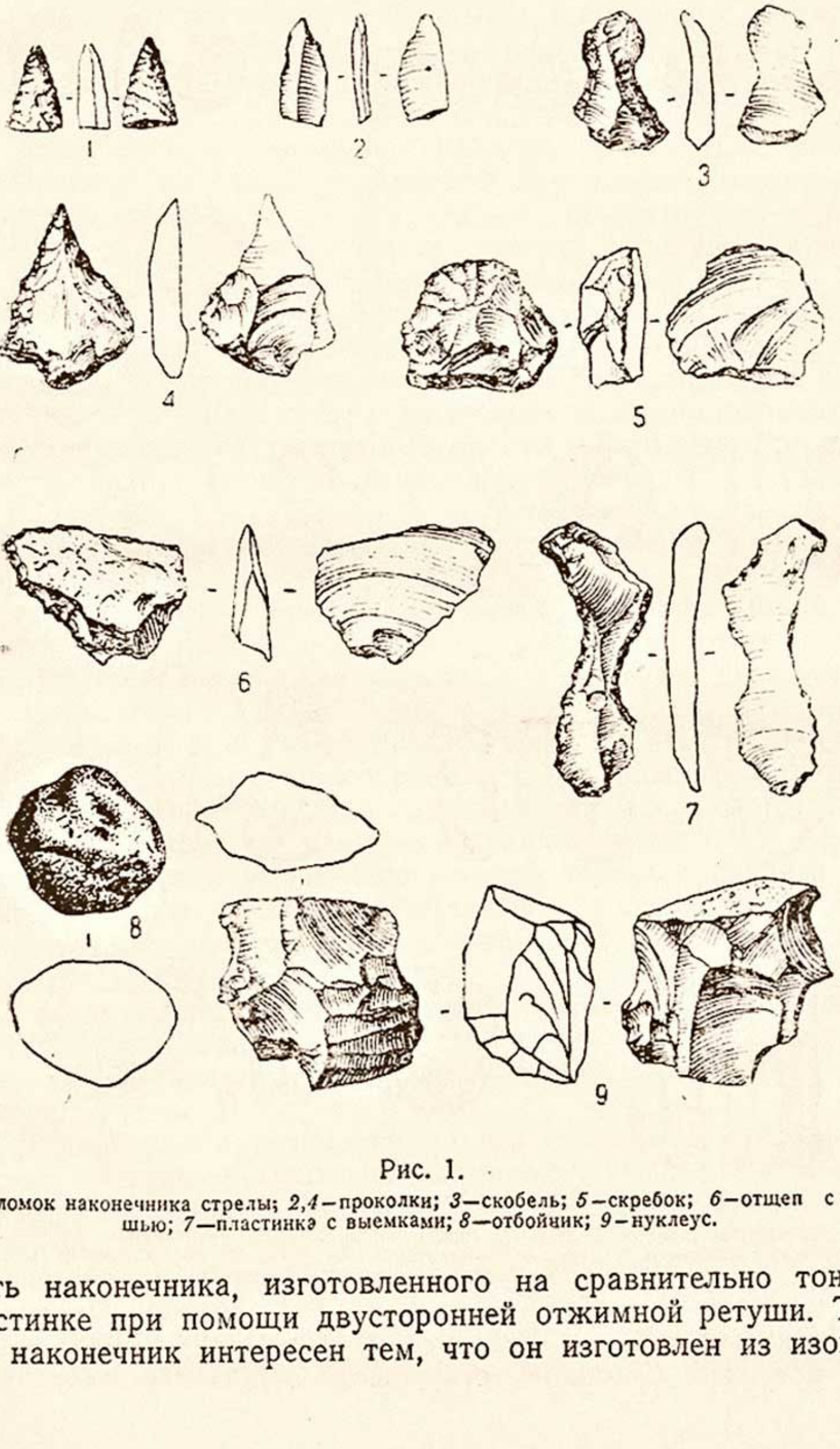

Рис. 1.

1—обломок наконечника стрелы; *2,4*—проколки; *3*—скобель; *5*—скребок; *6*—отщеп с ретушью; *7*—пластинка с выемками; *8*—отбойник; *9*—нуклеус.

часть наконечника, изготовленного на сравнительно тонкой пластинке при помощи двусторонней отжимной ретуши. Третий наконечник интересен тем, что он изготовлен из изогну-

той пластинки; на четвертом — обработка прослеживается только по одному краю пера.

Проколок —2. Одна из них (рис. 1,*4*) изготовлена на отщепе светло-желтого кремня, имеет треугольную форму,

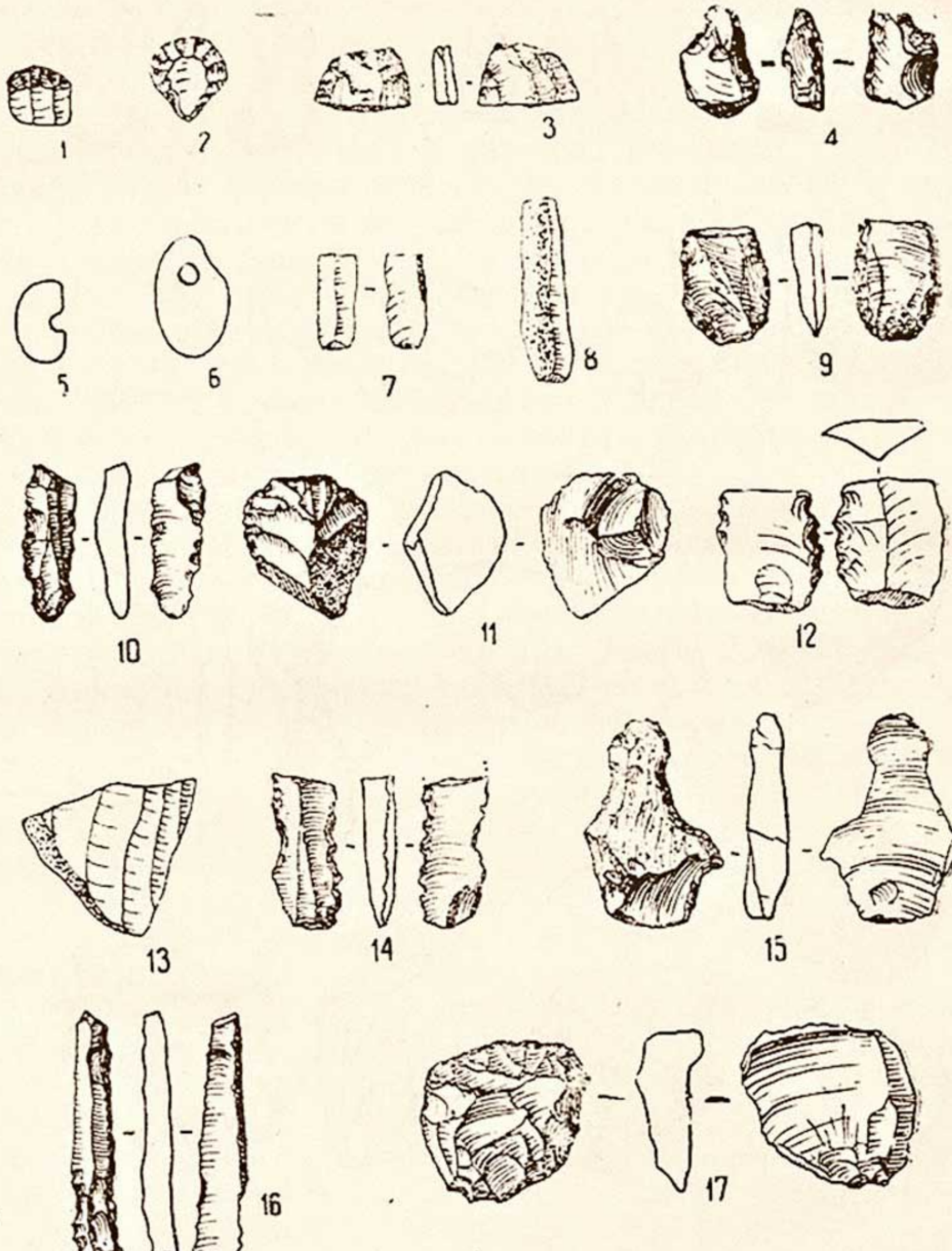

Рис. 2.

1,2—миниатюрные скребки; *3*—обломок наконечника стрелы; *4*—ретушер; *5,6*—подвески; *7,10*—обломок пластинок с ретушью; *8*—пластинка; *9*—резец; *12, 14*—вкладыши; *11,13*—нуклеусы; *15*—скобель; *16*—сверло; *17*—скребок.

с вытянутым рабочим концом, который с двух сторон оформлен ретушью. С нижней стороны на основании имеется не-

сколько плоских сколов. На рабочем конце хорошо выражена заполированность. Длина ее 4,6 *см,* ширина от 0,2 до 2,5 *см.*

Вторая проколка (рис. 1,*2*) изготовлена из небольшой обломанной кремневой пластинки желтоватого цвета. Рабочий конец оформлен с одной стороны крутой ретушью, образуя скошенный край пластинки, с другой — мелкой ретушью. Ретушь нанесена со стороны спинки. Рабочий конец сильно заполирован. Длина ее 2 *см,* ширина от 0,2 до 0,8 *см.*

В единственном экземпляре найдено сверло (рис. 2,*16*), изготовленное на узкой удлиненной треугольной пластинке. Кончик его сломан. Основание сверла представляет собой тщательно обработанный черешок, по узким длинным краям имеется ретушь. Длина его 4,2 *см,* ширина —0,6 *см.*

Ретушеров (отжимников) —3 экземпляра. Один из них (рис. 2,*4*) из цветного кремня, изготовлен на отщепе. Он интересен тем, что по двум краям его односторонние следы употребления, а на одном слегка выемчатом крае прослеживаются двусторонние следы использования. Возможно, он выполнял функцию ретушера и скоблящего орудия. Длина его 1,8 *см,* ширина 1,3 *см.* Другой обломок ретушера из роговика. Поверхность его окатана, местами имеются звездчатые выбоины.

Третий отжимник представлен почти круглой галькой из роговика (рис. 1,*8*). Следы употребления отжимника представляют собой неглубокие царапины и стертость на поверхности. Диаметр его 2,1 *см.*

Имеется обломок отбойника из роговика. На естественной поверхности частично сохранились выбоины, а на противоположной стороне имеются следы последовательных сколов. Очевидно, вторично он использовался как нуклеус.

В единственном экземпляре имеется обломок куранта из крупнозернистого гнейса, с естественно отшлифованной поверхностью. На ней четко прослеживаются следы использования.

Особую группу (50 экз.) составляют изделия, при помощи которых изготовлялись орудия на пластинках и их обломках. Эти орудия по форме и размеру пластинок можно разделить на три подгруппы.

К первой группе относятся обломки ножевидных более крупных пластин с ретушью и пластинки с выемками. На конце одной из пластинок с выемками (рис. 1,*7*) имеется частично ретушь со стороны брюшка, со стороны спинки ретушь на обоих краях. Длина ее 5,4 *см,* ширина от 0,9 до 1,5 *см.*

Имеются обломок пластинки из роговика, на конце и по краю которого прослеживается ретушь, трехгранная удлиненная пластинка (рис. 2,*10*) из халцедона с бессистемной

ретушью по краям, кончик которой сломан. Длина ее 2,8 *см*, ширина — 1 *см*.

Ко второй подгруппе относятся обломки мелких ножевидных пластинок. Одна из них имеет ретушь по краю с одной стороны (рис. 2,7), а у другого обломка — с двух сторон.

Остальные ножевидные миниатюрные обломки пластинок имеют ретушь с одной или двух сторон. Часть из них отретуширована со стороны брюшка, у некоторых частично сохранилась корка.

Все микропластинки и их обломки отретушированы различными способами и употреблялись, видимо, в качестве лезвий или режущих орудий.

Третья подгруппа ножевидных пластинок и их обломков (239 экз.) отличается от предыдущих двух тем, что они являются заготовками, т. е. все пластинки и их обломки не имеют никаких следов работы (рис. 2,*8*). Некоторые из них имеют клювовидную форму. В основном они изготовлены из кремня, роговика, опала, халцедона, но встречаются также пластинки, изготовленные из песчаника или кварцита. У некоторых на спинке сохранилась желвачная корка. Размеры их варьируют от 0,7 до 1,7 *см* в сечении.

Нуклеусов —21. Большинство из них сделаны из разноцветного кремня и предельно использованы. Один из них (рис. 1,*9*) более выразительный и довольно большого размера. С него произведены сколы с двух сторон под прямым углом друг к другу, вследствие чего получилась форма нуклеуса в виде двух «сжатых рук». Частично на одной поверхности сохранилась корка. Длина 3,8 *см*, ширина 3,3 *см*, толщина 2,5 *см*.

Другой нуклеус менее выразительный, меньшего размера, но подобен первому. Такая техника отщепления пластинок существовала в переходный период от мезолита к неолиту[3].

Среди инвентаря имеется обломок призматического нуклеуса (рис. 2,*13*). На одной стороне его прослеживаются следы последовательных сколов узких ножевидных пластин, другая сплошь покрыта желвачной коркой. Он патинизирован, имеет бело-коричневый цвет. Длина его 2,8 *см*, ширина от 0,3 до 3 *см*, толщина 1,3 *см*. Аналогичный нуклеус найден в стоянке Джанбаскала 4.

Другой нуклеус изготовлен на осколке конусовидной формы (рис. 2,*11*). С одного края его отколоты миниатюрные ножевидные пластинки. По этому же краю имеются выщер-

---

[3] A. S. Barnes, The Technique of Blade Production in Mesolithic and Neolithic Times, 108, в кн. „Proceedings of the Prehistoric Society for 1947", New Serie, v. XIII. London, 1947.

бинки, видимо, он вторично использован как скребок. На нем частично сохранилась желвачная корка. Длина его 2,5 *см*, ширина площадки 2,5 *см*.

Есть один обломок двухплощадочного нуклеуса. Одна сторона его плоская, покрыта коркой. По краям его прослеживаются следы использования.

Другой обломок маленького нуклеуса интересен тем, что сколы произведены от краев к центру, вследствие чего образовалась односторонняя дисковидная форма.

На трех обломках нуклеуса имеются следы употребления. Один из них, миниатюрный, имеет ретушь по краю. Другой обломок нуклеуса из черного порфирита имеет местами ретушь по одному краю. Последний обломок сравнительно большого размера, видимо, он использован в качестве скребка, о чем свидетельствует выпуклый край со следами работы.

Остальные нуклеусы и их обломки имеют различные формы, размеры их различны: от 1,6 до 3,4 *см* в поперечнике.

Сколы с нуклеусов (11 экз.) различных размеров и формы. Большинство из них являются сколами с призматических нуклеусов, о чем свидетельствуют сохранившиеся фасетки ножевидных пластинок. Среди них два скола с ретушью. У одного скола края отретушированы с противоположных сторон. Другой скол с призматического нуклеуса отретуширован со стороны спинки.

Отщепов — 1122. Среди них имеются сравнительно большие и массивные, большинство же мелкие и тонкие. У некоторых имеется затупливающая, у других заостряющая ретушь, которая произведена со стороны брюшка или спинки. Все они патинизированы и окатаны, различного размера и различной формы. Их можно разделить на несколько групп по размерам.

К первой группе относятся отщепы (13 экз.) более массивные, подтреугольной и подчетырехугольной формы. Имеется один овальный отщеп из мелкозернистого песчаника. Брюшко его слегка покрыто известковым натеком, а на спинке местами сохранилась естественная выпуклая поверхность.

Размеры их варьируют от 2 до 5,4 *см* в сечении.

Ко второй группе относятся (133 экз.) отщепы средних размеров и различной формы. Из них 39 отщепов отретушированы, на некоторых из них прослеживаются следы работы. Имеются отщепы со следами пребывания в огне. У некоторых сохранилась желвачная корка. Размеры их различны: от 1,7 до 4,5 *см* в поперечнике.

К третьей группе (87 экз.) относятся отщепы только из роговика различной формы и размера. 9 отщепов отретуши-

рованы. Среди них имеется отщеп (рис. 1,*б*) треугольной формы, спинка его сплошь покрыта коркой, ретушь нанесена со спинки. У другого удлиненного отщепа частично сохранилась желвачная корка. Он интересен тем, что по одному краю имеется выемка с тщательной ретушью со стороны брюшка, видимо, он использовался как скобель. Остальные отщепы не подвергнуты вторичной обработке. Размеры их колеблются от 0,6 до 3,6 *см* в поперечнике.

К четвертой группе (747 экз.) относятся отщепы из разных сортов кремня, не подвергавшихся вторичной обработке. Они сравнительно маленького размера и различной формы. У некоторых местами сохранилась корка, размеры их колеблются от 0,6 до 2,2 *см* в сечении.

Имеется также 469 экз. чешуек, являющихся отбросами производства каменных изделий.

Краевых сколов —26. Большинство из них отретушировано и со следами работы. У одного скола имеется ретушь по одному краю, спинка его выпуклая, двускатная. У другого скола спинка удлиненная четырехгранная. Один его конец выпуклый, на нем имеется ретушь, видимо, он употреблялся как скребущее орудие. Один из сколов интересен тем, что он вогнутый и сильно окатан. Остальные склоны трехгранные удлиненные. У некоторых частично сохранилась корка, у других — естественная поверхность. Размеры их колеблются от 0,4 *см* до 7 *см* в сечении.

Осколков —201. Среди них имеются сколы, подвергнутые вторичной обработке. Особенно интересен скол четырехугольной формы из роговика, который подтесан с двух сторон, местами на нем сохранилась желвачная корка. Длина его 3,5 *см*, ширина 3,2 *см*.

Другой скол — удлиненный, с выемкой, на нем имеется тщательная ретушь, спинка его частично покрыта коркой. Он употреблялся, очевидно, долго как скобель, о чем свидетельствует сильная стертость. Остальные сколы имеют ретушь или следы использования.

Кроме них, есть сколы (162 экз.), не подвергавшиеся вторичной обработке; у них местами сохранилась корка. Длина их 3,6, ширина —0,8 *см*.

Обломки (34 экз.) сравнительно маленького размера, различной формы, но среди них нет ни одного со следами употребления. Размеры от 0,7 до 1,9 *см* в поперечнике.

Таким образом, анализ материка Кызылкырской стоянки показывает, что большинство каменных орудий носят микролитический характер и имеют геометрическую форму. Эти микролитические орудия употреблялись в качестве вкладышей.

Стоянку можно сопоставить с аналогичными памятниками Средней Азии: Джанбаскалой 4, открытой в 1940 г. С. П. Толстовым[4], неолитической стоянкой Верхнего Узбоя, исследованной М. А. Итиной[5], и стоянкой Западного Казахстана[6].

Особенно близким является многослойный памятник — пещера Джебел, находящаяся на юго-западе Туркмении и изученная А. П. Окладниковым[7].

Анализ форм и техники изготовления орудий позволяет отнести основную часть орудий, их фрагментов и отходов кремневого производства к неолиту. Часть орудий, как, например, пластинки с вогнутыми лезвиями, могут относиться к мезолиту. Имеются здесь и переходные формы, которые встречаются и в мезолите, и в неолите, например, жало двухстороннего наконечника стрелы на узкой толстой пластинке, а также нуклеусы с гранями скалывания под прямым углом друг к другу.

Классификация каменных орудий показала, что готовые орудия составляют относительно малое число к общему количеству кремня, в то время как полуфабрикатов — неотретушированных пластинок, отщепов и отбросов — много. Очевидно, обитатели стоянки в большом количестве изготовляли орудия на месте. По-видимому, они приносили материал издалека и берегли его, о чем свидетельствуют предельно использованные нуклеусы различных пород кремня. В окрестностях этого района месторождение кремня не обнаружено. Можно предположить, что часть кремня принесена из Каратау, где существовала кремневая мастерская у с. Учтут, а другая часть материала (валунный кремень), возможно, собрана на галечниках старого русла р. Зеравшан.

---

[4] С. П. Толстов, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1, стр. 155—157.

[5] М. А. Итина, Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя, Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958.

[6] А. А. Формозов, Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 49—58.

[7] А. П. Окладников, Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен, ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

А. АСКАРОВ

ПАМЯТНИКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЗОВЬЯХ ЗЕРАВШАНА

Для изучения истории древних племен Средней Азии большой интерес представляют памятники эпохи поздней бронзы, открытые в последние годы в низовьях Зеравшана.

Махандарьинский отряд Института истории и археологии АН УзССР под руководством проф. Я. Г. Гулямова с 1950 г. проводит археологические исследования ряда районов Бухарской области. Среди памятников других эпох им исследованы два могильника поздней бронзы — Буджайли[1] и Кызылкыр.

Могильник Буджайли. Могильник обнаружен в 1953 г. в 3 *км* к северо-западу от оз. Заманбаба (18 *км* к северо-западу от районного центра Каракуль), в долине высохшего русла Буджайли, бывшего когда-то одним из дельтовых протоков Зеравшана.

Местность, где расположен могильник, является ныне пустыней, покрытой редкой порослью верблюжьей колючки и кустами тамарикса и саксаула.

Илистые отложения древнего русла раздуты ветрами. Могильник находится на одном из останцев илистых отложений размером 28×24 *м*. На поверхности выдува сохранились отдельные предметы из разрушенных могил — черепки не менее чем от 5 сосудов, бронзовое зеркало, более 40 мраморных цилиндрических, биконических и ромбических бус, около 20 биконических медных кованых бус. В одном случае на поверхности обнаружен контур горшка, стоящего в могиле. Здесь в 1953 г. была раскопана могила 1. В 1955 г. около нее раскопаны еще четыре могилы. Оказалось, что в юго-

[1] Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, 1956, стр. 157.

восточной части могильника сохранилось 5 могил, а остальная часть могильника разрушена полностью.

Вся верхняя часть исследуемых могил уничтожена ветрами, сохранилась только нижняя часть могильной ямы.

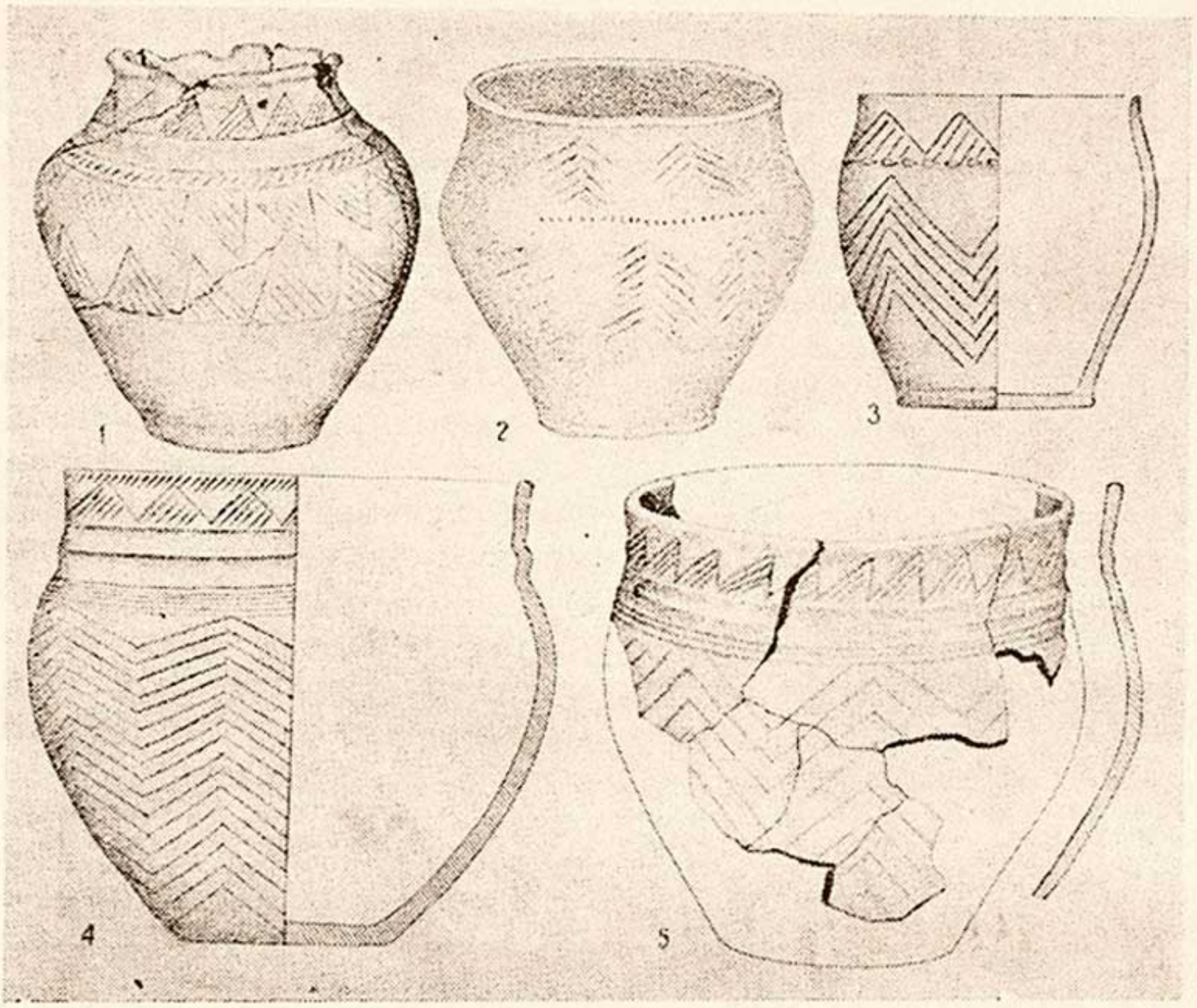

Рис. 1. Глиняная посуда из могилы Кызылкыр (1—2) из могильника Буджайли, могила 1(3), могила 5(4) с поселения Буджайли 9(5).

Могила 1. Овальная яма размером 130×80 (?) *см*, глубиной около 10 *см*. Скелет женщины[2] на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Кости правой половины скелета превратились в труху. Около черепа горшок (рис. 1,*3*). В яме находились разбросанные древесные угли.

Могила 2. Овальная яма размером 120×80 (?) *см*, глубиной 8—12 *см*. Скелет женщины на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Кости скелета превратились в труху. Около черепа горшок очень плохой сохранности. Взять его не удалось. На костях обеих рук бронзовые браслеты (рис. *2, 7, 9*), около ушного отверстия бронзовая височная подвеска (рис. 2, *5*).

---

[2] Кости во всех могилах очень плохо сохранились. Определение пола указано предположительно по находкам и положению костяка.

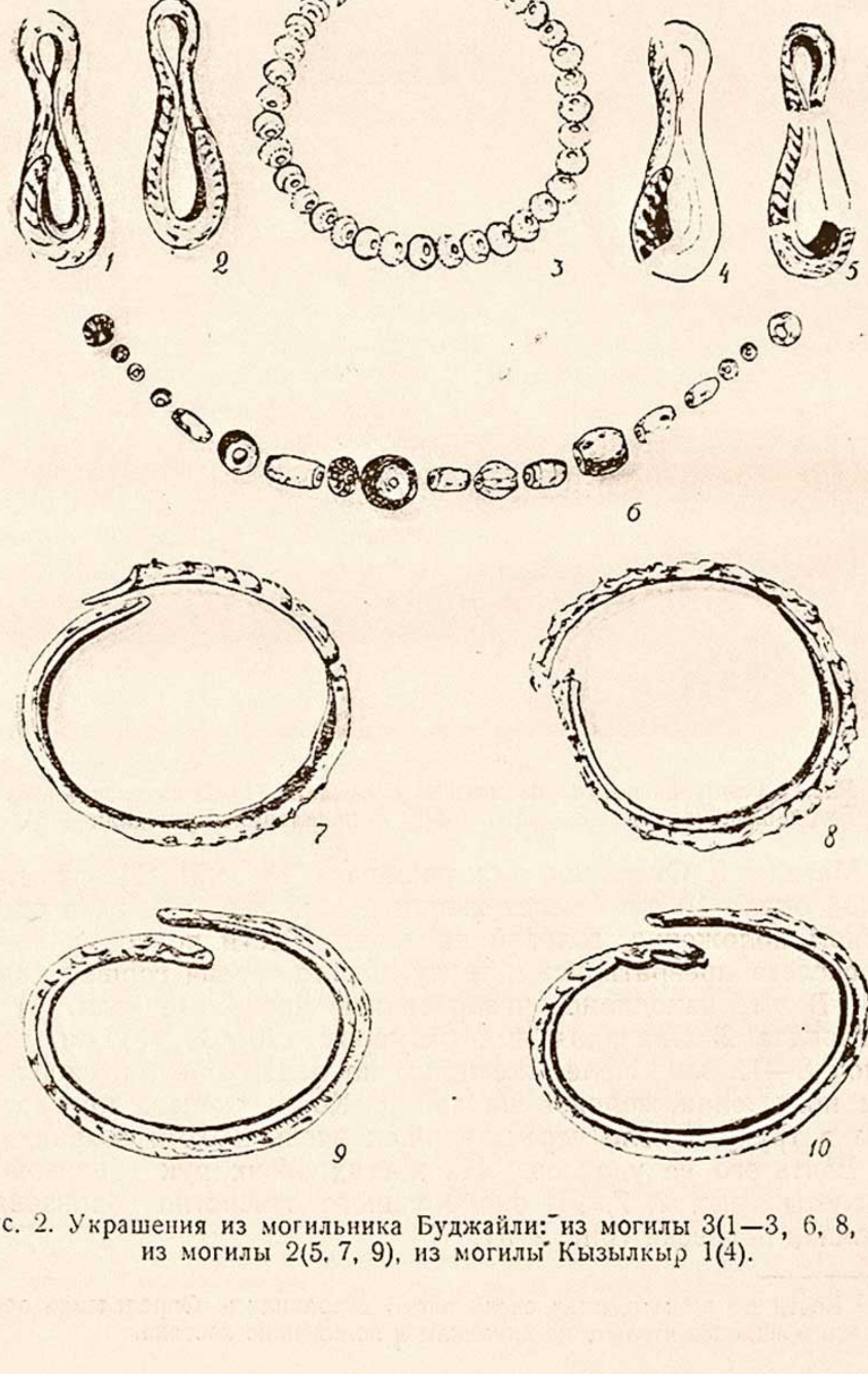

Рис. 2. Украшения из могильника Буджайли: из могилы 3(1—3, 6, 8, 10). из могилы 2(5, 7, 9), из могилы Кызылкыр 1(4).

Могила 3. Овальная яма размером 130 × 85(?) *см*, глубиной 10—15 *см*. Скелет женщины на левом боку в скорченном положении, головой на запад. Плохо сохранившиеся кости потревожены грызунами. Около черепа разбитый горшок, часть его обломков лежала на поверхности выдува. Сосуд очень плохой сохранности. Взять его не удалось. Около ушных отверстий бронзовые височные подвески (рис. 2, *12*), в области шеи ожерелье из лазуритовых, пемзовых и сердоликовых бус (рис. 2, *6*). На костях обеих рук бронзовые браслеты (рис. 2, *8, 10*), на костях ног нитки бронзовых бус (рис. 2, *3*).

Могила 4. Овальная яма размером 135 × 90 *см*, неустановленной глубины. Могила сильно разрушена, кости в беспорядке. В головной (?) части погребения два фрагмента сосуда — один с орнаментом (рис. 3, *8*), другой без орнамента, хорошо обожженный, может быть, не относящийся к могиле.

Могила 5. Овальная яма размером 168 × 100 *см*, глубиной 25 *см*. Скелет мужчины (?) на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Кости очень плохой сохранности. Около черепа горшок (рис. 1, *4*). Рядом с кистями рук лежали кости животных. В могиле найдены обугленные зерна, видимо, проса (?).

Погребение в Кызылкыре находится в 55 *км* к северо-западу от Бухары, на правой стороне Бухарско-Хорезмской шоссейной дороги. Этот район ныне является пустынной зоной, покрытой зарослями верблюжьей колючки и саксаула.

В 1953—1960 гг. здесь проводились значительные работы на ряде памятников античного периода. Непосредственно под культурным слоем античного поселения Кызылкыр I в 1958 г. была обнаружена могила эпохи поздней бронзы степного типа.

Могила представляет собою овальную яму; размеры и глубина камеры точно не установлены. Могила разграблена, кости человека смещены. Наблюдаемое положение костяка — скорченное, на левом боку. Пол не определен. При скелете обломки бронзовых подвесок (рис. 2, *4*), в западной части могилы два горшка (рис. 1, *1, 2*).

В 1959 г. сотрудником отряда А. Мухамеджановым собрано несколько черепков в непосредственной близости от раскопок Кызылкыр II (рис. 3, 9, 10). По облику и орнаменту они близки к горшкам из могилы Кызылкыр I.

Таким образом, исследовано пять могил в районе Буджайли и одна могила в Кызылкыре. Скелеты во всех мо-

гилах очень плохой сохранности. Инвентарь могил весьма беден.

Наибольший интерес представляет керамика. В могилах найдено шесть целых сосудов (из них два из-за плохой сохранности взять не удалось) и два фрагмента от двух сосудов. Вся керамика лепная, изготовлена из глины с примесью дресвы, каких-то органических веществ и один сосуд с примесью гипса (?). Обжиг весьма слабый, неравномерный. Черепок в изломе серый, на поверхности коричневатого или красноватого цвета.

Два сосуда имеют форму горшка со слабо раздутым туловом и слегка отогнутым венчиком. Диаметр горла 12—13 *см*. Край венчика закругленный (рис. 1, *3*).

Три другие сосуда более совершенной формовки с хорошо выраженной шейкой. Край венчика у них прямо срезанный. Соотношение диаметра горла и высоты равно 15 : 22 *см* (рис. 1, *2, 4*).

Сосуды обеих форм орнаментированы гладким штампом. Вертикальная елочка или горизонтальный зигзаг покрывает почти всю поверхность сосуда ниже шейки. В одном случае при переходе от шейки к плечикам нанесен ряд горизонтальных насечек, а венчик украшен короткими вертикальными елочками (рис. 1, *2*), в другом — на краю венчика ряд косых насечек, ниже ряд заштрихованных треугольников и два широких желобка, на плечике шесть горизонтальных линий (рис. 1, *4*), в третьем — на шейке ряд треугольников (рис. 1, *3*).

Еще имеется сосуд кувшинообразной формы, высокий, с узким горлом (11 *см*), раздутым туловом, который отличается от вышеуказанных сосудов. Край венчика отогнут, валикообразный. По краю венчика равномерно расположены две пары отверстий для подвешивания. Орнамент на шейке состоит из ряда заштрихованных треугольников, при переходе от плечика к тулову — горизонтальная заштрихованная лента и на тулове два ряда заштрихованных треугольников, обращенных вершинами друг к другу (рис. 1, *1*). Сосуд по форме необычный для классической андроновской культуры. Аналогичные сосуды встречаются в суярганских памятниках древнего Хорезма. С. П. Толстов и М. А. Итина, сопоставляя их с керамикой древнеземледельческих племен, предполагают, что они сформировались под влиянием керамики юга[3].

---

[3] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, 1948, стр. 78. М. А. Итина, Первобытная керамика Хорезма, Труды Хорезмской, экспедиции, т. IV, 1959, стр. 33—34, 59.

Керамика в рассмотренных могильниках по характеру аналогична керамике тазабагъябского типа андроновской культуры[4].

В двух могилах найдены бронзовые браслеты. Все они с желобчатой выпукло-вогнутой поверхностью и с незамкнутыми концами (рис. 2, *7—10*).

В могилах находились бронзовые височные подвески в виде восьмерки (рис. 2, *1, 2, 4, 5*) и биконические бусы из бронзы (рис. 2, *3*). Такие браслеты и подвески характерны для срубной культуры[5]. В могильниках Ульке 1 и Кокча 3 найдены такие же подвески[6]. Аналогичные бусы имеются в Вуадильском могильнике[7].

В одной могиле найдено ожерелье, состоящее из пемзы, лазуритовых, сердоликовых бус и других полудрагоценных камней (рис. 2, *6*). Все бусы просверлены с двух сторон. Аналогичные бусы имеются в ряде могил могильника Заманбаба[8].

В целом комплекс (по устройству могил, по обряду захоронения и по составу инвентаря) напоминает и даже повторяет могильник Кокча 3. Это очень существенный момент в изучении истории древних племен Средней Азии, так как позволяет уверенно говорить о родстве или близости обоих районов и обеих групп племен степной бронзы. Это предположение, в свое время высказанное Я. Г. Гулямовым[9], подтверждается фактами, полученными в результате исследования нами сухого русла р. Буджайли в 1960 г.

В течение сезона нами зафиксировано и обследовано 12 развеянных стоянок эпохи поздней бронзы и 28 неолитических.

В 1951 г. Я. Г. Гулямов обнаружил жилище с тремя очагами, керамикой, каменной индустрией, костями домашних животных[10].

---

[4] М. А. Итина, указ. соч., рис. 14, *1, 3, 4;* рис. 15, *1, 10;* Б. А. Литвинский, Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г., Труды ТАЭ, т. 63, рис. 1 и 2; Т. Г. Оболдуева, Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области, КСИИМК, 59, рис. 62, *1, 2, 3.*

[5] О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, 46, 1955, стр. 67, рис. 15; Н. Я. Мерперт, Материалы по археологии Среднего Заволжья, стр. 149.

[6] Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3, 1960, стр. 111, рис. 60. В. С. Сорокин, Археологические памятники Северо-западной части Актюбинской области, КСИИМК, 71, рис. 20, 1,2.

[7] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, Могильник эпохи Бронзы в Ферганской долине, КСИИМК, вып. 63, 1956, рис. 40, 1.

[8] Я. Г. Гулямов, указ. соч., стр. 153.

[9] Там же, стр. 156.

[10] Я. Г. Гулямов, указ. соч., стр. 156..

На 13 обследованных буджайлинских стоянках собрано 1099 фрагментов керамики (неорнаментированных черепков мы не брали), на некоторых стоянках найдены обломки зернотерок, больше 30 наконечников стрел, каменные и бронзовые бусы и т. д.

Особый интерес представляет лепная керамика. Сосуды изготовлены из глины с примесью преимущественно дресвы, но часто с песком, шамотом, толчеными раковинами и какой-то органической примесью. Обжиг весьма слабый, неравномерный. В изломе черепок серый, на поверхности коричневатого или красноватого цвета. Орнамент керамики в основном составлен из оттисков гладкого, значительно реже из оттисков гребенчатого штампа. Обычно орнамент покрывает шейку сосуда и спускается ниже по плечикам и тулову, иногда покрывает всю поверхность сосуда. Независимо от способа нанесения орнамент всегда геометрический. Он представлен в виде горизонтальных зигзагов или вертикальных елок (этот вид во всех стоянках преобладает), горизонтальных елочек из коротких насечек, ряда косых насечек, незамкнутых и замкнутых треугольников (последний распространен), треугольников в пояске, ряда сомкнутых треугольников, обращенных вершинами вниз, меандров, различных заштрихованных лент и т. д.

Сходство в керамическом материале этих стоянок и могильника Буджайли, вблизи которого они расположены, указывает на принадлежность могильника жителям стоянок.

Перед нами полный комплекс памятников, позволяющий уверенно говорить о тазабагъябском варианте андроновской культуры. Этот комплекс больше всего находит себе аналогии и близкое сходство в ряде стоянок Акчадарьинской дельты и в могильнике Кокча 3, в ряде стоянок древнего Узбоя, в памятниках Ташкентской области и Ферганской долины, в ряде пунктов Туркмении[11].

---

[11] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, табл. 17, рис. 5, 6, 8, 9; Он же: Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, рис. 1; Он же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., СА, 1958, № 1, рис. 8 ,9: Он же, Итоги двадцати лет работы Хорезмской экспедиции, СЭ, 1957, № 4, рис. 8, 11, 9; М. А. Итина указ. соч., рис. 7, *1*, 2, 3, 4, 5, 6, 9; 12. 1, 3, 6; 13, 1, 4, 7, 8, 9; 14, 1, 3, 4; 15, 1, 2. 5; 7; Т. Г. Оболдуева, указ. соч., рис. 61; 62, 1, *2, 3, 4;* А. В. Збруева, Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья, ВДИ, 1946, № 3, рис. 4; А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, вып. 33, 1950, рис. 69, группа XV, 7-8; Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины, СА, 1957, № 3, рис. 3, 1,8. 12, 20; Б. А. Литвинский, указ. соч., рис. 1, 2; В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, № 73, табл. XI.

Буджайлинский комплекс, наряду с хорошо выраженным своеобразием, имеет ряд общих черт с керамикой классической андроновской культуры. На некоторых крупных фрагментах четко выражен характерный уступ при переходе от венчика к плечикам, гладкая неорнаментированная полоса в нижней части венчика. Довольно значительно количество фрагментов сосудов с меандровым и другими орнаментами из лент с косой штриховкой. Все это характерные особенности керамики алакульского этапа адроновской культуры[12]. Однако проблема изучения развития культуры рассматриваемого района может быть разрешена только в результате дальнейших раскопок памятников эпохи бронзы в районе низовьев Зеравшана.

Таким образом, открытие 13 стоянок и могильника Буджайли, а также единичной могилы в Кызылкыр 1 в низовьях Зеравшана расширяет наши знания о степной бронзе и дает представление о новом районе тазабагъябского варианта андроновской культуры.

* *
*

В Средней Азии до 40-х годов не было зафиксировано памятников культуры эпохи бронзы степного типа. В результате проведенных работ за последние два десятилетия на территории этой области исследовано большое количество памятников (рис. 3).

1. Хорезм. Этот район в настоящее время, по сравнению с другими районами Средней Азии, изучен довольно хорошо. Исследованы могильник Кокча 3 и более ста стоянок в Акчадарьинской дельте, более десятка стоянок по сухому руслу Узбоя[13].

2. Низовье р. Зеравшан. Как выше отмечалось, здесь представлен целый комплекс памятников.

3. Ташкентская область. В этом районе исследован ряд единичных могил степной бронзы. Единичные погребения раскопаны близ г. Янгиюля, на «Никифоровских землях»

---

[12] К. А. Акишев, Эпоха бронзы Центрального Казахстана, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1953, стр. 6—7; А. М. Оразбаев, Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 7, стр. 73—74.

[13] С. П. Толстов, Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г., СА, XIX, 1954, рис. 6; Он же, указ. соч., СА, 1958, № 1, стр. 107, рис. 1; Он же, указ. соч., СЭ, 1957, № 4, Карта работ Хорезмской экспедиции, рис. 1.

(восточная окраина Ташкента), в с. Ореховское (обнаружена при строительстве Ташкентского канала), у ст. Вревской и отдельная находка сделана на правом берегу Ангрена[14].

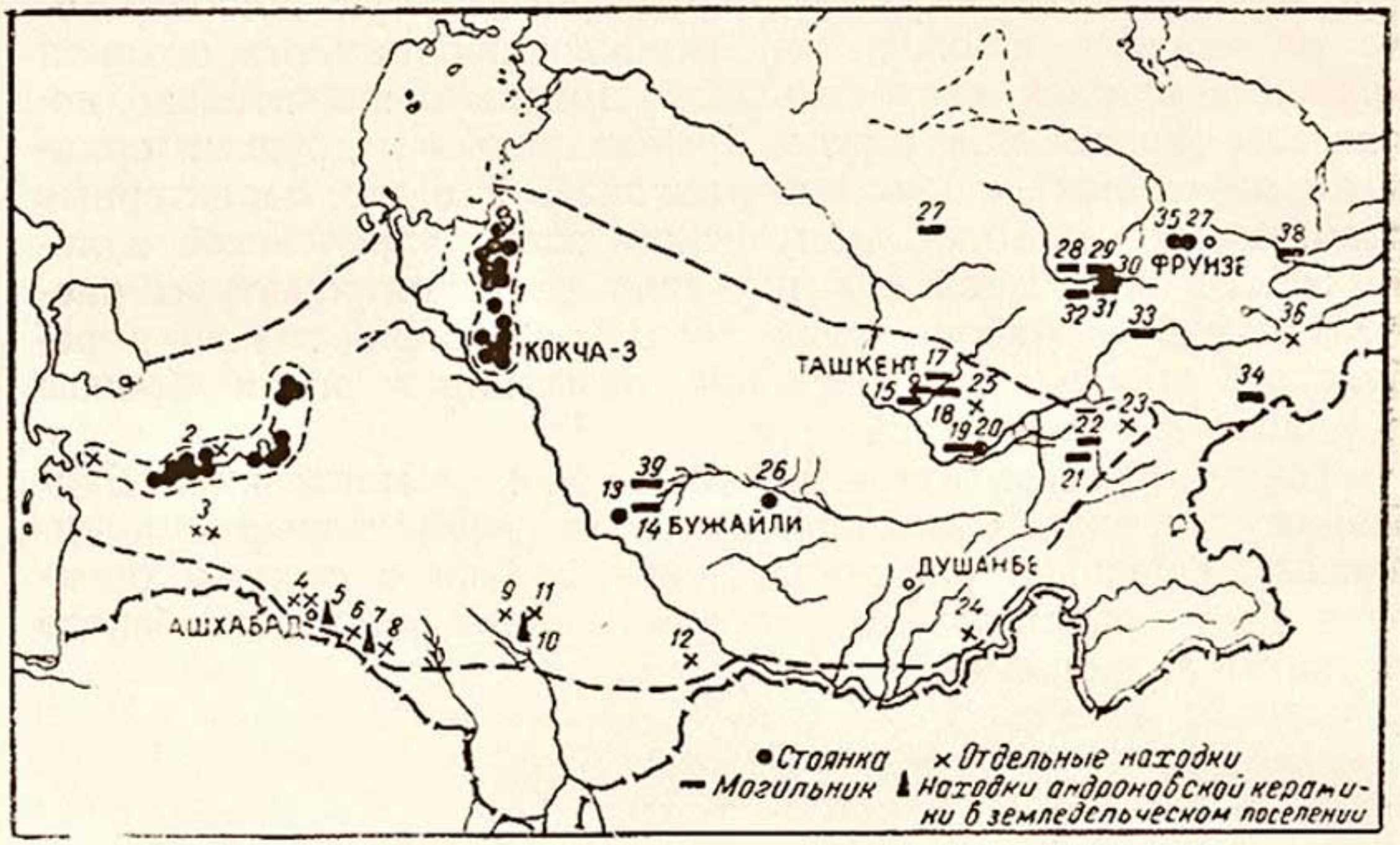

Рис. 3. Места распространения памятников тазабагъябского типа. *1*—Акчаларьинская дельта—могильник и 104 стоянки; *2*—Узбойская группа; *3*—Кизиларват-*4*—окрестность г. Ашхабада; *5*— Анау; *6*—Серманча-Депа у Арман-Сагата; *7*—Теккемдепе-*8*—к СЗ от Каахки; *9*—между колодцами Джуппы и Байгушли в дельте Мургаба; *10*—Тахирбай 3; *11*—Аугин-Депе; *12*—Келифский Узбой (6 пунктов); *13*, *14*—Буджайли—могильник и 13 стоянок *15*—ст. Вревская; *16*—Янгиюль; *17*—„Никифировские земли"; *18*—с. Обуховское, *19*, *20*—Кайраккум—3 могильника и несколько десятков стоянок; *21*—Вуадиль; *22*—Карамкуль; *23*—Сулеймантау; *24*—Джиликуль; *25*—правый берег р. Ангрен; *26*—Наука; *27*—Тауташы; *28*—Таштюбе; *29*—Кулансай; *30*—Ташбашат; *31*—Бешташ; *32*—Кзылсай; *33*—Жазкечду; *34*—Арпа; *35*—Каинда; *36*—Чиргаил; *37*—Джаильма; *38*—Чонкемин; *39*—Кзылкир 1

4. Ферганская долина. Обследовано несколько десятков развеянных стоянок и 3 могильника в песках Кайраккума, в юго-западной части долины. Два могильника (один в Вуадиле, другой — в Карамкуле) раскопаны близ Ферганы. Отдельные фрагменты керамики найдены на горе Сулеймантау в г. Ош[15].

Керамика андроновской культуры встречается в ряде пунктов на юге Средней Азии. Отдельные находки имеются

---

[14] Т. Г. Оболдуева, указ. соч., стр. 145—149.

[15] Б. А. Литвинский, Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г. Труды ТАЭ, т. XCI, 1959; Он же, Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайраккумах в 1955 г., Труды ТАЭ, т. 63, 1956, стр. 27—34; Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины, СА, 1957, № 3, стр. 130—135; А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, 1952, стр. 186.

в Вахшской долине (Колхозабадский район близ Джилику-ля)[16]. По келифскому Узбою зафиксировано 6 пунктов с керамикой[17].

Фрагменты сосудов были собраны археологами Москов-ского государственного университета во время разведок в окрестностях Ашхабада, в котловинах выдувания в пусты-не[18]. Отдельные фрагменты керамики были встречены на Аучиндепе, между колодцами Джуппы и Бойгушлы в дель-те Мургаба, к северо-западу от Каахки, в районе Кзыл-Арват, на Сермаачадепе у Сармак-Сагата[19].

Особый интерес представляет открытие керамики андро-новской культуры в культурном слое на поселениях древне-земледельческих племен Теккемдепе, Тахирбай 3 и Южный холм Анау[20].

Все перечисленные памятники по характеру материала весьма однородны и во многом близки к памятникам клас-сической андроновской культуры Сибири и Казахстана.

По обряду погребения между Кокчинским и Буджайлин-ским могильниками нет различия. В болотистых низинах Зеравшанской и Акчадарьинской дельт не было пригодного для сооружения могил камня и умерших погребали просто в грунтовых ямах без каменных оград, что и отличает эти могильники от могильников ферганских предгорий и Ка-захстана.

На схеме (рис. 3) пунктиром обведена область распрост-ранения особого локального варианта памятников андро-новской культуры, отличных от других ее вариантов.

Одной из характерных особенностей керамики этого района является некоторая небрежность нанесения орна-мента. Зигзаги или елочки оттиснуты неаккуратно. Концы линий в углах плохо совпадают друг с другом, линии редко расположены. Сосуды в большинстве случаев орнаментиро-ваны гладким штампом. Преобладает орнамент в виде зиг-зага и елочки. Очень редки сложные меандровые и фестон-ные узоры. Имеются сосуды необычной для андроновской культуры формы — вероятно, подражание керамическим типам.

Другой характерной особенностью керамики этого рай-она является наличие орнамента в виде ряда незамкнутых

---

[16] С. С. Черников, Восточный Казахстан в эпоху бронзы, МИА, 88, 1960 стр. 114.

[17] С. А. Ершов, Археологическая коллекция с келифского Узбоя, «Изв. Туркменского филиала АН СССР», 1951.

[18] А. В. Збруева, указ. соч., стр. 186.

[19] В. М. Массон, указ. соч., стр. 116.

[20] Там же, стр. 117.

треугольников, оттиснутых гребенчатым или гладким штампами. Этот орнаментальный мотив случаен и почти неизвестен в керамике других вариантов андроновской культуры.

Вышеотмеченные районы можно назвать областью распространения тазабагъябского варианта андроновской культуры. Археологические работы по Киргизии и Южному Казахстану дали новые материалы по степной бронзе. При строительстве Большого Чуйского канала встречены остатки поселений андроновской культуры в районе селений Джаильма и Каунды[21]. С 1944 г. известен крупный могильник Арпа в Тянь-Шане. За последние годы в Таласской долине исследован ряд могильников — Таштюбе, Ташбашат, Бешташ и другие[22]. В 1960 г. сотрудниками Киргизской Академии наук (по устному сообщению И. Кожембердыева) было обнаружено еще два могильника в местности Кулансай и Кизылсай недалеко от г. Таласа.

В северных пределах территории Средней Азии, близ городища Бабаата, в урочище Таутары был исследован еще один могильник[23].

Все эти памятники расположены за пределами области, обведенной на схеме пунктиром, и принадлежат уже к типам, отличным от памятников Хорезма, низовьев Зеравшана, Ферганы, Ташкентской области и юга Средней Азии.

Таким образом, в Средней Азии отчетливо выделяется обширный район, для которого характерны памятники андроновской культуры рассмотренного типа. За пределами этого района распространены памятники других вариантов андроновской культуры, еще недостаточно хорошо выявленных из-за недостаточного материала.

В свое время И. А. Тереножкин отмечал, что памятники эпохи бронзы Ташкентского оазиса являются одним из вариантов андроновской культуры[24].

А. Н. Бернштам справедливо относил фрагменты сосудов, найденные на горе Сулеймантау, к андроновской культуре[25].

---

[21] А. Н. Бернштам, Опыт классификации археологических находок, МИА, 14, 1950; Он же, указ. соч., МИА, 26, 1952, стр. 18—21.

[22] П. Н. Кожемяко, Погребения эпохи бронзы в Киргизии, «Изв. АН КиргССР», т. II, вып. 3.

[23] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г., Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. I, археологический выпуск, 1956.

[24] И. А. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, вып. 33, М., 1950, стр. 153.

[25] А. Н. Бернштам, указ. соч., МИА, 26, стр. 186.

Тщательно изучив полный комплекс Вуадильского могильника, Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова отнесли его к памятникам андроновской культуры[26].

Некоторые исследователи выделяют группы среднеазиатских памятников андроновской культуры в особые археологические культуры — тазабагъябскую и кайраккумскую.

Какова разница между тазабагъябской и кайраккумскоїї культурами? Можно ли выделять их в самостоятельные культуры?

Археологическая культура объединяет сходные памятники более или менее значительных групп древнего населения. Сходство этих памятников обусловливается общностью происхождения составлявших их групп населения и одинаковым социально-экономическим развитием при условии единства процесса этого развития. Отдельные группы населения (племена) могут этнографически несколько различаться между собой, но более существенны признаки их сходства, которые очень резко отличают их от групп населения, принадлежащих к другим археологическим культурам.

Если исходить из такого понимания археологическої культуры, то рассматривать совокупность среднеазиатских памятников культуры степной бронзы (Хорезм, низовья Зеравшана, Фергана, Ташкентская область и юг Средней Азии) как несколько самостоятельных археологических культур не представляется возможным.

Эти памятники, при некоторых отличиях, очень сходны с памятниками других вариантов андроновской культуры и в то же время резко отличаются от памятников древнеземледельческих культур поздне-намазгинского типа на юге и чустского на востоке. Также резко памятники адроновскої культуры других областей пограничных районов отличаются от глазковской культуры на востоке, культур лесного типа в районе Томска и Нижней Оби на Севере, абашевской и срубной культур на западе.

Среднеазиатские памятники поздней бронзы культур степного типа надо рассматривать как один из вариантов андроновской культуры. Следует говорить не о тазабагъябской культуре, а о памятниках тазабагъябского типа андроновской культуры или о тазабагъябском варианте андроновской культуры. В это же понятие тазабагъябского варианта надо включить и так называемую кайраккумскую культуру,

---

[26] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине, КСИИМК, 63, 1956, стр. 91.

памятники которой сколько-нибудь существенно не отличаются от памятников тазабагъябского типа.

Памятники тазабагъябского варианта андроновской культуры очень близки к памятникам андроновской культуры Сибири и Казахстана. Полному рассмотрению исторического значения этой, несомненно, не случайной близости мешает, в первую очередь, слабая разработанность вопросов относительной и абсолютной хронологии андроновской культуры. На материале южного Зауралья К. В. Сальников предложил разделить андроновскую культуру на три последовательных стадии: федоровскую, алакульскую и замараевскую. Однако не вполне ясно, в какой степени эту схему можно применить ко всей территории распространения андроновской культуры, а тем более на среднеазиатские памятники.

Если исходить из схемы К. В. Сальникова, то описанные выше среднеазиатские памятники тазабагъябского типа следует отнести хронологически к алакульской стадии.

Пока еще мало материала для того, чтобы говорить о конкретных особенностях культуры скотоводческо-земледельческих племен Средней Азии в отличие от племен других районов андроновской культуры.

Археологическая неразработанность отмеченных выше вопросов затрудняет рассмотрение и такой важнейшей исторической проблемы, как вопрос о появлении и распространении в Средней Азии скотоводческо-земледельческих племен с культурой андроновского типа.

Некоторые исследователи полагают, что андроновские племена Казахстана и Южной Сибири, двигаясь с севера на юг, проникли в Среднюю Азию, оставив отмеченные выше памятники[27]. В пользу этой точки зрения свидетельствует прежде всего то, что культура андроновского типа не может быть выведена из предшествующих культур Средней Азии — кельтеминарской или Заманбаба. Разумеется, носители этих культур не исчезли бесследно, а были ассимилированы пришельцами, если таковые действительно здесь появились, но пока еще отсутствуют данные, позволяющие говорить о генетической связи этих культур с более поздними памятниками.

На основании подобных заключений нельзя уверенно говорить о распространении в Средней Азии проникавших с севера андроновских племен. В последнее время на терри-

---

[27] С. П. Толстов, Итоги 20 лет работы Хорезмской экспедиции. СЭ, 1957, № 4, стр. 41; С. С. Черников, Восточный Казахстан в эпоху бронзы, МИА, 88, 1960, стр. 112.

тории Средней Азии уже найдены образцы сосудов, которые указывают на существование здесь федоровского этапа андроновской культуры. Например, был найден в случайно раскопанной могиле у совхоза «Пригородный» близ Фрунзе сосуд со сложным меандровым орнаментом федоровского типа[28], а другая находка сделана Я. Г. Гулямовым в 1960 г. в среднем Зеравшане в Наукатепе. Эти находки напоминают сосуды федоровского этапа андроновской культуры.

Ответственный вывод о наличии в Средней Азии федоровского этапа андроновской культуры может быть сделан только после новых более многочисленных раскопок и при более тщательной разработке таких вопросов археологии, как относительная и абсолютная хронология памятников андроновской культуры.

---

[28] П. Н. Кожемяко, Погребения эпохи бронзы в Киргизии, «Изв. АН КиргССР», т. II, вып. 3, 1960, рис. 17, стр. 105. Однако эта находка автором отнесена к позднему этапу андроновской культуры.

С. К. КАБАНОВ

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ НАСЛОЕНИЙ ДРЕВНЕГО ГОРОДИЩА В КИТАБЕ

В 1951 г. на развалинах древнего города в Китабе предполагалось провести разведочные археологические раскопки с целью выявления стратиграфии городища, обследованного в 1950 г. без раскопок[1]. В силу ряда обстоятельств эти раскопки пришлось ограничить заложением лишь одного шурфа, давшего, как обычно бывает в таких случаях, очень фрагментированный материал, исключительно керамический. Значение полученного керамического комплекса состоит в том, что он дает представление об облике материальной культуры нижних наслоений крупнейшего древнего городища верхней части долины Кашкадарьи.

Шурф был заложен на краю обрыва городища, против юго-западного угла крепости XVIII—XIX вв.[2]; сверху, до глубины 3 *м*, велась только зачистка обрыва. В самых верхних наслоениях были обнаружены деревянные балки от построек, которые, как рассказывают местные жители, были в этом месте еще лет сорок тому назад. До глубины 2 *м* среди древних обломков посуды встречались и средневековые; ниже выявлялся уже только однородный древний материал.

Собственно шурф (площадью 3×2 *м*) был начат у основания зачищенного обрыва с глубины 3 *м* от вершины. Грунт рыхлый, темно-серый, с прослойками и линзами желтоватых оттенков и золы с угольками; отложения представляют собой завал с большим скоплением сильно фрагментированной керамики.

---

[1] С. К. Кабанов, Археологические разведки в верхней части долины Кашкадарьи, ТИИА АН УзССР, т. VII, Ташкент, 1955, стр. 105—110.

[2] Там же, стр. 105.

С 5,5 *м* глубины цветность грунта начинает изменяться, желтый фон приобретает буроватый оттенок, структура становится комковатой, влажность увеличивается. На глубине в 6,5 *м* в грунте уже вязла теша, только которой из-за обилия керамики можно было вести расчистку. На глубине около 7 *м* от вершины обрыва обнаружена поверхность материкового слоя с покатостью с севера на юг в направлении к реке Акдарья. Грунт материкового слоя более сухой, чем вышележащие культурные отложения, желтого цвета с серыми пятнами и прожилками. Подошва культурного слоя примерно на 4—4,5 *м* ниже уровня основания поздней крепости.

Конструктивных элементов (стен, очагов и т. п.) в шурфе не обнаружено. Все отложения в целом носят характер завала. В керамике при послойном вскрытии каких-либо существенных отличий также не установлено. Однако комплекс обнаруженных находок мы условно разделим на две части: от глубины 3 *м* до 5,5 *м* (материалы верхних слоев) и от 5,5 до 7 *м* (материалы нижних слоев). Обломки керамики, найденные при зачистке обрыва на глубину в 3 *м*, мы рассматривать не будем, так как они малохарактерны и в некоторой части перемешаны.

Почти весь комплекс состоит из красноглиняной посуды, изготовленной при быстром вращении. Только на котлах, от которых найдено несколько небольших фрагментов, заметны признаки медленного вращения станка, вероятно ручного, и правки сырого сосуда рукой. Глина в общем промешана хорошо, лишь иногда в черепке встречаются небольшие полости. Обжиг обычно равномерный, но довольно часто обнаруживаются признаки пережога в восстановительной (без доступа кислорода) среде, в результате которого черепок приобретает различные оттенки серого цвета. Фрагменты сероглиняной керамики встречались редко.

Наиболее характерной керамической формой для всего комплекса в целом были тонкостенные кубки, известные в Средней Азии почти всюду в земледельческих поселениях, где выявлены наслоения III в. до н. э. — II в. н. э., но здесь не удалось найти хотя бы в относительно хорошей сохранности ни одного изделия этого вида, поэтому мы можем отметить лишь отдельные их признаки.

В нижней части наслоений шурфа, на глубине 5,5—7 *м*, найдено шестнадцать ножек кубков. При их рассмотрении прежде всего обращает на себя внимание то, что цвет их глиняной массы не одинаков. Глина преимущественно красная, но встречается серовато-бурая различных оттенков. Причина этого различия, как выявлено лабораторным ана-

лизом, проведенным Н. С. Гражданкиной, заключается в различных условиях обжига, которые могут создаться даже в одной печи одновременно. Было отдано на анализ четыре фрагмента ножек кубков различного, от красного до почти черного, цвета. Все они оказались однотипными по химическому составу: в основе — гончарная пластичная глина, содержащая много железа, к глине добавлялось 10—15% отмученного лесса и 4—5% доломитированного известняка. Различия в окраске черепка зависели от места предмета в печи примитивного устройства, в которой невозможно было добиться разномерного температурного режима и одинакового состава воздушной среды.

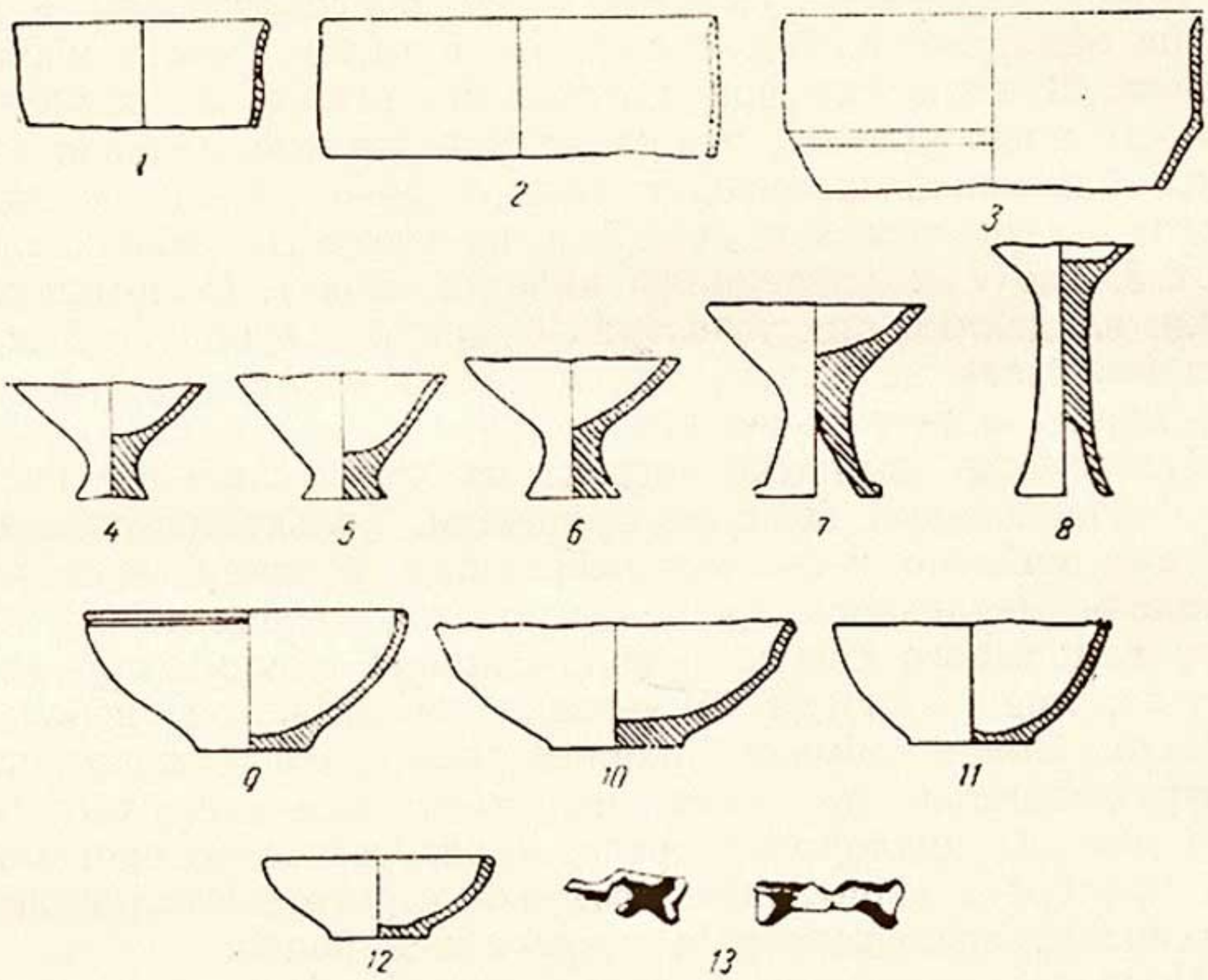

Рис. 1. Тонкостенная керамика из нижних наслоений древнего завала.

Кубки покрывались красным ангобом, довольно часто с лощением (сплошным и полосчатым). Пережженные кубки покрыты потеками черного ангоба.

Высота ножек кубков различна: некоторые из них такие короткие, что при пользовании их можно взять только пальцами, другие же — всей ладонью (рис. 1, *4—8*). В донышках высоких кубков сделаны глубокие выемы. Переход от ножек к корпусу закругленный, закраины почти прямые, с легкой изогнутостью (рис. 1, *1—2*).

Отмеченное разнообразие в технике изготовления и формах кубков не говорит о разновременности изготовления этих сосудов, хотя найдены они в завале, который не мог образовываться в течение продолжительного времени. Следовательно, все эти разнообразные по форме кубки применялись в быту одновременно; это наблюдение очень существенное, им устанавливается недостаточность в данном случае использования этого вида изделий для установления датировки комплекса.

Чаши на невысоком поддоне или без поддонов также являются одним из видов массового материала (рис. 1, *9—12*). Опишем одну из чаш, форму которой удалось восстановить полностью. Чаша из розовой, хорошо промешанной и обожженной глины, снаружи и внутри покрыта красным ангобом. Стенки корпуса закругленные, без четко выраженного бортика, лишь со слегка загнутым внутрь краем устья. Высота сосуда 6,1 *см*, диаметр — 13 *см*. Подобные чаши ранее встречались в наслоениях Талибарзу I и датированы II в. до н. э. — I в. н. э.[3].

Очень своеобразны чаши или кубки с коленчатым перегибом корпуса, образующим вертикальный бортик (рис. 1, *3*). Подобные сосуды широко известны в долине Кашкадарьи[4], в Бухарском оазисе[5], в Самарканде[6]. А. И. Тереножкин определяет их как относящихся к культуре Афрасиаб IV (II в. до н. э. — I в. н. э.), В. А. Шишкин — I—II вв. н. э.[7]. К тонкостенным изделиям можно отнести также небольшой сосуд, по форме напоминающий горшок, верхняя часть которого покрыта темно-красным ангобом, а плечики украшены зигзагообразной линией и круглым налепом; налепные украшения сосудов очень редки, но нередки фрагменты сосудов с орнаментом в виде зигзагообразных и волнистых линий, иногда в несколько ярусов.

Ручки сосудов пластинчатые, с ложбинкой на верхней поверхности. Иногда встречаются более сложные ручки, составленные из сомкнутых валиков; найдена сероглиняная

---

[3] А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 156 и рис. 69, VI, 3.

[4] С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе, ТИИА АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 127; Он же, Археологические памятники зоны Чимкурганского водохранилища, Изв. АН УзССР, Серия общественных наук, 1957, № 2, стр. 81.

[5] В. А. Шишкин, Археологическая разведка на Баштепе, ТИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 169—170; В. Д. Жуков, Материалы к изучению Баштепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса, там же, стр. 199.

[6] А. И. Тереножкин, указ. соч., рис. 69, V, 3.

[7] В. А. Шишкин, указ. соч,, стр. 170.

ручка, украшенная навершием в виде резного валика. На донышки сосудов иногда накладывались налепы в виде подставок (рис. 2, 7).

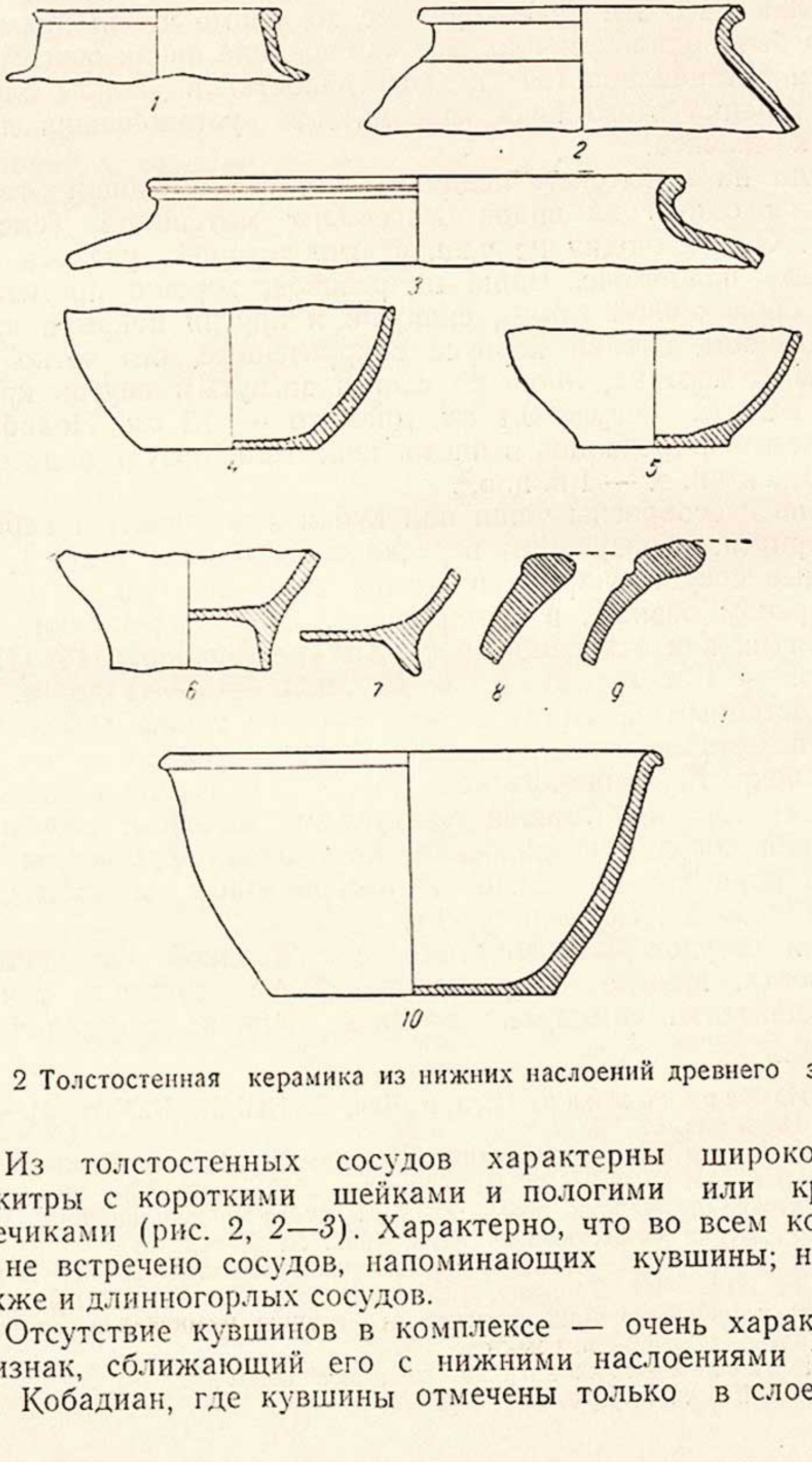

Рис. 2 Толстостенная керамика из нижних наслоений древнего завала.

Из толстостенных сосудов характерны широкогорлые макитры с короткими шейками и пологими или крутыми плечиками (рис. 2, *2—3*). Характерно, что во всем комплексе не встречено сосудов, напоминающих кувшины; не было также и длинногорлых сосудов.

Отсутствие кувшинов в комплексе — очень характерный признак, сближающий его с нижними наслоениями городища Кобадиан, где кувшины отмечены только в слое Коба-

диан IV, датированном II в. н. э.[8]. В Самарканде кувшины отмечены уже в слое Афрасиаб II (IV—II вв. до н. э.)[9]. Очень характерен фрагмент крупного сосуда на высоком поддоне (рис. 2, *6*); подобный сосуд был найден в слое Кобадиан II[10], датированном III—I вв. до н. э.[11].

Рис. 3. Терракота из нижних наслоений древнего городища.

Из крупных сосудов удалось восстановить полностью форму лишь одной глубокой тагоры (рис. 2, *10*) с крутыми стенками, завершенными профилированным наружу закругленным валиком. Сосуд покрыт серым ангобом. Высота тагоры — 18 *см*, диаметр — 30 *см*.

Края хумов круто загнуты внутрь, венчики лишь намечены валиком или ложбинкой (рис. 2, *8-9*); хумы станковой работы с признаками правки от руки.

В нижней части комплекса было найдено терракотовое изображение человека, сохранившееся частично — голова и верхняя часть груди с обломком руки (рис. 3). Голова от-

---

[8] М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан), МИА, 37, М.—Л., 1953, стр. 288—289.
[9] А. И. Тереножкин, указ. соч., стр. 156.
[10] М. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 284, рис. 20.
[11] Там же, стр. 286.

формована с помощью штампа, а туловище довольно грубо слеплено от руки; глина желтого цвета, терракота сплошь покрыта плотным темно-красным ангобом. Лицо шаровидное, на нем выступает лишь крупный нос (поврежден); глаза и губы еле намечены. Наиболее характерен головной убор конической формы с толстыми накладками на уши; ниже, по-видимому, изображены волосы, закрывающие с боков шею. Лицевая поверхность головного убора разработана выемчатым орнаментом, в нем различаются полоски углублений, рубчиков и пересекающихся линий. Туловище непропорционально тонкое; рука в виде круглого валика с закруглением вместо локтевого изгиба; оборотная сторона не плоская, а с закруглением, напоминающим горб. Высота сохранившейся части терракоты — 5 *см*. Головной убор, изображенный на рассматриваемой терракоте, высокий, конической формы, не женский, как на первый взгляд можно было бы предположить, а восходит к изображениям местных тиар[12]. Н. И. Веселовский терракоту из Афрасиаба с таким же головным убором предположительно относит к типу изображений Александра Македонского[13].

Перейдем к рассмотрению материалов, полученных из наслоений, вскрытых на глубине 3—5,5 *м*. Выше уже указывалось, что нет никаких признаков, которые позволили бы отчетливо наметить существенное различие в характере материалов; выявляются лишь дополнительные штрихи к характеристике единого комплекса.

В кубках отмечены две разновидности, не встречавшиеся ранее. На одном из них отмечена ступенчатость ножки (рис. 4, *4*), напоминающая некоторые кубки из могильника Тупхона близ Гиссара[14], датированные приблизительно I в. до н. э.[15]. Подобные ножки кубков встречаются и в слое Кобадиан II[16].

Вторая разновидность — кубок с сильно утонченной нижней частью корпуса (рис. 4, *7*); переход к ножке выполнен без закругления и без перегиба путем постепенного утолщения ножки. Подобная форма нам известна только в материалах Балха[17].

---

[12] К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 34.

[13] Н. И. Веселовский, Греческие изображения на туркестанских оссуариях, Известия археологической комиссии, вып. 63, Петроград, 1917, стр. 65—66.

[14] М. М. Дьяконов, Работы Кафирниганского отряда, МИА, 15, М.—Л:, 1950, табл. 83, рис. 7, 9.

[15] Там же, стр. 165.

[16] М. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 284.

[17] J.-C. Gardin, Ceramiques de Bactres, Paris, 1957, Planche IV, 24.

В верхней части отложений фрагменты с лощением встречаются реже, но и здесь есть образцы прекрасного (полосчатого и сплошного) лощения. Есть и чаши с коленчатым перегибом корпуса (рис. 4, *8*), и с плавным сужением книзу (рис. 4, *1—2*).

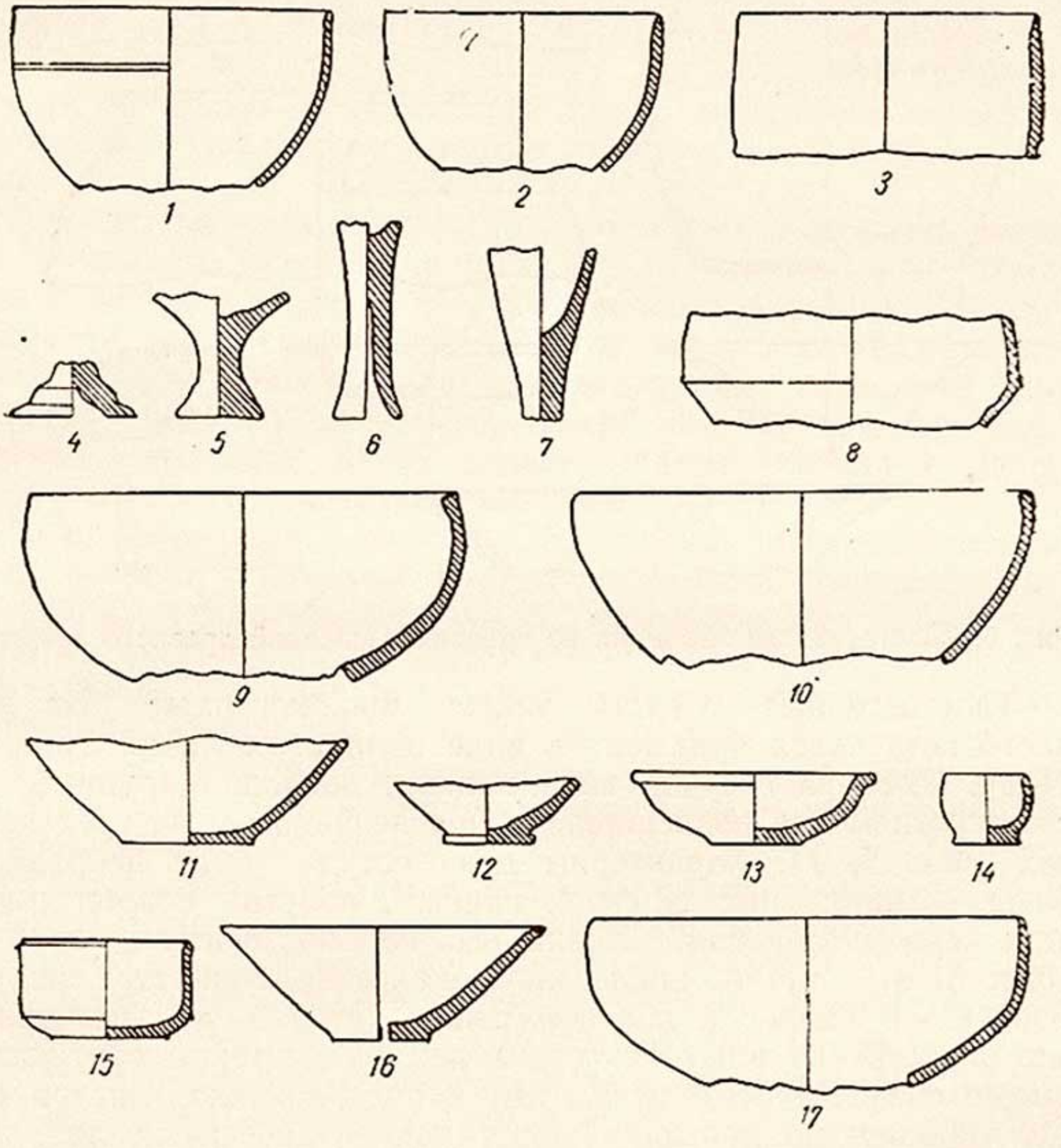

Рис. 4. Тонкостенная керамика из средних наслоений древнего завала

Своеобразны небольшие сосуды с прямыми, круто расходящимися в стороны стенками и с отверстием в донышке (рис. 4, *16*); возможно, это были цедилки. Сосуды подобного назначения были найдены в Пенджикенте в гораздо более поздних слоях[18].

[18] А. И. Тереножкин, Раскопки в кухендизе Пянджикента, МИА, 15, табл. 41, рис. 3; И. Б. Бентович, Керамика Пянджикента, МИА, 37, стр. 142. Ближе по времени и более похожие цедилки (так

Сероглиняные изделия в верхней части комплекса встречались чаще, чем внизу; на одном из сосудов типа чаш нанесен плотный черный ангоб.

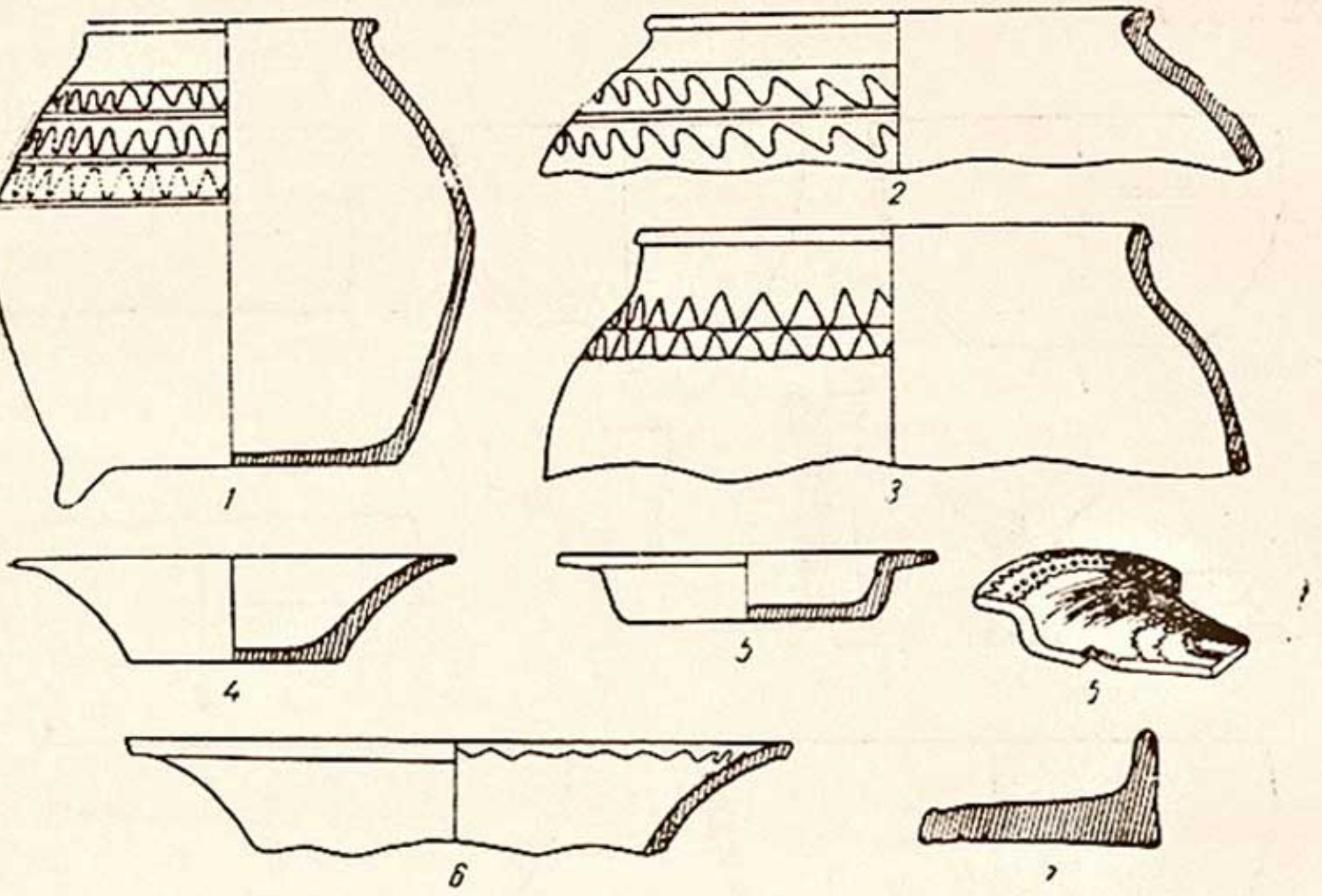

Рис. 5. Толстостенная керамика из средних наслоений древнего завала.

Толстостенные сосуды также широкогорлые. На них часто встречался орнамент в виде волнистых линий (рис. 5, *1—3*). Один из сосудов типа кринки, довольно крупный, но с отверстием для подвешивания под венчиком и на трех ножках (рис. 5, *1*). Характерны два сосуда типа небольших блюд. Один из них из серой глины[19], изнутри покрыт плотным черным ангобом. Стенки его плавно отогнуты наружу (рис. 5, *4*), внутри, вдоль края, нанесена волнистая линия. Второе — блюдо из красной глины (рис. 5, *5*). Наружная поверхность его покрыта серым ангобом. Стенки вертикальные, с сильным отгибом наружу в виде венчика. Внутри сосуд украшен по донышку двумя концентрическими линиями волнистого орнамента и по верхней поверхности отгиба двумя такими же круговыми линиями, разделенными пояском точечного орнамента. Сочетание волнообразной и точечной

условно мы будем называть эти сосуды) найдены на городище Афрасиаб во время раскопок 1959 г. (руководитель В. А. Шишкин) и в наших раскопках в зоне Чимкурганского водохранилища. Эти материалы еще не опубликованы.

[19] Как установила Н. С. Гражданкина, серый цвет получался в результате подмешивания к глиняной массе сажи и обжига в восстановительной среде.

линий орнамента встречаются и на наружных поверхностях крупных сосудов.

Ручки сосудов чаще пластинчатые, но встречаются и граненные. Имитацией ручек, по-видимому, являются S-образные налепы, накладывавшиеся на корпус сосуда горизонтально. Найдены два шарика из серой глины диаметром в 1,5—2 *см*. Отметим еще круглую подвеску из серой глины, по-видимому, для ткацкого станка. Из терракот найдено лишь изображение (фрагментированное) животного, возможно горного козла, со сплетением двух рубчатых валиков на голове.

Приведенные выше аналогии позволяют в широких рамках датировать комплекс в пределах III в. до н. э. — II в. н. э. Конечно, эта датировка не удовлетворительна при современном знании материалов того времени. Некоторые признаки, выявленные в нашем комплексе, позволяют несколько сузить эту датировку; среди них, на наш взгляд, решающее значение имеет способ орнаментировки сосудов путем нанесения волнообразных линий.

В верхней части долины Зеравшана распространение этого орнамента впервые отмечается лишь в комплексе Талибарзу I, датированном А. И. Тереножкиным II—I вв. до н. э.[20]

В южном Таджикистане появление волнообразного орнамента, по данным раскопок на могильнике Тупхона, относится к I в. до н. э.[21]. В комплексе Кобадиан II, датированном III—I вв. до н. э., орнаментация врезанной волнистой линией встречается редко[22]

В Афганистане сосуды с волнообразным орнаментом известны в комплексе Беграм I, датированном II в до н. э. — III в. н. э.[23]

В Южном Туркменистане время появления интересующего нас орнамента определяется рубежом нашей эры[24]. В Хорезме широкое распространение волнообразный орнамент получает лишь во II—III вв. н. э.[25].

---

[20] А. И. Тереножкин, Согд и Чач, стр. 156—157, рис. 69, VI, 2.

[21] М. М. Дьяконов, Работы Кафирниганского отряда, МИА, 15, стр. 155, 162, табл: 83, рис. 2.

[22] М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951), МИА, 37, М.—Л., 1953, стр. 285.

[23] R. Ghirshman, Bégram, Le Caire. 1946, P. 43, Pl. XXIJ, XXXIII.

[24] А. А. Марущенко, Хосровкала, Труды Института истории, археологии и этнографии, т. II, Материалы по археологии Туркменистана, Ашхабад, 1956, стр. 130—131.

[25] М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма античного периода, сб. «Керамика Хорезма» под ред. С. П. Толстова и М. Г. Воробьевой, М., 1959, стр. 195.

Суммируя приведенные выше данные о времени появления и уже относительно широкого распространения на юге Средней Азии орнаментации сосудов путем нанесения врезанных волнообразных или зигзагообразных линий, мы имеем все основания прийти к выводу, что оно определяется рубежом нашего летоисчисления —II в. до н. э. — I в. н. э., этим же временем можно датировать и рассмотренный комплекс.

Указанный способ украшения толстостенных сосудов определяется способом их изготовления на ножном гончарном круге в условиях массового ремесленного производства, которое в это время уже возобладало над домашним гончарным производством: об этом свидетельствует почти полное отсутствие в рассмотренном комплексе сосудов лепной работы. В свете этих фактов названное время (II в. до н. э. — I в. н. э.) определяется как период широко развитых меновых отношений. В последующие времена украшение толстостенных сосудов орнаментом из волнистых круговых линий получает широкое распространение по всей Средней Азии.

Площадь городища в Китабе, включая и Каляндартепе, составляла не менее 15 *га*[26]; по всей площади встречаются материалы рубежа нашей эры; несомненно, это был период максимального развития древнего города в верхней части долины Кашкадарьи. Однако надо предполагать и наличие более древних стадий развития города, материалы которых нами еще не выделены или не выявлены; эти материалы, несомненно, есть, обнаружение их — благодарная задача для будущих исследователей.

Исторические свидетельства о долине р. Кашкадарья очень скудны, древнейшие из них, по-видимому, относятся ко времени завоеваний Александра Македонского (329—327 гг. до н. э.). Арриан упоминает одну из областей Согдианы — Навтаку, которую исследователи, работавшие над письменными источниками, локализуют в долине Кашкадарьи. В. Томашек локализует Навтаку в районе Шахрисябза[27]. В. В. Григорьев считает, что Навтакой называется вся область от Шахрисябза к югу — вплоть до Аму-Дарьи[28]. Но не учитывается при этом, что к югу от Шахрисябза ле-

---

[26] С. К. Кабанов, Археологические разведки в верхней части долины Кашкадарьи, ТИИИА АН УзССР, т. VII, Ташкент, 1955, стр. 105.

[27] W. Tomaschek, Centralasiatische Studien, Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Classe der K. Akademie der Wissenschaften, Siebenundachtzigster Band, Wien, 1877, S. 183.

[28] В. В. Григорьев, Поход Александра Великого в Западный Туркестан, ЖМНП, СПб., 1881, сентябрь, стр. 43.

жит мощный Гиссарский хребет, который ограничивает область Шахрисябза с юга.

Необходимо рассмотреть указание Арриана, которое позволит нам привести некоторые дополнительные данные для обоснования положения о локализации Навтаки в верхней части долины Кашкадарьи.

После покорения Бактрии Александр Македонский, переправившись через Аму-Дарью, отправил вперед Птолемея Лага[29] с большим отрядом в Навтаку, с тем чтобы захватить Бесса — одного из бывших сатрапов Дария, объявившего себя шахом. Этот отряд за четверо суток сделал десять переходов и прибыл в Навтаку. Предполагается, что переправа войск Александра произошла в районе Келифа[30], от которого до низовьев Кашкадарьи около 120 *км,* до Шахрисябза — около 250 *км.* Естественно, чтобы дойти до Карши не нужно десяти переходов, вполне можно, делая по 25 *км,* дойти до Шахрисябза. Правда, воинам Александра (судя по указаниям Арриана, большинство из них были конные) пришлось делать в сутки в среднем по 60 *км,* что очень трудно, но возможно; на четвертые сутки они могли прибыть в район современного Шахрисябза. Следовательно, исходя из этого расчета, Навтакой называлась верхняя часть долины Кашкадарьи.

Птолемей Лаг взял в плен Бесса в крепости Навтака (так называлась и вся область), конечно, это была крупнейшая крепость в данном районе. Однако являлась ли эта крепость эмбрионом города, развалины которого находятся в Китабе, или же она находилась в другом месте верхней части долины Кашкадарьи — ответ на этот вопрос могут дать лишь будущие исследования.

---

[29] А р р и а н, Анабасис Александра, или история походов и завоеваний Александра Великого, пер. Н. Кореньков а, стр. 139.

[30] В. В. Г р и г о р ь е в, указ. соч., стр. 41.

С. К. КАБАНОВ

ДВЕ ТЕРРАКОТЫ ИЗ ДОЛИНЫ КАШКАДАРЬИ

В 1951 г. во время планировки поля при Сельскохозяйственном техникуме, расположенном к северу от Шахрисябза (между его северной стеной и потоком Муминабада), был срыт небольшой бугор. При его разборке найдена глиняная плитка (о характере сопутствующего материала ничего не известно) с изображением человека (рис. 1). Эта плитка была передана в Институт истории и археологии АН УзССР сотрудником Министерства сельского хозяйства УзССР Г. Р. Самедовым.

Рис. 1. Терракотовая плитка, найденная за северной стеной Шахрисябза.

Плитка с заостренной в виде неровной стрельчатой арки вершиной, на ее лицевой стороне штампом нанесено изображение стоящего человека. Правая рука с растопыренными на уровне подбородка пальцами полусогнута в локте и приподнята. В левой опущенной вниз руке человек держит булаву. Лицо сильно удлиненное, клиновидное, с широко расставленными глазами. Нос сбит. Рубчатый плоский головной убор ниспадает на лоб. По сторонам головного убора прикреплены длинные рога, образующие почти замкнутый овал, в который

вписана округлая пальметка, взятая в обрамление полукругом точечного орнамента. Описанный головной убор, возможно, является изображением короны.

Человек одет в короткий, до колен, халат, по-видимому, парчевый, с опушкой внизу. На халате бугорками и рубчиками различной величины показаны украшения; три крупных бугорка помещены рядом на груди, два — в нижних углах халата. Пояс туго перетянут, впереди на нем, немного правее середины, висит какой-то предмет, возможно кинжал в чехле или ключ.

Ноги очень тонкие, изображены условно, ступни обращены в стороны; обувь не различается. Фигура человека взята в рамку в виде ниши со стрельчатой аркой. Фон изображения заполнен косыми и прямыми штрихами.

Оборотная сторона плитки почти плоская, слегка бугорчатая, с отпечатками пальцев и с вдавлением против головы. Плитка из красной глины с включением белых частиц сплошь покрыта серым ангобом. Высота —13 *см*, ширина у основания — 6,7 *см*.

По форме и трактовке изображения описываемый нами памятник напоминает афрасиабские плитки[1], в особенности одну из них, сохранившуюся полностью, на которой воин изображен также с весьма характерными атрибутами[2].

В. Л. Вяткин различает два вида плиток с рельефными изображениями: буддийские «образки» с отражением традиций искусства Индии и плитки с элементами иранского искусства[3].

Л. И. Рempель видит в сюжете изображения описанной им плитки элементы среднеазиатско-индийского искусства эпохи кушан[4]. Возможно, описанный нами памятник также в какой-то мере отражает влияние индийского искусства на творчество древнего населения Южного Согда.

Отсутствие сопутствующего материала чрезвычайно ограничивает возможность датировки рассматриваемого памятника. Лишь сопоставление относительно хорошей техники штампа с сюжетом, в котором отражены традиции времени кушан, даёт основание датировать описанную терракоту первыми веками н. э.

Вторая терракота была получена также в 1951 г. во время полевых работ автора этой заметки в верхней части до-

---

[1] C. Trever, Terracotas from Afrasiab, M.—L., 1934. табл. XIV, № 200—205.

[2] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель, Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана, Ташкент, 1960, стр. 57.

[3] В. Л. Вяткин, Афрасиаб — городище былого Самарканда, Самарканд, 1927, стр. 24—25.

[4] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель, указ. соч., стр. 58.

лины Кашкадарьи. Р. Ш. Риятов, сотрудник одного из районных учреждений пос. Китаб, сообщил, что в кишлаке Тупчак Сивазского сельсовета Китабского района найдено глиняное изображение человека. Терракота, как выяснилось при обследовании на месте, была найдена во время разборки небольшого бугра, при планировке поля.

Рис. 2. Терракота, найденная близ кишлака Тупчак Китабского района.

Терракота из серой глины без ангоба. Сохранилась лишь мужская голова с резко выраженными чертами лица европеоидного типа (рис. 2). Большие глаза в виде бугорков в овалах ресниц, сильно развитые сросшиеся надбровные дуги, прямой нос. Губы в овале, образованном выступающим вперед подбородком и косыми складками щек. Головной убор невысокий, в виде рубчатой плоской повязки, закрывающей почти весь лоб и уши. Под левым ухом бугорок, по-видимому, серьга (справа соответствующее место сбито). В высоту терракота сохранилась на 4,1 *см*. Эту терракоту датировать также очень трудно; можно только отметить, что на одном из памятников юго-западной окраины Каршинского оазиса — Кендаклитепе — на поверхности поднята терракота с подобным головным убором; вместе с терракотой поднят фрагмент кубка первых веков н. э.[1]

На Афрасиабе также была найдена терракота с подобным головным убором, но с несколько измельченными складками[2]. Однако и эта терракота не датирована.

Терракотовые изображения людей — один из распространенных в древности видов прикладного искусства. Они дают представление об этническом составе населения, об его сказаниях и мифологии. Описанные находки случайны, но и они займут свое место в истории культуры при дальнейших систематических исследованиях.

---

[1] С. К. Кабанов, Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках, ВДИ, 1956, № 2, стр. 171.

[2] C. Trever, указ. соч., табл. XIII, № 195.

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

МОГИЛЬНИК АКДЖАРТЕПЕ

Археологические исследования, начатые в Самаркандской области в 1956 г., кроме раскопок в Придаргомской степи включали и разведки. Одна из таких разведок была проведена осенью 1956 г. в Пайарыкском районе в степях, прилегающих к Чилеку с востока. Во время обследования этого района совместно с Г. В. Шишкиной в урочище Мингчукур («Тысяча ям») на холме Акджар, в 12 *км* к востоку от Чилека, был обнаружен курганный могильник. Могильник (9 насыпей) расположен на небольшой возвышенности, окруженной со всех сторон оврагами. Сохранность могильника объясняется тем, что территорию, на которой он расположен, нельзя использовать под посев. Обнаруженные курганы, вероятнее всего, являются остатками большого могильника, утратившего вследствие распашки земель свои насыпи. Некоторые из них в виде плоских бугров видны восточнее могильника на пашне. Сравнительно на небольшой площади курганы расставлены в беспорядке, то один рядом с другим, то с небольшими интервалами. Обособленно находится в южной части большая насыпь высотою более двух метров с установленным на ней геодезическим репером. Высота других насыпей от полутора метров до 70 *см* и диаметр от 7 *м* до 22 *м*. Почти у всех насыпей поверхность неровная, с вмятинами, указывающими на ограбление курганов, что подтвердилось раскопками.

Весной 1959 г. были предприняты раскопки курганов, в которых принимал также участие лаборант А. Исламов, выполнявший чертежные работы в поле.

Насыпи всех курганов возведены из лесса, им же засыпались и дромосы, никаких выкладок под ними на былой дневной поверхности не оказалось, ни у одного кургана не удалось проследить ровик.

Курган № 1. Высота насыпи 1,1 *м,* диаметр 14 *м.* Под насыпью в восточной части кургана находился дромос, ориентированный длинной осью с юга на север, с легким отклонением к западу. Прямоугольный в плане дромос имеет длину 3,2 *м,* в южном конце его ширина 1,2 *м,* а к северу он расширяется до 1,5 *м.* На глубине 1,7 *м* по трем сторонам дромоса сделан уступ шириной 70 *см* в южном конце и 25—30 *см* по параллельным длинным. Глубина дромоса 2 *м* в южной части и 2,5 *м* — в северной, у входа в катакомбу, который был заложен шестью рядами сырцового квадратного кирпича размером 40×40×10 *см.* Катакомба представляет в плане неправильный овал, слегка сужающийся в западной части, длина ее с востока на запад — 2,5 *м,* ширина в средней части —2,1 *м.* Пол катакомбы на 60 *см* ниже дромоса, потолок обрушен и высота его 1,3 *м.* Судя по сохранившимся частям свода, он был значительно ниже, не более 0,8—0,9 *м* (рис. 1).

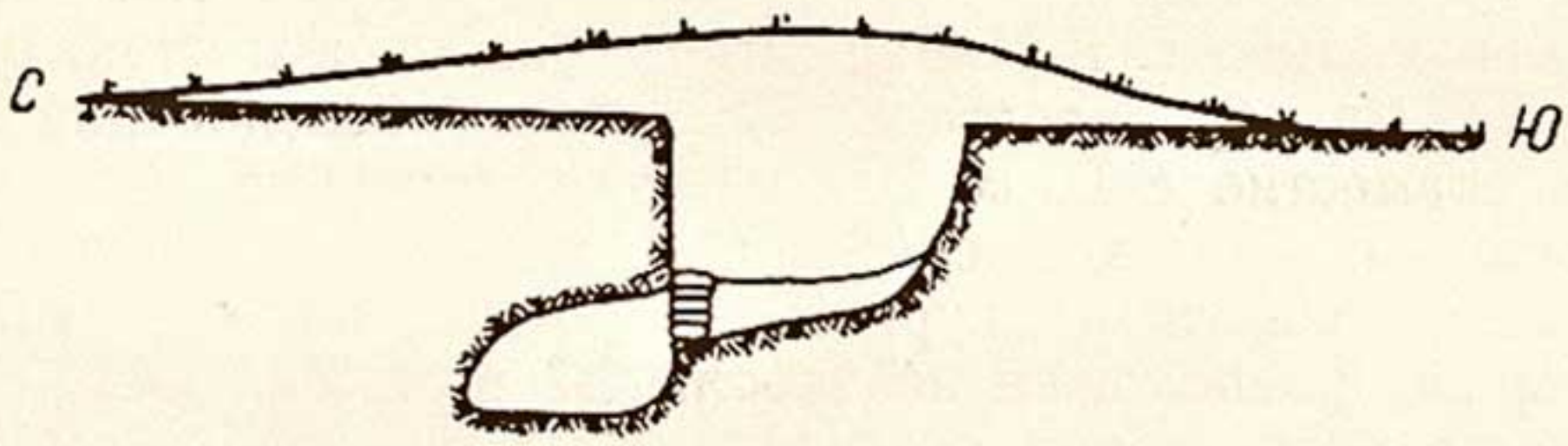

Рис. 1. План катакомбы кургана № 1.

На полу катакомбы, на камышевой подстилке, по ее длинной оси, головой на восток на спине лежал скелет в вытянутом положении. Позвоночный столб прогнулся выступом к северу, череп разбит и повернут лицом к югу. Кости рук и ног раздроблены обрушившимся сводом. Вдоль северной стены катакомбы, чуть выше головы лежал крупный фрагмент боковой стенки хума из грубого глиняного теста с дресвой. На нем стояла курильница грубой ручной лепки из глины серовато-черного обжига. Высота курильницы —6 см, диаметр венчика и донца —4,5 *см.* Тулово курильницы в средней части расширяется и переходит в слегка отогнутый наружу венчик. На выступающей части тулова по четырем сторонам имеются ребра, одно ребро находится между двумя из них, образуя ассиметричную ребристую поверхность. Промежутки между ребрами заполнены сквозными отверстиями, идущими сверху вниз по всей длине ребер. Количество их различно, три полосы между ребрами содержат шесть отверстий в каждой, одна полоса — восемь и другая — девять отверстий. Донце курильницы плоское, с отпечатками прося-

ной подсыпки на наружной стороне (рис. 2). Западнее фрагмента хума с курильницей стоял горшок биконической формы ручной лепки из дресвяного глиняного теста коричневатого обжига. Снаружи горшок покрыт грязновато-черным

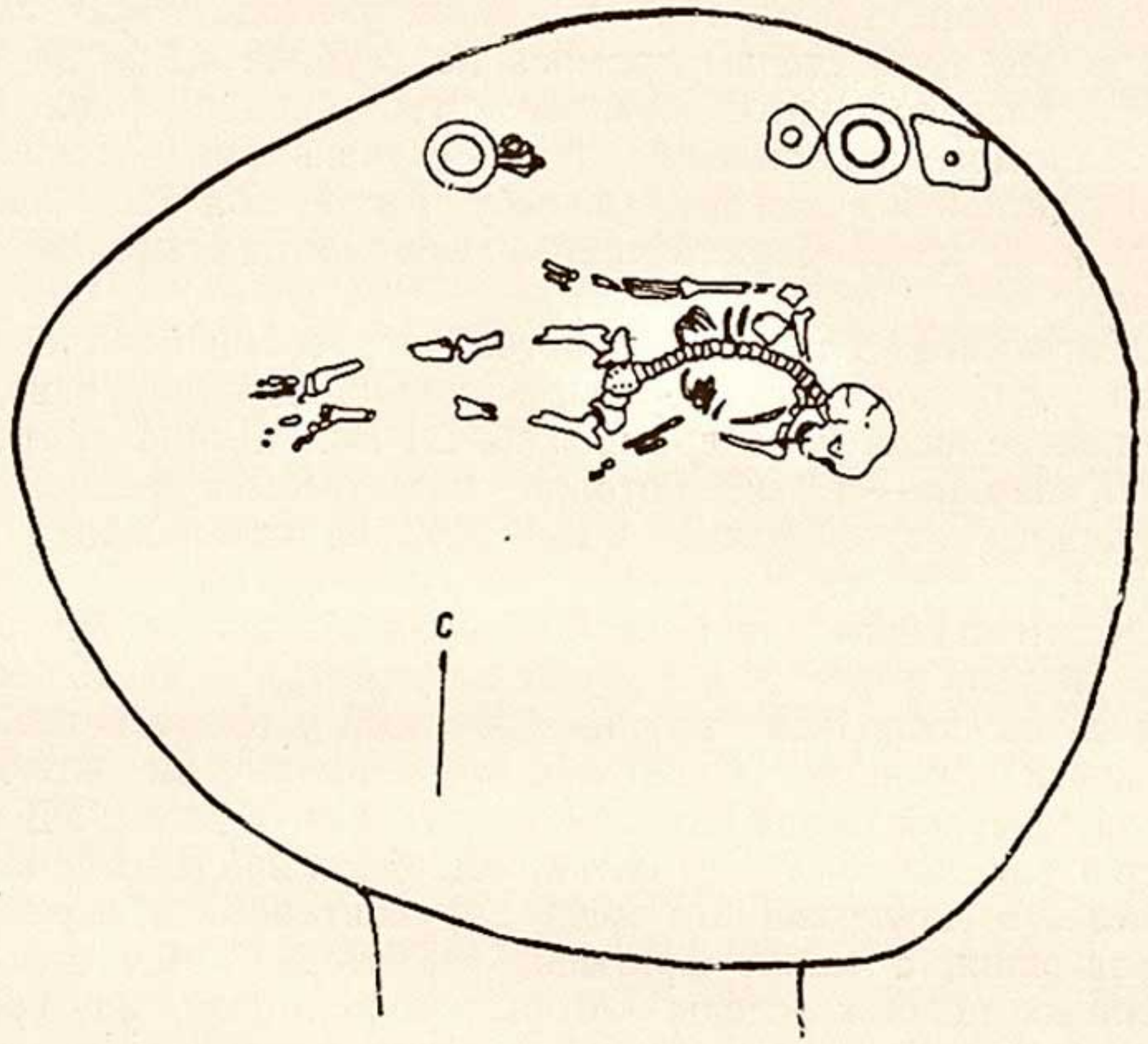

Рис. 2. Разрез кургана № 1.

ангобом. Дно горшка плоское, тулово, расширяясь в средней части, переходит в короткую горловину с отогнутым наружу срезанным венчиком. Высота горшка —22 *см*, диаметр венчика —10, донца —11 *см*.

Рядом с горшком стояла фляга с уплощенным боком ручной лепки из такой же глины, что и горшок, с грязновато-черным покрытием снаружи. Венчик фляги также срезан как у горшка, на сферической части тулова в центре бугорчатый выступ. Высота фляги 18 *см*, ширина в средней части 17,5 *см*.

Далее у стенки катакомбы на линии колен скелета стоял второй горшок, по форме и изготовлению аналогичный первому, но меньших размеров. Около этого горшка лежали фрагменты костей бараньей ноги.

У всех трех найденных в катакомбе сосудов в результате обрушения свода оказались обломанными верхние части.

Курган № 2. Высота насыпи 1 *м*, диаметр —14 *м*. Под насыпью в центре кургана находился прямоугольный в плане дромос, ориентированный длинной осью с юга на север с небольшим отклонением к востоку. Ширина дромоса в южном конце 1,5 *м*, а в северном, у входа в катакомбу,— 1,8 *м*. По трем стенам дромоса на глубине 1,5 *м* на юге до 2 *м* в северной части оставлен уступ шириной около 40 *см*. Пол дромоса наклонный, с двумя ступеньками в южном конце и третьей у входа в катакомбу. Катакомба была засыпана землей, в которой встречались фрагменты сырцового кирпича.

Катакомба в плане представляет собой неправильный овал с длинной осью, перпендикулярной длинной оси дромоса, пол ее ниже пола дромоса на 20 *см*. Длина катакомбы 2,5 *м*, ширина— 1,2 *м*, потолок катакомбы в средней части обрушился, но он был не выше потолка катакомбы в кургане № 1.

Кости скелета одной особи, перемешанные и раздробленные, лежали у восточной стены катакомбы, а часть их находилась на последней ступеньке дромоса у входа в нее. Только кости ног ниже колен лежали в вытянутом положении вдоль северной стены катакомбы ступнями к западу. В завале костей у восточной стены катакомбы были найдены фрагменты железного двулезвийного меча с рукояткой без перекрестия и навершия, а также фрагмент зернотерки. Меч был в деревянных ножнах, следы которых сохранились на фрагментах клинка. В этой же груде костей у стенки катакомбы стоял кувшин с ручкой, изготовленный на гончарном круге из глины желтого обжига. Плоское дно кувшина переходит в полное тулово с короткой горловиной и со смятым сливом. Ручка плоская, широкая, но короткая, венчик кувшина заострен. По плечикам кувшина до обжига был нанесен зигзагообразный процарапанный орнамент. Снаружи кувшин был покрыт красным ангобом, который местами облез. Высота кувшина —19 *см*, диаметр донца —11 *см*. У северной стены катакомбы, в восточной части, лежал фрагмент каменной зернотерки из серого песчаника. Судя по положению костей ног, скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток.

Курган № 3. Высота насыпи 0,8 *м*, диаметр — 14 *м*. Под насыпью кургана в середине находился прямоугольный в плане дромос, без уступов в стенках, но с тремя слабо выраженными ступеньками. Две ступеньки находятся в южном конце дромоса, а третья у входа в катакомбу. Глубина дро-

моса 1,5 *м* в южном конце и 2,5 *м* в северном. Ориентирован дромос с севера на юг, с небольшим отклонением к востоку. Ширина дромоса в южном конце 0,9 *м* и 1,15 *м* в северном.

Катакомба в плане овальная, ее длинная ось перпендикулярна длинной оси дромоса. Длина катакомбы 1,8 *м*, ширина 1,15 *м*, пол катакомбы на 15 *см* ниже последней ступеньки дромоса, высота ее 70 *см*. У северо-восточной стены катакомбы вырублен в лессовой толще «столик» возвышающийся на несколько сантиметров над уровнем пола. Поверхность этого «столика» гладкая, а стороны образуют прямой угол, длина сторон 60 *см* и 45 *см*. Никаких остатков скелета или инвентаря в катакомбе обнаружено не было так же, как не было найдено ни одного фрагмента сырцового кирпича в засыпке дромоса и катакомбы.

Курган № 4. Высота насыпи 1,1 *м*, диаметр —18 *м*. Под насыпью в центре кургана была обнаружена грунтовая яма без каких-либо следов перекрытия. Ориентирована яма своей длинной осью по линии север — юг. Глубина ямы 2,3 *м*, стены ее вертикально опускаются вниз. В плане могильная яма— прямоугольник со слегка расширяющимся и закругленным северным концом. Длина ямы 2,5 *м*, ширина в средней части — 1,3 *м*. Пол ровный, слегка поднимающийся к югу.

На полу могильной ямы в вытянутом положении, на спине, головой на юг лежал скелет, у которого кости ног ниже таза отсутствовали. От ног сохранились лишь фрагменты бедренных костей с эпифизами, смыкавшимися с тазом. Левое плечо скелета слегка сдвинуто назад, череп повернут налево и разбит, позвоночник слегка изогнут. Около правого бедра скелета лежала рукоятка железного меча с переломленным перекрестием и полукруглым навершием. Небольшие фрагменты коленных суставов лежали севернее скелета (рис. 3).

Курган № 5. Высота насыпи 0,75 *м*, диаметр 16 *м*. Под насыпью, почти в центре находилась грунтовая яма с отвесно опущенными вниз стенами. Глубина могильной ямы 2,25 *м*, в плане она прямоугольна, причем короткие стены слегка скошены. Длина ямы 2,2 *м*, ширина 1 *м*, ориентирована она длинной осью на юг-юго-запад, пол ямы слегка опускается с юга на север. При опускании в яму в ее засыпке были обнаружены фрагменты костей человека. На полу ямы в полном беспорядке лежали фрагменты костей одного скелета, однако вполне можно установить его ориентацию. Крышка черепа лежала в южной части могилы, севернее ее лежали позвонки, фрагменты ребер, а за ними копчик. И в северной части ямы лежали фрагменты костей ног, следовательно скелет ле-

жал головой на юг-юго-запад по длинной оси ямы. Правее копчика, ближе к восточной стене ямы, лежали спаявшиеся фрагменты железного двулезвийного меча с рукояткой без перекрестия, верхняя часть стержня рукоятки обломана. Больше никакого инвентаря не было найдено.

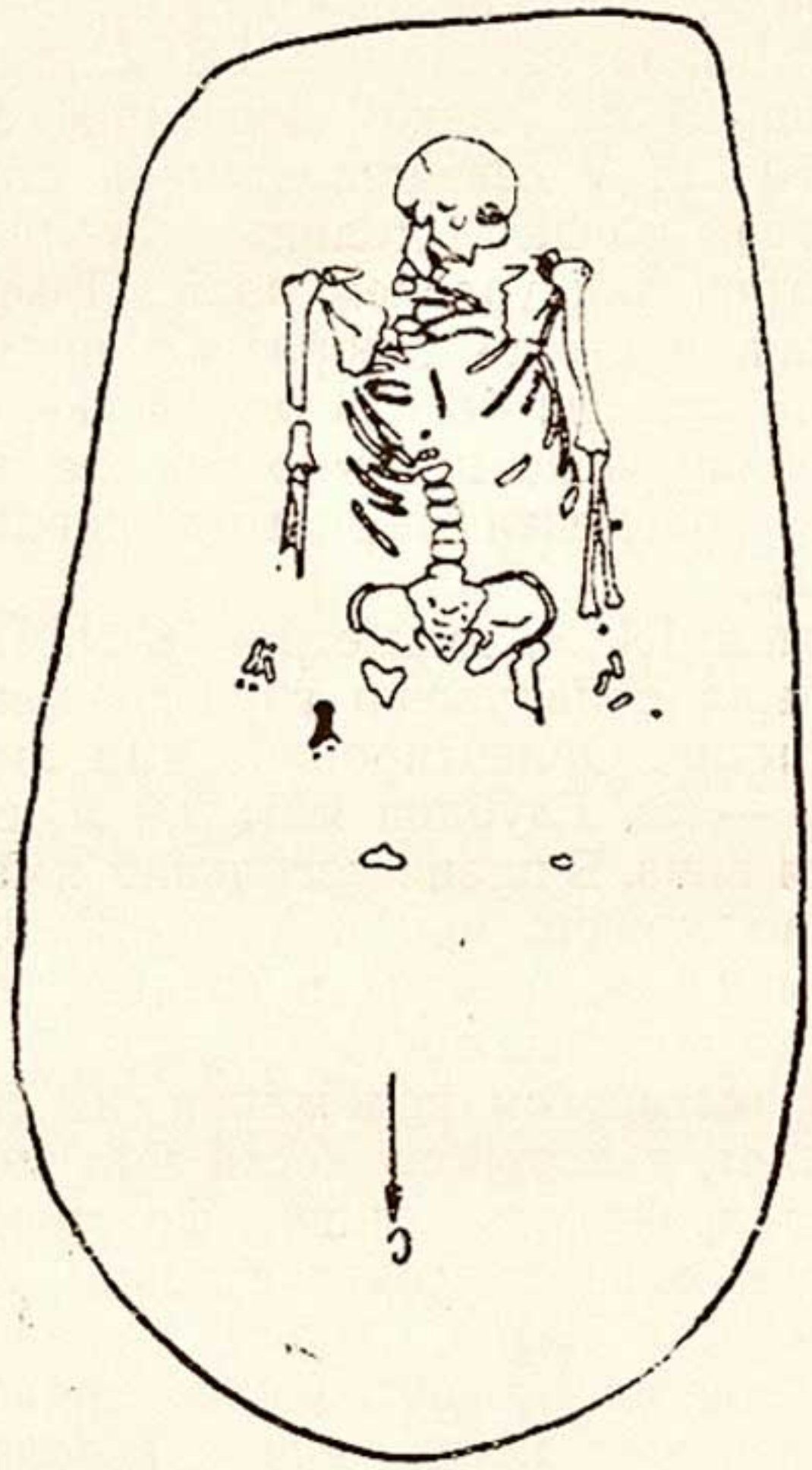

Рис. 3. План грунтовой могилы кургана № 4.

Курган № 7. Высота насыпи 1, 2 *м*, диаметр 22 *м*. В центре кургана под насыпью находился дромос, ориентированный длинной осью с юго-запада на северо-восток. Дромос в плане прямоугольный, с широким концом на юго-западе и суживающимся на северо-востоке. Длина дромоса 4,8 *м*, ширина в южной части 2,5 *м* и в северной 2 *м*. На глубине 2,1 *м* вдоль южной короткой стенки сделана ступень шириной 0,8 *м*. Ниже ее на метр находится вторая ступень шириной в один метр, опоясывающая уступом длинные боковые стенки дромоса, ширина этого уступа 30—35 *см*. Ниже второй ступеньки пол дромоса понижается до входа в катакомбу. Глубина дромоса от былой дневной поверхности у входа в катакомбу 4,75 *м*. Вход в катакомбу обрушен и осевший свод полностью закрыл ее. После расчистки удалось установить, что катакомба в плане овальная, ее длинная ось перпендикулярна длинной оси дромоса, пол ее слегка понижается в северном направлении. Длина катакомбы 2,6 *м*, ширина 2 *м*, былая высота 1,2 *м*. Вход в нее был заложен сырцовым кирпичом, фрагменты которого были найдены и в засыпке дромоса и в самой катакомбе. У входа в катакомбу и в ее восточной части были найдены фрагменты черепов двух особей, фаланги пальцев рук и некоторое количество ребер. В западном углу катакомбы были найдены фаланги пальцев

ног и кости ступней. Никакого инвентаря не было найдено, за исключением фрагмента зернотерки и фрагмента керамического сосуда с красным ангобом и хорошим лощением по нему.

Курган № 8. Высота насыпи 1 *м*, длина 18 *м*. После вскрытия насыпи несмотря на углубление более 1 *м* по всей перекрытой площади никаких следов подкурганного сооружения не обнаружено.

Не вскрывались две насыпи — курган № 6, имеющий высоту около полуметра и диаметр 7 *м*, и большой курган № 9, на котором установлен топографический знак. Из семи вскрытых насыпей, под шестью оказались могильные сооружения, из них две грунтовые ямы и четыре катакомбы. Костяки или их остатки были найдены в пяти курганах, в катакомбе кургана №3 ничего не было найдено. Все вскрытые погребения, за исключением кургана № 1, оказались ограбленными и дали небольшое количество инвентаря. Во всех курганах погребения одиночные, только в кургане № 7— парное.

По полученным во время раскопок данным можно установить погребальный ритуал. Покойников клали в могилы на подстилку из камыша в вытянутом положении на спине головой на восток в катакомбах и головой в южную сторону в грунтовых могилах. С правой стороны от покойников клался инвентарь (посуда, оружие и зернотерки). Входы в катакомбы закладывались сырцовым кирпичом, грунтовые ямы перекрытий не имели. Затем дромос и грунтовая могила засыпались землей, полученной при рытье могилы, а сверху возводилась насыпь.

Два типа подкурганных сооружений обнаруженных в могильнике Акджартепе, дают различные виды ориентации в них скелетов. В катакомбах скелеты лежали головой на восток, а в грунтовых могилах — на юг. Однако оба эти типа сближают находка одинаковых мечей в грунтовой могиле кургана № 5 и в катакомбе кургана № 2 и краниологические материалы, найденные при раскопках погребений (рис. 4).

Несмотря на фрагментарность краниологических материалов, удалось установить, что погребенные принадлежали к европеоидному типу, а фрагменты черепа из кургана №4 дают основание утверждать наличие долихоцефалии. У В. Я. Зезенковой создалось впечатление, что погребенные относятся к закаспийскому типу, или, скорее всего, к переходному от андроновского. На это указывают резко выступающие носы у черепов, однако отмечается большая грацильность и наличие узкого лица. Антропологический тип, по заключению В. Я. Зезенковой, перекликается с антрополо-

гическим типом, отмеченным по материалам Чустского поселения эпохи поздней бронзы, но имеет свои специфические,

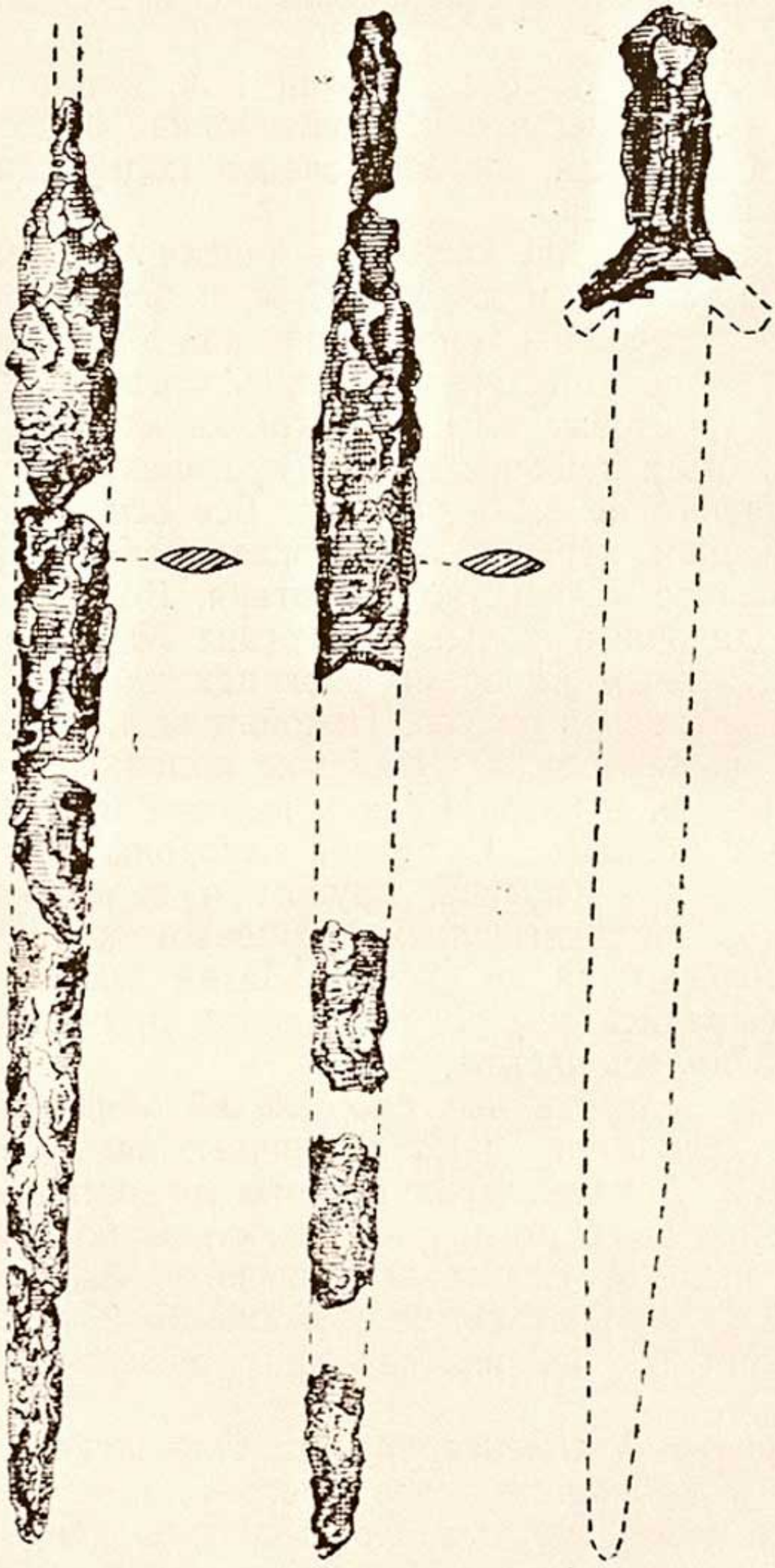

Рис. 4. Мечи. Слева направо: из кургана № 5, № 2, № 4.

черты. Следовательно, различие в типах могильных сооружений и ориентации есть не что иное, как различие во времени возникновения курганов.

Южная ориентация скелетов в грунтовых могилах курганов № 4 и № 5 может найти себе аналогии в целом ряде по-

гребений первых веков до нашей эры как в могильниках Средней Азии, так и сопредельных с нею территорий. Южная ориентация доминирует в погребениях сармат первых веков до нашей эры на территории Южного Приуралья[1], Нижнего Поволжья[2] и на Северном Кавказе[3].

Южная ориентация характерна для грунтовых могил III—I вв.[4] до н. э. в курганах Тамдинского могильника в Южном Казахстане[4], погребений II—I вв. до н. э. в курганах Куюмазарского[5] и Ляваидакского могильников[6], в могильнике Устомулла (Исфаринский район), в погребениях первых веков до нашей эры[7].

Эфес меча из кургана № 4 имеет переломленное перекрестие, что сближает его с кинжалом II—I вв. до н. э. из Куюмазарского могильника[8] и с железным мечом первых веков до нашей эры из Южного Приуралья[9]. Два меча, найденные один в грунтовой могиле кургана № 5, другой в катакомбе кургана № 2, двулезвийные, без перекрестия и навершия, длиной 75 *см* аналогичны таким же мечам из курганов около Янгиюля[10], в Южной Туркмении[11], в Нижнем По-

---

[1] Б. Н. Граков, Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947, № 3, стр. 143.

[2] И. В. Синицын, Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени, Труды Саратовского областного музея краеведения, вып. 1, Саратов, 1956, стр. 27 и след.

[3] Н. В. Анфимов, Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА СССР, №23, М.—Л., 1951, стр. 169.

[4] Л. Я. Маловицкая, Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э.. Известия АН КазССР, 1949, № 67, серия археологическая, вып. 2, стр. 120.

[5] О. В. Обельченко. Куюмазарский могильник, Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 219—220.

[6] О. В. Обельченко, Ляваидакский могильник, История материальной культуры Узбекистана, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 125 и след.

[7] Б. А. Литвинский, Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г., Труды АН ТаджССР, т. XCI, Археологические работы в Таджикистане в 1956 году, вып. IV, 1959, стр. 80—84.

[8] О. В. Обельченко, Куюмазарский могильник..., стр. 221—222, рис. 17.

[9] Материалы по археологии восточных губерний России, т. III, М., 1899, стр. 35.

[10] Г. В. Григорьев, Келесская степь в археологическом отношении, ИАН КазССР, серия археологическая, вып. 1, Алма-Ата, 1948, стр. 59—60 и след.

[11] М. Е. Массон, Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана (из работ ЮТАКЭ 1951 г.), ВДИ, 1953, № 1, стр. 154. Меч, найденный в кургане в районе Бами-Кодж А. А. Марущенко· неправильно считает саблей, искажая этим археологические материалы, см. А. А. Марущенко, Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана, Труды ИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 122, табл. VII.

волжьи[12], на Северном Кавказе[13] и в Южном Приуралье[14], где они датируются первыми веками нашей эры. Судя по аналогиям, приведенным для погребального обряда и находкам мечей в грунтовых ямах курганов № 4 и № 5, погребения в них можно отнести к I в. до н. э.— I в. н. э., причем более древним является погребение в кургане № 4.

Погребения в катакомбах курганов № 1, № 2 и № 7 отличны от погребений в грунтовых ямах с восточной ориентацией костяков. Восточная ориентация скелетов известна по катакомбам Пскентского могильника, Кенкольского могильника[15], могильника Бор-Корбаз[16], Хангизского могильника[17], могильника Калантархона[18]. Во всех этих могильниках погребения в катакомбах с восточной ориентацией относятся к II—IV вв. н. э. К этому же времени относится меч, найденный в катакомбе кургана № 2, что сближает не только по краниологическим материалам, но и по инвентарю грунтовые могилы с катакомбами данного могильника.

Керамические изделия, найденные в катакомбах курганов № 1 и № 2, представлены двумя одинаковыми по форме горшками, флягой с уплощенным боком, кувшином с ручкой и курильницей (рис. 5).

Два горшка одинаковой формы из кургана № 1 по своему облику схожи с подобными горшками первых веков нашей эры, найденными на трассе Большого Ферганского канала[19] и в курумах западных отрогов Кураминского хребта[20]. Фля-

---

[12] И. В. Синицын, Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья, Сборник Нижневолжского краевого музея, Саратов, 1932, стр. 62—63.

[13] И. Б. Зеест, Земляные склепы некрополя Тузлы, КСИИМК, 51, 1953, стр. 156—158.

[14] К. В. Сальников. Сарматские погребения в районе Магнитогорска, КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 119—121.

[15] А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, Л., 1940, стр. 3 и след.

[16] С. С. Сорокин, Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы, СА, XX, М., 1954, стр. 131 и след.

[17] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953—1954 гг. История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 16—18.

[18] Б. А. Литвинский, Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г., Труды АН ТаджССР, т. XCI, Археологические работы в Таджикистане в 1956 году, вып. IV, 1959, стр. 77 и след.

[19] В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала, Труды ИИА АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 57, табл. VI—4.

[20] Б. А. Литвинский, Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г., Труды АН ТаджССР, т. CIII, Археологические работы в Таджикистане в 1957 г., вып. V, 1959, стр. 123, рис. 7—7.

га с уплощенным боком одинакова по своей форме фляге из курумов в Ленинабадской области[21] и фляге первых веков нашей эры с древнего поселения в пойме Майлисая в Ферганской долине[22]. К этому же времени можно отнести и кувшин с ручкой из кургана № 2. Курильница, стоявшая на

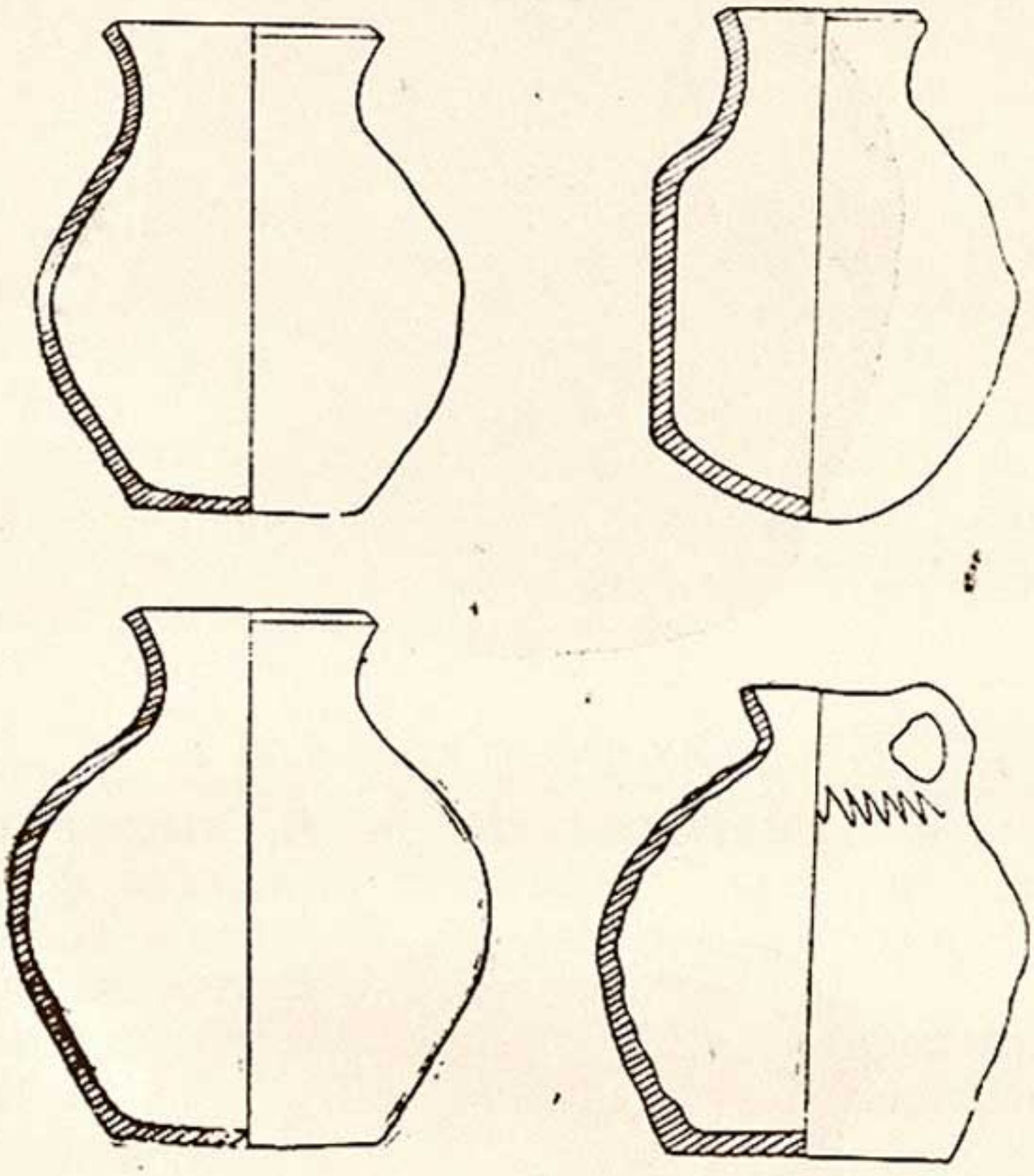

Рис. 5. Керамика из погребений.

фрагменте боковой стенки хума в катакомбе кургана № 1, аналогична курильнице, найденной в кургане первых веков новой эры к востоку от селения Беш-Бай на трассе Ташкентского канала (рис. 6). Следует особо отметить интересное совпадение в обычае ставить курильницу в погребение. В кургане № 4 на трассе Ташкентского канала курильница стояла на гранитной плитке[23] (рис. 7). Все погребения в катакомбах по погребальному обряду и инвентарю можно с уверенностью датировать II—III вв. н. э. К этому же времени, очевидно,

---

[21] Б. А. Литвинский, указ. соч., стр. 123, рис. 7—11.

[22] Т. Г. Оболдуева, Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала, Труды ИИ АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 24. 25, рис. IX—8.

[23] А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 158, табл. XX—6.

Рис. 6. Кувшин из кургана № 2.

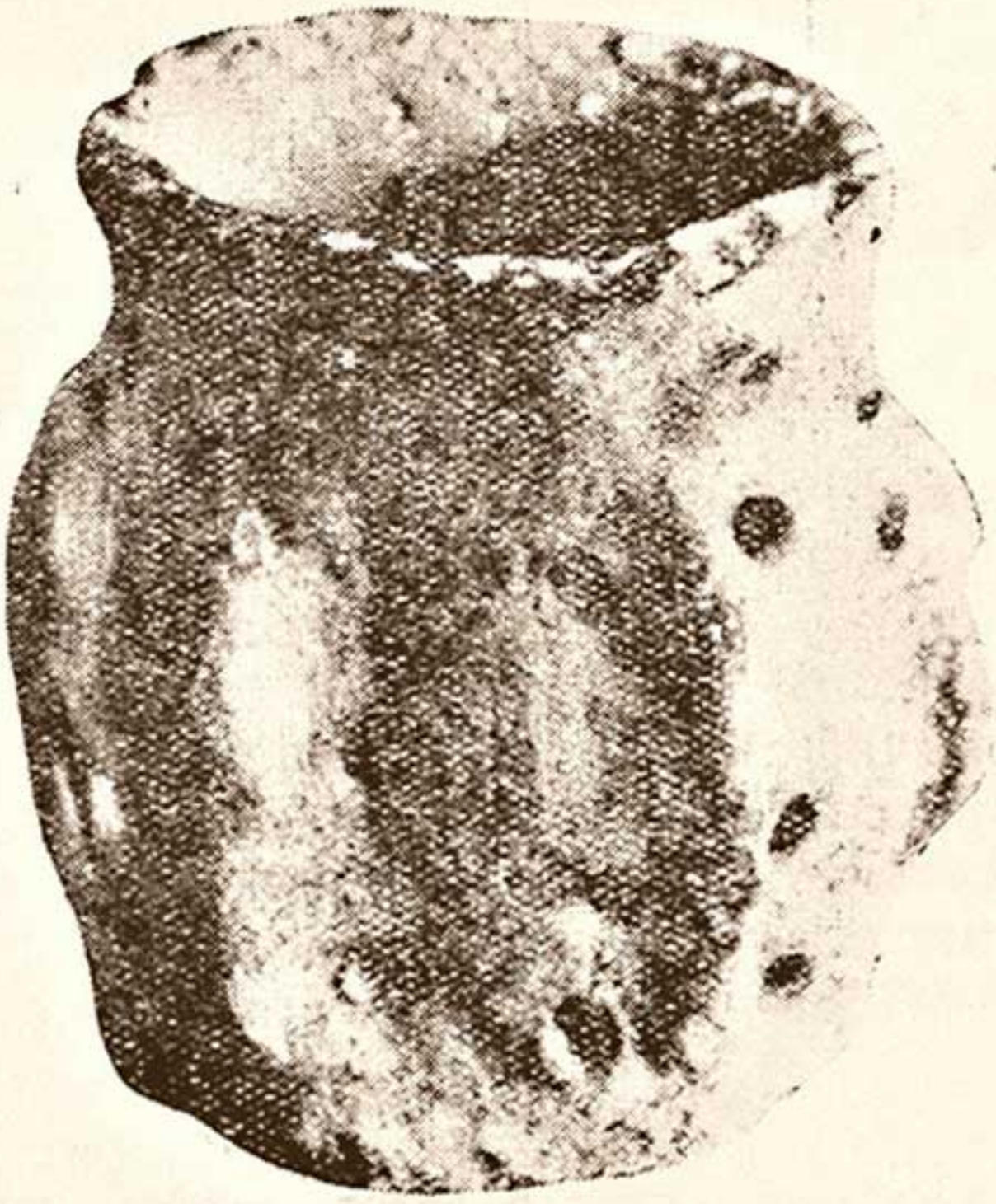

Рис. 7. Курильница из кургана № 1.

следует отнести и два вида кенотафов, обнаруженных в этом могильнике. Курган № 8, под насыпью которого не оказалось могильного сооружения, представляет собой обычный вид кенотафа, известный по курганным могильникам Средней Азии[24].

Более интересным кенотафом является курган № 3, под насыпью которого оказался дромос с катакомбой, отличные от всех других подобных сооружений в могильнике Акджартепе. Могильное сооружение в этом кургане отличается от других не только отсутствием в нем инвентаря, но и небольшими размерами по сравнению с другими. Отличается и устройство дромоса, не имеющего уступов по длинным боковым стенкам, на которые могли встать участники захоронения для принятия трупа и инвентаря, чтобы положить их в катакомбу. Отсутствовали также и какие-либо намеки на закладку входа в катакомбу. Все эти факты позволяют считать, что подкурганное сооружение в данном случае устраивалось не для захоронения, а лишь как имитация.

Подобного типа кенотафы известны в других могильниках Средней Азии, относящихся к различным периодам времени, и количество их бывает довольно значительным. Из 103 курганов, раскопанных А. М. Мандельштамом в могильнике Аруктау, 20% оказались кенотафами, часть которых представляет собой подбойные могилы без костяков, причем отсутствуют какие-либо следы их ограбления[25].

Интересны также и кенотафы Ниязбатырского могильника V—III вв. до н. э., в котором в семи раскопанных курганах при наличии инвентаря не оказалось ни скелетов, ни костей человека[26]. Большое количество кенотафов было раскопано в могильнике Ак-Беит на Памире в 1956 г. Из 30 исследованных курганов 10 оказались кенотафами, что, по мнению А. Н. Бернштама, является свидетельством большой воинственности племен, оставивших этот могильник[27]. Однако

---

[24] О. В. Обельченко, Курганные погребения первых веков нашей эры и кенотафы Куюмазарского могильника, Труды САГУ, вып. CXI; Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 109 и след.

[25] А. М. Мандельштам, Могильник Аруктау в Бишкендской долине (Южный Таджикистан), КСИИМК, 76, 1959, стр. 73—74. Он же, О работах Кобадианского отряда в 1955 г., Труды АН ТаджССР, т. XIII, Археологические работы в Таджикистане в 1955 году, 1956, стр. 71—74.

[26] В. И. Козенкова, Археологические работы в Андижанской области в 1956 г., КСИИМК, 76, 1959, стр. 57—59.

[27] Г. Г. Бабанская и Ю. А. Заднепровский, Археологические исследования А. Н. Бернштама на Памире в 1956 г., Труды АН ТаджССР, т. XCI, Археологические работы в Таджикистане в 1956 году, вып. IV, 1959.

наличие кенотафов в могильниках объясняется не только обычаем возведения их в память о погибших на чужбине, но имеются и другие обстоятельства, которыми вызвано их возведение.

Кенотафы, как это показали исследования Куюмазарского могильника, являются указанием на происходящие изменения в религиозных представлениях народов, оставивших их после себя[28]. Вполне возможно, что существование кенотафов в могильнике Акджартепе свидетельствует о переходе от трупоположения в могилы к оссуарному погребальному обряду, если учесть находку оссуария на склоне холма Тургай-Мазар, расположенном в полусотне метров от могильника[29].

Разновременные погребения и находка оссуария близ курганов говорят о том, что данная местность в течение длительного периода времени была некрополем населения, обитавшего в оазисе западнее арыка Пай. Принадлежность могильника оседлому населению, если судить по инвентарю, не вызывает никаких сомнений. Помимо курганов памятниками насельников этих мест являются городища, самое крупное из которых — Чилекское — имеет мощные культурные наслоения, относящиеся к античному времени.

---

[28] О. В. Обельченко Курганные погребения первых веков нашей эры и кенотафы Куюмазарского могильника, Труды САГУ, вып. CXI, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 129.

[29] М. С. Юсупов, С. И. Скиндер, Оссуарии из Тургай-Мазара, Труды САГУ, вып. LXXXI, кн. 12, Археология Средней Азии, Ташкент, 1956, стр. 140 и след.

Т. АГЗАМХОДЖАЕВ

ТЮЯБУГУЗСКИЕ НАУСЫ

В 1959—1960 гг. в Среднечирчикском районе Ташкентской области Институтом истории и археологии АН УзССР велись археологические работы по обследованию памятников, находящихся в зоне затопления водами Тюябугузского водохранилища.

На обследованной территории обнаружены развалины древних городищ, погребальные курганы и наусы; последние и являются предметом наших исследований.

Наусы расположены в местности Ортабоз между р. Ангреном и маленьким родниковым потоком Бургаликата. Здесь же находятся курганные погребения. Курганы и наусы расположены на невысоких холмах, отделенных один от другого промоинами. Нами вскрыто одиннадцать наусов. Внутри всех наусов находились беспорядочно лежавшие человеческие кости и фрагменты оссуариев.

Наус № 1 сохранился сравнительно хорошо; представляет собой в плане круглое сооружение, диаметр основания которого 8,3 *м*. Наружные стены имеют легкий уклон вовнутрь. В середине расположено прямоугольное в плане помещение, вытянутое с востока на запад, размером 2,1×2,95 *м*. Помещение было перекрыто сводом, выложенным из сырцового кирпича размером 40×26×10 *см* способом наклонных отрезков. Свод начинался на высоте 1,1 *м* от уровня пола. В середине северной, а также в боковых сторонах помещения расположены три сводчатые небольшие ниши, глубиной до 0,5 *м*, высотой 0,75 *м*. Пол ниш находится на одном уровне с полом помещения. Узкий сводчатый вход в помещение высотой 1,1 *м*, длиной 3,95 *м*, шириной 0,72 *м* находился с восточной стороны. Вход в камеру снаружи был выделен выступом длиною в 1,35 *м*, с арочным проемом. Пол проема так же, как и пол помещения, приподнят над основанием со-

оружения на 0,4 *м*. Основание науса — в виде специальной платформы из плотной пахсовой кладки. Пахсой выложена также нижняя часть науса до уровня сводов. Стены и свод прохода, сводчатое завершение ниш, свод основной камеры и верхняя часть стен выкладывались из кирпича размером 40×26×10. На наружных поверхностях стен применена комбинированная кладка из кирпича и пахсы.

На внутренних и наружных поверхностях стен науса, а также на полу сохранилась глиносаманная штукатурка толщиной в 1 *см*.

На полу описанного сооружения под обвалившимся сводом обнаружены раздавленные кости погребенных, поврежденные еще до обрушения. В северо-западном углу помещения найдена железная круглая пряжка с откидным язычком. Тут же лежит фрагмент медного листового украшения в виде семилепестковой розетки, листки которой отделены точечным орнаментом. Кроме того, найдено медное украшение в виде язычка, по-видимому, от поясного ремня, на конце которого имеется небольшое отверстие размером 4,3×1 *см* для крепления к ремню. В юго-восточном углу взят фрагмент медного бубенчика круглой формы. Поскольку все остальные наусы однотипные, приведем лишь их краткие описания.

Наус № 2. Представляет собой круглое сооружение, диаметр основания 9,5 *м;* в середине — прямоугольное помещение, вытянутое с северо-запада на юго-восток, размерами 3×2,35 *м*. В середине боковых стен по одной арочной нише, глубиной и шириной по 0,4 *м*, высотой 0,6 *м*. Входом в помещение служил узкий сводчатый коридор с юго-восточной стороны длиной 3,6 *м*, шириной 0,72 *м*. Высота свода 1,05 *м*, свод сохранился на отрезке длиной в 1,5 *м*. На полу науса лежали измельченные человеческие кости нескольких особей. Возле северо-западной стенки стояла небольшая чаша с коленчатым перегибом стенки корпуса. Чаша тонкостенная, изготовлена на гончарном круге из хорошо промешанной глины; черепок с обеих сторон покрыт розовым ангобом. Дно плоское, высота 4,4 *см*, диаметр устья 13 *см*, дна — 5 *см*. Около восточной стенки обнаружены две медные монеты. В юго-восточном углу лежали фрагменты корчаг. Они сделаны от руки, толстостенные, в изломе черепок розового цвета. Возле западных ниш обнаружен небольшой нож с круглым черешком, прямым вытянутым лезвием, спинка незначительно вогнута. Длина лезвия 15 *см*, длина ручки 3,5 *см*, максимальная ширина 1,5 *см*.

Наус № 3. Диаметр основания 8 *м*, внутри — помещение размерами 2,9×2,1 *м*, вытянутое с востока на запад. В середине северной и в боковых стенках помещения расположены

три арочные ниши, размерами 0,6 × 0,6 *м;* высота — 0,6 *м.* Входной коридор — с южной стороны, длина его 3 *м,* ширина — 0,75 *м.* В юго-восточном углу помещения обнаружен оссуарий необычной формы. Оссуарий почти строго цилиндрической формы с одним плоским концом и другим закругленным. Снизу — четыре налепных ножки; сверху прямоугольное отверстие в виде выреза в стенках цилиндра с соответствующей крышкой. Одна из боковых сторон оссуария орнаментирована до обжига прорезными линиями в виде ромбов. Длина оссуария —64 *см,* диаметр 26—30 *см,* размер отверстия 26×24 *см.* На полу помещения обнаружены 2 бусинки из египетской пасты, в срезе — овальные, синего цвета. Возле оссуария лежала железная шпилька с круглым навершием. Нижняя часть шпильки отломана. Северо-восточная и юго-восточная стены прорезаны четырьмя позднейшими погребениями[1].

Наус № 4. Помещение диаметром 8, 5 *м,* вытянуто с севера на юг, размеры его 2,7×2 *м.* В середине северной и в боковых стенах помещения расположены три арочные ниши, размером 0,65×0,55 *см,* высотой 0,65 *см.* Вход с южной стороны через узкий проход в виде коридора с сводчатым перекрытием, длина которого 2,8 *м,* ширина — 0,72 *м,* высота — 0,8 *м.* На полу входного коридора обнаружен остроконечный железный нож с черешком, спинка с незначительным изгибом. На верхней поверхности ножа сохранились остатки истлевшего дерева от футляра. Длина лезвия 18,7 *см,* длина ручки 3,5 *см.* Наибольшая ширина лезвия 2,4 *см.*

В юго-восточном углу стоял небольшой кувшин, сделанный на гончарном круге; поверхность залощена; сосуд из хорошо промешанной глины равномерного обжига, черепок в изломе розового цвета. Кувшин с коротким туловом, удлиненной шейкой и слегка расширенным устьем. Сосуд имеет одну вертикальную ручку, круглую, в сечении, которая верхним концом прикреплена к закраине, а нижним — к плечику. Поверхность покрыта розовым ангобом. Высота сосуда 13,5 *см,* диаметр устья 7,5 *см,* дна —7,5 *см.* Около восточной нишки обнаружено медное шило, на утолщенном конце которого имеется небольшое отверстие; длина его 18,3 *см.* Тут же лежала бусинка из пасты бочонковидной формы, поверхность украшена синими глазка́ми на белом фоне; две бусинки из стекла шаровидной формы. Возле южной стенки обнаружена одна медная монета. В северо-западном углу обнаружена железная шпилька с круглым навершием; нижняя часть шпильки отломана.

---

[1] Они будут рассмотрены специально в другой работе.

Наус № 5 — диаметр 8 *м,* в середине прямоугольное помещение, вытянутое с севера на юг, размерами 3,3×2,2 *м.* В середине северной и в боковых сторонах помещения имеются три арочные ниши. Основание ниш на 10 *см* выше пола помещения. Вход с южной стороны через узкий коридор длиной 2,2 *м,* шириной 0,75 *м.* В юго-западном углу науса стоял миниатюрный сосудик, в виде кружечки, сделанный на гончарном круге из хорошо промешанной глины; поверхность покрыта розовым ангобом с лощением. Сосудик с круглым туловом, плоским дном, венчик слегка отогнут наружу. К тулову прикреплена кольцеобразная ручка. Высота кружечки 6 *см,* диаметр венчика 5,5 *см,* диаметр дна 4,4 *см.* Тут же лежала медная плоская круглая пластинка, на ее обратной стороне сохранился след ручки. Диаметр пластинки — 4,5 *см,* толщина 3 *мм.* В северо-западном углу найдено несколько бусинок: двенадцатигранная из ляписи-глазури, пастовая зеленого цвета, круглая гипсовая бусинка и стеклянная, круглая, с золотистой оболочкой под поверхностью.

Наус № 6— диаметром 10,2 *м,* в середине прямоугольное помещение, вытянутое с севера на юг, размером 2,6× 2,1 *м.* В середине северной стенки расположена одна прямоугольная в плане ниша глубиной и шириной 70 *см;* основание ниши находится на одном уровне с полом науса. Вход с северо-восточной стороны помещения через узкий коридор со сводчатым перекрытием, длиной 4 *м.* Сводчатый коридор сохранился в длину на 2 *м,* шириной в 76 *см,* высота свода 70 *см.* На уровне пола лежали на спине три скелета в вытянутом положении. Головы двух скелетов ориентированы на север, а третий, лежавший возле стенки, ориентирован головой на юг. Скелеты лежали над измельченными человеческими костями. Останки раздавлены кирпичами и комками земли из упавшего свода науса.

Между двух скелетов, на уровне плечевых костей, стояла чашка с фигурными стенками. Она сделана на гончарном круге, из хорошо промешанной глины, тонкостенная, с двух сторон покрыта розовым ангобом. Обжиг — равномерный. С наружной стороны в средней части стенки чашки до обжига сделаны два налепа в виде ручек. Дно плоское, высота чашки 6,5 *см,* диаметр устья 22,5 *см,* диаметр дна — 10,2 *см.* В юго-восточном углу стоял небольшой кувшин. Он сделан на гончарном круге, из хорошо промешанной глины, обжиг равномерный; черепок в изломе розового цвета. Объемистое тулово плавно переходит к невысокой шейке; края устья слегка отогнуты наружу. Почти вся наружная поверхность — рифленая, покрыта темно-коричне-

вым ангобом. В средней части тулова прикреплена ручка. Высота сосуда 15,5 *см*, диаметр венчика 9,7 *см*, дна 8,5 *см*.

Наус № 7 —диаметром у основания 9,15 *м*, в середине прямоугольное помещение, вытянутое с севера на юг, размером 2,75×2,3 *м*. В середине северной и в боковых стенках расположены три нишки с полуциркульным сводом. Вход с южной стороны в виде коридора длиной 3,9 *м*; высота свода 0,8 *м*, ширина 0,6 *м*.

На полу обнаружены бусинка из сердолика шаровидной формы, подвеска из яшмы, бусинка из египетской пасты с ребристой поверхностью зеленого цвета и одна медная бусинка, также с ребристой поверхностью. В северо-восточном углу лежала хорошо сохранившаяся медная шпилька. Шпилька с навершием, сверху стержень в сечении квадратный, в середине и у острия — круглый. Длина шпильки 7 *см*.

Наус № 8— диаметром у основания 9,05 *м*, в середине прямоугольное помещение, вытянутое с север-северо-запада на юг-юго-восток размерами 2,9×2 *м*. В середине боковых стен по одной прямоугольной нишке, глубиной по 0,75 *м*, шириной 0,6 *м*. Пол нишек на 0,6 *м* выше пола науса. Вход с юг-юго-восточной стороны помещения, длиной 5 *м*, шириной 0,75 *м*.

В север-северо-западном углу стояла небольшая плоская чашка. Она сделана на гончарном круге, хорошей отделки. Глина хорошо промешана, равномерного обжига. Чаша тонкостенная, с двух сторон покрыта серым ангобом, нижняя часть ее конической формы, а средняя имеет излом, переходящий в цилиндр с прямым устьем. Высота чашки 4 *см*, диаметр устья 12,3 *см*, дна 3,9 *см*. Возле чашки лежала железная шпилька, на верхней части которой круглое навершие. Нижняя часть шпильки не сохранилась.

Наус № 9— диаметром у основания 8,6 *м*, помещение прямоугольное, вытянутое с север-северо-востока на юг-юго-запад, размером 2,75 × 2,5 *м*. В середине север-северо-восточной стены расположена прямоугольная ниша глубиной и шириной 0,5 *м*. Основание ниши на 10 *см* выше пола. Вход с юг-юго-западной стороны. Длина входа 3 *м*, ширина —0,75 *м*; арочное перекрытие не сохранилось. На полу обнаружен фрагмент верхней части оссуария. В северо-восточном углу лежала каменная косметическая палочка — сурьматаш, с отверстием на утолщенном конце.

Наус № 10— диаметром у основания 9,25 *м*. Помещение прямоугольное, вытянутое с севера на юг, с размерами 2,6×2 *м*. В середине северной и в боковых стенках расположены три ниши, глубиной и шириной 0,5 *м*. Основание ниши на 10 *см* выше пола помещения. Вход с южной стороны через

узкий коридор длиной 3,4 *м*, шириной 55 *см*. В юго-западном углу науса стоял энохойевидный сосуд-кувшин, изготовленный на гончарном круге с рифленой поверхностью. Дно плоское, тулово почти круглое. Кувшин имеет одну ручку, прикрепленную верхним концом под венчик, а нижним к плечику. Высота сосуда 17 *см*, диаметр тулова 13,5 *см*, дна 7,4 *см*.

Наус № 11 — диаметром у основания 9,25 *м*, прямоугольное помещение, вытянуто с северо-востока на юго-запад, его размеры 3,1×2,3 *м*. Против входа и в боковых стенах сделаны три ниши глубиной и шириной по 0,65 *м*. Пол ниш на 0,15 *м* выше пола науса. Вход с северо-восточной стороны помещения через узкий коридор длиной 2,5 *м*, шириной 0,75 *м*. Свод коридора сохранился на протяжении 1,5 *м*, высота арки — 1,05 *м*. На полу обнаружена раковина каури с отверстием, восьмигранная бусинка из горного хрусталя, два медных колечка, круглые в сечении с несомкнутыми концами, несколько пастовых бусинок прямоугольной формы, стеклянная бусинка боченковидной формы, три стеклянные бусинки круглой формы зеленого цвета, двенадцатигранная бусинка из яшмовидной породы. Около восточной стенки лежала железная пряжка овальной формы с откидным язычком размером 5×3 *см*.

Как видно из описаний, все вскрытые нами наусы оказались в плане круглыми с наружной стороны и с прямоугольными помещениями внутри. При возведении стен наусов основным строительным материалом служили кирпич-сырец и пахса. Стены девяти наусов сложены из сырцового кирпича и имеют толщину от 1 до 1,5 *м* и с наружной стороны сложены пахсовыми блоками толщиной до 2,2 *м*. Стены двух наусов сложены из пахсы, высотой до 2,4 *м* а выше выкладывались из кирпича-сырца. Все своды наусов и входные коридоры сложены из кирпича наклонными отрезками. Входы в помещения были заложены сырцовым кирпичом на глиняном растворе; толщина закладок от 1 до 1,5 *м*. Стены и пол наусов приподняты над основанием сооружения от 0,2 до 0,4 *м*. Внутренние и наружные поверхности стен и полы наусов оштукатурены глиной с примесью самана; толщина слоя штукатурки — до 1 *см*. Строгой единой ориентировки входных проемов не наблюдается. Так, например, входные проемы пяти наусов расположены на южной стороне, двух — с юг-юго-востока, одного — с юг-юго-запада (№ 9), одного — с востока и двух — с северо-востока. Длина входных коридоров — от 2,2 до 5 *м*.

Наусы в долине Ангрена были раньше известны в Пскентском могильнике, который находится на противоположном

(левом) берегу р. Ангрен к юго-востоку в 11—12 *км* от Тюябугузских наусов и курганных погребений. Здесь в 1929—1930 гг. М. В. Воеводским и А. А. Потаповым[2] было вскрыто пять наусов (А. А. Потапов и М. Е. Массон[3] называют их склепами). М. Е. Массон дал описание конструкции одного склепа[4]. Все они были в плане круглыми с наружной стороны, диаметром от 6,2 до 6,7 *м* с почти квадратными помещениями внутри[5]. Кафыр-калинские[6] и Пянджикентские[7] наусы также внутри имеют форму вытянутого прямоугольника, стены сложены из пахсы, а своды выложены из кирпича-сырца. Сводчатые входные проемы ориентированы также в разные стороны.

Как видно из вышеописанного, Кафыр-калинские и Пянджикентские наусы близки к Тюябугузским. Различие только в наружных контурах стен. В Тюябугузе они имеют круглый план, и все ниши расположены внутри науса.

Кафыр-калинские[8] и Пянджикентские[9] наусы датированы VII—VIII вв. Аналогичные строительные приемы прослежены в вскрытых нами наусах и в замке Актепе близ Ташкента, который датируется VI—VII вв. н. э.[10].

В наусах обнаружены пряжки, шпильки, медное листовое украшение в виде семилепестковой розетки, три ножа, каменная палочка для косметических целей и другие предметы.

Из керамических изделий обнаружено семь совершенно целых бытовых сосудов и один оссуарий.

По форме сосуды разделяются на три группы: 1) три кувшина небольших размеров с вертикальной ручкой, 2) три чашки с перегибом в средней части стенок, 3) кружечка.

Все сосуды сделаны на гончарном круге, из хорошо промешанной глины, поверхность покрыта розовым ангобом,

---

[2] А. А. Потапов, Пскентский могильник, рукопись в Комитете охраны памятников материальной культуры при Совете Министров УзССР, инв. № 1143, стр. 1.

[3] М. Е. Массон, Ахангеран, Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, стр. 24—25.

[4] М. Е. Массон, указ. работа, стр. 24—25.

[5] А. А. Потапов, Пскентский могильник.., стр. 68—69.

[6] И. А. Сухарев, Зороастрийские наусы городища Кафыр-кала. Рукопись в Институте истории и археологии АН УзССР, № 136, стр. 14—15.

[7] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская, Пянджикентский некрополь, МИА, № 37, М., 1953, стр. 65—78.

[8] И. А. Сухарев, Зороастрийские наусы городища Кафыр-кала; стр. 17—18.

[9] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская, Пянджикентский некрополь, стр. 85.

[10] А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1948, стр. 72.

за исключением одного кувшина, который покрыт темно-коричневым ангобом. Кувшин из науса № 4 по внешней форме очень схож с кувшином из кургана № 2 Джегертальского могильника, который датируется VIII—X вв.[11] Кружечка из науса № 5 по своей форме аналогична кружке, обнаруженной в замке Актепе (VI—VII вв.)[12]. Энохойевидный сосуд из науса № 10 имеет аналогию среди находок из замка Балалыктепе в Сурхандарьинской области[13], но отличается от последнего рифленой поверхностью.

Каменные палочки для косметических целей широко известны на территории Средней Азии. Они встречались в могильнике Пскент[14], Кенкол[15], Вревская[16], Иссык-Куль[17], в Исфаринском районе[18], Чаткале[19] и в погребении в хуме на городище Старая Кува[20]. Такая же, как из науса № 1, пряжка с круглой рамкой с подвижным язычком обнаружена в могильниках Пскента[21] и в могильниках кочевников в Кара-мазарских горах[22].

Аналогия шпильке из науса № 7 имеется среди находок из могильников в Центральном Тянь-Шане[23]. Однако последняя

---

[11] А. К. Кибиров, Археологические памятники Чаткала, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, М., 1959, т. II, стр. 47, см. рис. 31, стр. 40.

[12] А. И. Тереножкин, Замок Ак-тепе, Ташкент, 1948, стр. 114, рис. № 16.

[13] Л. И. Альбаум, Балалык-тепе; Ташкент, 1960, стр. 88, см. рис. на стр. 89.

[14] А. А. Потапов, Пскентский могильник, стр. 73.

[15] И. Кожомбердыев, Новые данные о кенкольском могильнике, КСИИМК, вып. 80, М., 1960, стр. 74, см. рис. 15 на стр. 73.

[16] М. Э. Воронец, Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г.; Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1951, стр. 60, см. рис. 9, стр. 61.

[17] Л. П. Зяблин, Средневековые курганы на Иссык-Куле, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 142, см. рис. 2, стр. 143.

[18] Б. А. Литвинский, Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г., Труды АН ТаджССР, т. XCI, 1959, стр. 79.

[19] А. К. Кибиров, Археологические памятники Чаткала, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 13.

[20] В. Д. Жуков, Обследование городища Старая Кува в 1956 г., КСИИМК, вып. 80, стр. 84, см. рис. 19, стр. 83.

[21] А. А. Потапов, Пскентский могильник.., стр. 73.

[22] Б. А. Литвинский, Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах, Труды АН ТаджССР, т. XIII, 1956, стр. 44.

[23] А. К. Кибиров, Археологические работы в Центральном Тянь-Шане 1953—1955 гг., Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 107.

несколько меньшего размера. Раковина каури обнаружена в склепах Пскента[24] и в могильнике Кенкола[25].

Перейдем к вопросу о датировке исследованных нами памятников. Все они одинаковы по своей конструкции и планировке, поэтому отмеченные выше монетные находки можно использовать для датировки всех вскрытых наусов. Две монеты, найденные в наусе № 2, по определению О. И. Смирновой, являются шашскими и датируются концом VII — началом VIII в.

Одна монета, найденная в наусе № 4, определена В. А. Шишкиным как бухарская и датируется VII в. Следовательно, по нумизматическим данным обследованную нами группу памятников и оссуарии можно датировать VII—VIII вв. Инвентарь описанных погребальных сооружений не противоречит указанной датировке.

Раскопанные в 1929—1930 гг. М. В. Воеводским и А. А. Потаповым пскентские «склепы» можно также отнести к времени, которым датируются Тюябугузские наусы.

---

[24] А. А. Потапов, Пскентский могильник.., стр. 73.
[25] И. Кожомбердыев, указ. соч., стр. 73, рис. 15.

И. АХРАРОВ

КИРПИЧЕОБЖИГАТЕЛЬНАЯ ПЕЧЬ XI в. НА СТАРОМ ГОРОДИЩЕ КУВА

Кирпичеобжигательные печи в Средней Азии изучены недостаточно. В литературе есть попутные краткие упоминания о печах. Таких упоминаний очень немного, а между тем изучение кирпичеобжигательных печей необходимо не только с точки зрения исследования самого кирпичного производства в Средней Азии (планировка печей, разновидности их в конструктивном и технологическом отношениях, продуктивность и т. д.)[1], но и в связи с вопросами изучения среднеазиатской архитектуры.

В дореволюционной археологической литературе[2] имеются сведения Н. С. Лыкошина об обнаружении им следов кирпичеобжигательных печей и кирпичных шлаков в Кукчинской части Ташкента[3], но, упоминая об обнаруженных там квадратных жженых кирпичах, он не дает их размеров и не датирует печи.

В советское время кирпичеобжигательные печи были отмечены в ряде памятников на территории Средней Азии. Больше двух десятков кирпичеобжигательных печей, датируемых XI—XII вв.[4], занимают большую площадь в приго-

[1] По сравнению с изучением керамического производства изучение кирпичного производства в средневековой Средней Азии можно считать незначительным. Особенно нужно отметить большой размах в области изучения керамического производства в Узбекистане и в Туркмении по линии ЮТАКЭ.

[2] Археологическое изучение Средней Азии того периода характеризуется как собрание и регистрация случайных сведений и предметов. См. М. Е. Массон, Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, Труды САГУ, вып. 81, 1956, стр. 12.

[3] Н. С. Лыкошин, Сообщения члена-секретаря правления кружка о случайных археологических находках, ПТКЛА, вып. II, 1897, стр. 23.

[4] М. Е. Массон, Городища старого Термеза и их изучение, Труды Узбекистанского филиала АН СССР, сер. I, история, археология, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 100.

роде старого Термеза. В. А. Шишкин отмечает, что семнадцать из этих печей были заполнены кирпичами и процесс обжига не был доведен до конца, печи были брошены, что свидетельствует о катастрофе, заставшей врасплох ремесленников[5]. Несколько кирпичеобжигательных печей было зафиксировано во время изучения пригорода Новой Нисы в 1946 г.[6].

Во время исследования торгового пути из Мерва на Амуль (Чарджоу) проф. М. Е. Массон зафиксировал несколько средневековых печей для обжига кирпича, которые находились главным образом на пути караванной торговли и обеспечивали придорожное строительство[7]. Такая же печь обнаружена на территории древнего города Сарайчика и изучена Западно-Казахстанской археологической экспедицией в 1950 г.[8]. Печь была в плане продолговатой, длинной стороной ориентирована с севера на юг и сооружена из сырцового кирпича размером 36—37 × 36—37 × 7—8 *см.* Перекрытие топочной камеры покоилось на нескольких арках, которые и образовали основание для обжигательной камеры[9]. Печь датируется XIII—XIV вв.

Двухярусная печь для обжига кирпича, относящаяся к концу XIV — началу XV в., была вскрыта Хорезмской экспедицией близ каравансарая Талайхоната; в топочной камере ее имелось пять арок[10].

Что касается изучения кирпичеобжигательных печей в Центральной Фергане, то в археологической литературе не имеется даже упоминаний о них. Учитывая важность изучения данных памятников, руководитель кувинского археологического отряда проф. Я. Г. Гулямов с самого начала работ наряду с другими задачами поставил перед отрядом задачу изучить керамические и кирпичеобжигательные печи городища Старая Кува. Нахождение огромного количества кирпичных шлаков и целых жженых кирпичей разного формата во многих пунктах городища свидетельствует о широком

---

[5] В. А. Шишкин, К исторической топографии старого Термеза, Труды Узбекистанского филиала АН СССР, сер. I, история, археология, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 145.

[6] В. Д. Жуков, Изучение пригорода Нисы в 1946 году, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 179.

[7] М. Е. Массон, Средневековый путь из Мерва на Амуль (Чарджоу), Известия АН ТуркмССР, 1955, № 1, стр. 6, 8—9.

[8] Г. И. Пацевич, Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике, Краткие сообщения ИИМК, вып. 69, 1957, стр. 111.

[9] Там же.

[10] О. А. Вишневская, Раскопки каравансарая Ак-яйла и Талайхон-ата, Археологические и этнографические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции т. II, М., 1958, стр. 462.

использовании их на стройках и в быту населением средневековой Кувы. Кирпич применялся и в качестве могильных камней. Так, в Куве найден был один квадратный жженый кирпич с вырезанной на нем эпитафией.

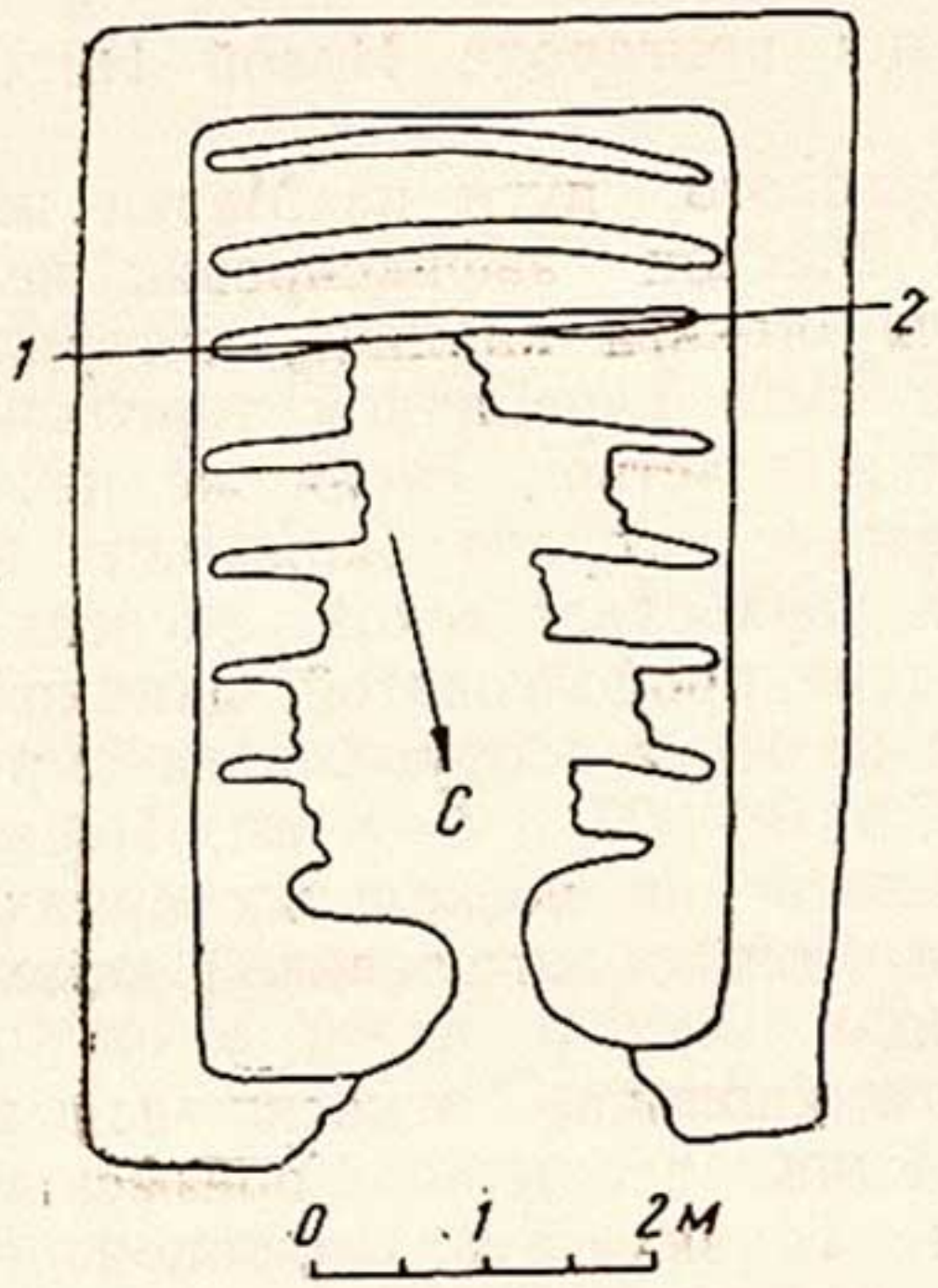

Рис. 1. План кирпичеобжигательной печи, вид сверху.

Печь для обжига кирпича (рис. 1) была обнаружена в рабаде Кувы, на склоне тепе, расположенного к северо-западу от шахристана на расстоянии 30—40 *м* от него и вскрыта осенью 1956 г. автором. В плане тепе имеет неправильную овальную форму, несколько вытянутую с востока на запад, высотой до 3—4 *м*, длиной 45 *м*, шириной 30 *м*. Так как местное население не знает названия этого тепе, мы условно назвали его *хумдон тепа*. С востока вдоль тепе проходит арык, который у северо-восточного угла поворачивает на запад и идет вдоль тепе дальше к кладбищу *Қалин пўстин* [11], находящемуся от *хумдон тепа* в северо-западном направлении. Примерно с середины северного склона тепе нами было зафиксировано пять кирпичеобжигательных печей, расположенных в ряд по склону с востока на запад. В плане все они продолговатые, длиной от 4 до 7 *м*, шириной от 2 до 5 *м*. Некоторые из них ориентированы длинной стороной с севера на юг, а другие с северо-запада на юго-восток. Ко времени приезда экспедиции в Куву большая часть *хумдон тепа* была снесена бульдозером при хозяйственных работах колхоза «Москва» (в том числе четыре кирпичеобжигательные печи), уцелела лишь одна, которая нами рассматривается в данной статье. В плане она прямоугольная, длинной стороной ориентирована с севера на юг и с небольшим отклонением на восток, имеет размеры 5,50 × 4,40 *м* (рис. 1). Печь состоит из двух ярусов: в нижнем — топочная часть, в верхнем — обжигательная камера. Топочная камера имела семь полуциркульных арок (см.

[11] Кладбище Қалин-пўстин расположено на бывшем тепе неправильной конфигурации размером 240 × 180 м и содержит богатый археологический материал в виде керамики, фрагментов стекла, жженых кирпичей и монет, относящихся к IX—XI вв.

рис. 2), из которых сохранились полностью только две, а остальные арки в верхних своих частях разрушены. Арки сооружены из сырцовых кирпичей размером 40 × 24 × × 7,8 *см*, уложенных в один кирпич на ребро, на глиняном растворе. Верхняя горизонтальная площадка над арками образована путем закладки пространства между арками таким же сырцовым кирпичом, уложенным плашмя. Арки располагались в ряд параллельно одна другой с промежутками в 15—20 *см*. Вся внутренняя поверхность топочной камеры,

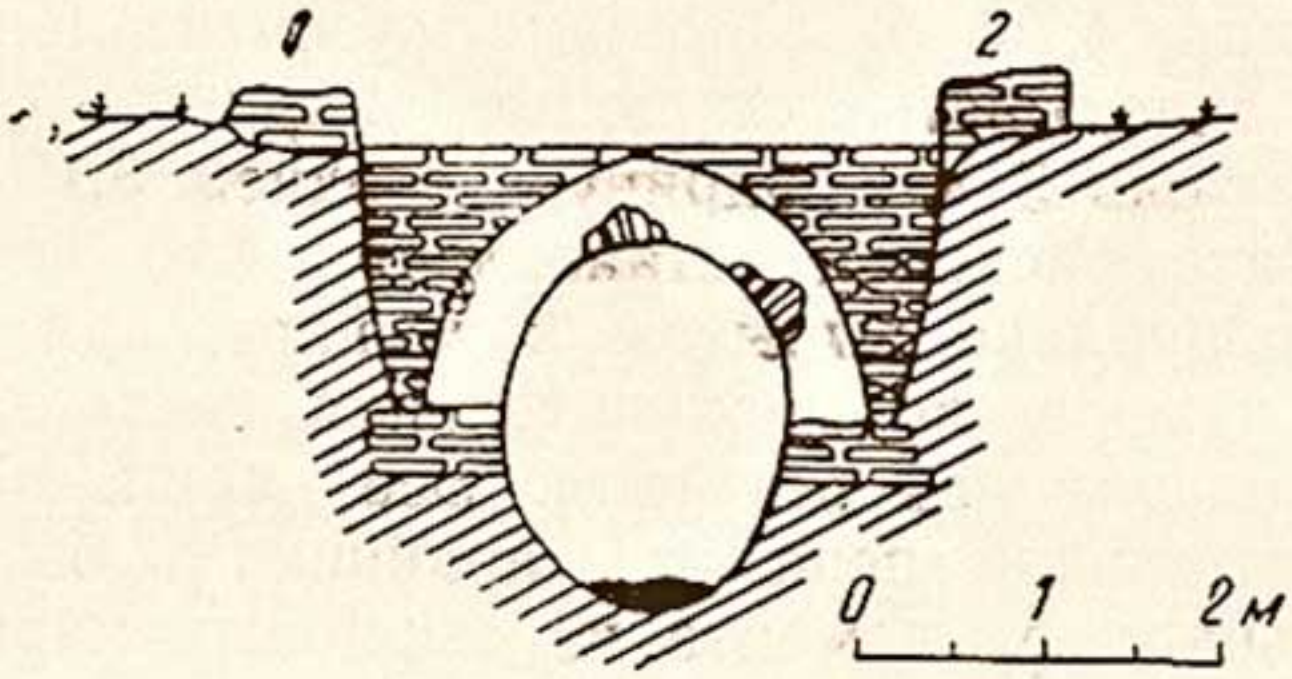

Рис. 2. Разрез кирпичеобжигательной печи, вид с севера на юг.

а также арки покрыты тремя-четырьмя слоями обмазки, которая сильно обожжена; растительные примеси в ней сгорели и цвет обмазки стал зеленовато-пепельным. Многослойная обмазка стен связана с неоднократным ремонтом. Толщина ее в некоторых местах доходит до 6 *см*, толщина арки с обмазкой от 40 до 45 *см*. Высота сохранившихся двух арок от их основания 95 *см*, а от пола топочной камеры до центра этих арок до 2,20 *м*.

Топочное устье, идущее несколько наклонно вниз во внутрь топки, расположено с северной стороны печи и в плане представляет прямоугольник размером 45 × 45 × × 40 *см*. Интересно отметить наличие дымохода длиной 1 *м*, шириной 30 *см* и высотой 20 *см*. Дымоход расположен с противоположной стороны топочного устья на уровне чуть ниже замка последней арки и, продолжаясь несколько наклонно вверх, выходит наружу. Нижняя часть топочной камеры представляет собой удлиненную яму. Высота от дна камеры до вершины арки 2,20 *м*. Общая длина топочной камеры около 4,50 *м*, самая широкая часть ее 2,80 *м*.

Таким образом, ряд параллельно расположенных арок образует длинную топочную камеру с полукруглым сводом, а промежутки между арками представляют собой ряд узких щелей — жаропроводящих каналов (рис. 1, *1*), идущих более или менее параллельно во всю ширину огневой каме-

ры. По этим щелям горячие газы проникали из топки в камеру обжига. Устройство дымохода с противоположной стороны топочного устья облегчает сгорание топлива и усиливает пламя в топочной камере.

От верхней обжигательной камеры до нас дошли лишь остатки стен высотой 30—40 *см,* сооруженные из сырцовых кирпичей размером 40 × 24 × 8 *см,* как и вся печь (см. рис. 2, *1*). Толщина стен вместе с внутренней и внешней саманной обмазкой около 70 *см.* Общая длина печи равна 6,50 *м,* ширина 4,70 *м.* Площадь обжигательной камеры, куда можно складывать сырцовые кирпичи для обжига, имеет длину около 5 *м* и ширину в среднем 3,10 *см.*

В результате раскопок установлено, что печь была сооружена в специально вырытом котловане, притом не только топочная камера, но и значительная часть обжигательной камеры находилась в грунте. Все арки, в отличие от кирпичеобжигательной печи из Сарайчика[12], были сооружены на небольшом фундаменте из сырцовых кирпичей в три ряда того же размера, что и печь. Пока трудно реконструировать обжигательную камеру. Видимо, перекрытие ее заканчивалось на определенной высоте сводом, а загрузка и выгрузка кирпичей осуществлялась через специальные отверстия где-то сбоку камеры.

Находки в печи очень незначительны. Внутри топочной камеры была обнаружена одна монета, представляющая, по определению проф. М. Е. Массона, фельс чекана Кадр-хакана, битый в Узгенде в 419 г. х. (1028 г. н. э.), и одна целая симобкузача высотой 12 *см,* шириной тулова 8 *см.* Судя по золе, обнаруженной в топочной камере, топливом служили колючка и камыш. В обжигательной камере над сохранившимся сводом лежали кирпичи, прилипшие друг к другу вследствие переобжига, который образуется при высокой температуре. Этого типа кирпичи были широко распространены в XI в. и имеют размеры 30 × 15 × 3 *см* и 28 × × 14 × 2,05 *см.* Интересно отметить наличие в обжигательной камере несколько переобожженных бракованных фигурных кирпичей.

Учитывая, что форма кирпича характерна для первой половины XI в., а также наличие монет чекана XI в. и находку симобкузачи, мы датируем печь первой четвертью XI в.

В пяти-шести шагах к северу от печи протекает, как упоминалось выше, проточный арык, а за арыком начинается большая ровная площадь. Она не имеет никаких культурных наслоений и, нам кажется, именно на этом ровном

---

[12] И. Пацевич, указ. соч., стр. 112.

месте сушили сформованный сырцовый кирпич, который затем обжигали в печах. Работу формовщика намного облегчала близость проточной воды. Сооружение печи глубоко в грунте, с одной стороны, создавало удобства для загрузки и выгрузки кирпичей, с другой стороны, значительно сокращало непроизводительную потерю тепла и обеспечивало равномерность охлаждения.

Рассмотренная нами конструкция кирпичеобжигательной печи находит широкие аналогии в печах средневековой Средней Азии[13] и, как нам кажется, является местной, а не заимствованной откуда-то, как думают некоторые исследователи. Например, В. Ф. Гайдукевич считает конструкцию раскопанной им керамической печи из Мунчак-тепе (в Фергане), происходящей из стран древнего Двуречья, откуда, по его мнению, она была заимствована римлянами[14]. Такого рода конструкция могла выработаться везде, так как она наиболее целесообразна для обжига тяжеловесной продукции (крупных сосудов, кирпичей, черепицы и т. д.), притом печь с полуциркульными арками характерна не только для кирпичного производства, но также встречается и среди керамических печей как античного времени[15], так и средневековья[16].

Ознакомление с археологической литературой по данному вопросу и сравнение с другими кирпичеобжигательными печами Средней Азии показывают, что печь из Кувы имеет в основном такую же конструкцию. Наряду со стандартным кирпичом здесь обжигался и фигурный, на который в ту пору был большой спрос. Для кирпичного производства Средней Азии, видимо, является характерным расположение кирпичеобжигательных хумданов в пределах рабада, а не на территории шахристана. Они могли также сооружаться вблизи большого строительства, при возведении того или

---

[13] К. Адыков, К характеристике гончарного производства в Мерве конца XII — начале XIII вв., Известия АН ТуркССР, 1955, № 6; Г. И. Пацевич, Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике, КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 111; С. Б. Лунина, Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва, Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. VIII; Ашхабад, 1958, стр. 349; О. А. Вишневская, Раскопки караван-сараев Ак-яйла и Талайхон-ата, Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг., Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 462.

[14] В. Ф. Гайдукевич, Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе, КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 80, 82.

[15] В. Ф. Гайдукевич, Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе стр. 80—82.

[16] С. Б. Лунина, Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва, стр. 352, рис. 3.

иного архитектурного здания, например, мавзолеев[17]. Такие печи были обнаружены нами в 1959 г. при раскопках мавзолея некоего эмира Мухаммеда бин Айюка на территории городского округа («мауза») по дороге из Шахрисябза в Термез. Печи обычно сооружались на склоне холма, и нижняя часть большинства печей находилась в вырытом грунте. Как правило, печи располагались вблизи воды, а также вблизи от большой свободной площади для сушки кирпича.

Дальнейшие раскопки и изучение кирпичеобжигательных хумданов Ферганы дадут новые интересные данные для характеристики средневекового ремесленного производства.

---

[17] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Гумбаз Манаса, М., 1950, стр. 30.

М. АМИНДЖАНОВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ МУЗЕЕВ ТАШКЕНТА И САМАРКАНДА

Средневековое стеклоделие Средней Азии до сих пор не являлось предметом специального всестороннего изучения, хотя музейные собрания стекла, пополняемые ежегодно находками из раскопок, давно ждут своего исследователя[1].

Музей истории народов Узбекистана и Республиканский музей истории и истории искусств в Самарканде сохранили значительное количество средневекового стекла из разных пунктов Узбекистана. Республиканские музеи Ферганы, Наманган, Андижана, Коканда, Термеза располагают небольшим количеством маловыразительного стекла в основном из раскопок, произведенных в районах этих городов, или же стекла, переданного в дар из Самаркандского музея. В экспозиции Душанбинского музея также имеются несколько сосудов малых размеров, относящиеся к афрасиабскому стеклоделию.

Накопление образцов средневекового стекла в Ташкентском музее протекало на протяжении восьми десятилетий[2]. Сюда вошли коллекции Туркестанского кружка любителей археологии, приобретения и находки М. В. Воеводского, М. П. Грязнова, М. Е. Массона, В. А. Шишкина и других. Но неправильная и неточная паспортизация, неоднократная переписка инвентарных книг внесла много неясностей. Поэтому все стекло, выставленное в экспозиции и хранимое в фондах значится как колекция, переданная в 1931 г. от восточного факультета САГУ (инв. № 238). Кол-

---

[1] В работе рассмотрены не все продукты стекольного производства (оконное стекло, украшения, медальоны и пр.), а лишь сосуды, ибо автор считает, что и оконное стекло и украшения из стекла представляют самостоятельную тему для научного исследования.

[2] Е. А. Патрушева, Фонды музея истории народов Узбекистана, Ташкент, 1951, стр. 12.

лекция стекла была дополнена несколькими стеклянными изделиями из раскопок А. И. Тереножкина, произведенных в 1948 г. на Афрасиабе, и стеклом со средневекового городища Тункет (Ташкентская область), частичные раскопки которого были произведены Ю. Ф. Буряковым в 1960 году.

Собрание стекла в Самаркандском музее более систематизировано. Большая часть средневекового стекла музея — это коллекции В. Л. Вяткина, Б. Н. Кастальского и М. В. Столярова[3].

В основном средневековое стекло музея найдено в городище Афрасиаб.

Стационарные раскопки на городище Афрасиаб, предпринятые отделом археологии Института истории и археологии с 1958 г., дают новые находки стекла.

Первым, кто оценил важность изучения среднеазиатского стеклоделия, был Н. И. Веселовский. В ноябре 1884 г., получив научную командировку в Туркестан, Н. И. Веселовский собрал огромный вещественный материал, в котором не последнее место занимали стеклянные изделия. Вследствие этого Н. И. Веселовский заинтересовался известным сообщением Бэйши о среднеазиатских (юэчжийских) купцах, научивших китайцев изготовлению цветного стекла. «По данному вопросу, именно по вопросу о стеклянном производстве Средней Азии, письменное свидетельство было (подразумевается сообщение Бэйши — *М. А.*) сообщено самим Николаем Ивановичем»[4].

Заметка Н. И. Веселовского[5] имела большое значение для того времени, когда размах археологических работ был еще невелик. Его предположение о местном производстве стекла было смелым и спорным. В. В. Бартольд считал, что начало стеклянной промышленности в Средней Азии положила торговля с Западом (Римской империей)[6].

Вопрос о стеклоделии на Афрасиабе затронут В. Л. Вяткиным[7]. Им дана классификация форм стеклянных сосудов. Хотя и не были обнаружены стекольные мастерские. В. Л. Вяткин не сомневается в том, что таковые были на

---

[3] А. А. Семенов, Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях, Изв. АН ТаджССР, отделение общественных наук, № 14, 1957, стр. 149.

[4] В. В. Бартольд, Веселовский как исследователь Востока и истории русской науки, ЗВОРАО, т. XXV, в. 1—4, СПб., 1921, стр. 349.

[5] Н. И. Веселовский, Заметка о стеклянном производстве в Средней Азии, ЗВОРАО, т. VIII, СПб., 1894, стр. 137—138.

[6] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 15.

[7] В. Л. Вяткин, Афрасиаб — городище былого Самарканда, 1927, стр. 60—64.

Афрасиабе, о чем свидетельствуют находки спекшегося стекла и бракованных стеклянных изделий[8].

Находки в виде стеклянного шлака и брака стеклянных изделий были обнаружены в местности Намазгох[9], находящейся к юго-западу от Афрасиаба.

При всей ценности работ В. Л. Вяткина, нельзя согласиться с его мнением, что изделия из стекла очень бедны орнаментом, и, во-вторых, с тем, что «стеклянные изделия не могут служить сколько-нибудь надежным материалом для определения эпохи»[10].

Одну из первых попыток датировать среднеазиатские стеклянные изделия сделала К. В. Тревер, которая отнесла к предметам греко-бактрийского искусства стеклянную двухслойную чашу с золотым узором, найденную на Кавказе. К. В. Тревер на основании стилистического анализа относит ее к Средней Азии II в. до н. э.[11]. Однако форма чаши, общая композиция, техника изготовления, детали орнамента, включая сюда и орнаментальный мотив, который, по мнению К. В. Тревер, может быть только среднеазиатским, вовсе не характерны лишь для Средней Азии. С уверенностью можно отнести эту чашу и к Сирии, где была известна техника изготовления двухслойных чаш с золотым узором[12].

Сомнительной является датировка первых стеклянных изделий кушанским временем. А. И. Тереножкин относит появление стеклянных сосудов к кангюе-юечжийскому времени, т. е. к II в. до н. э.[13]. Но находки этого времени настолько редки, что твердо говорить о самостоятельном стекольном деле на Афрасиабе в I—II вв. н. э. пока невозможно.

Резко увеличивается количество находок предметов стеклянного производства в средневековых слоях развитых городов Средней Азии. Начиная с VIII в. стекло попадается

---

[8] М. А. Безбородов, А. Л. Якобсон, Химическое исследование средневекового стекла из Байлакана, СА, 1960, № 4, стр. 195.

[9] В. Л. Вяткин, Отчет о раскопках, произведенных в октябре 1904 г. в местности Намазгох близ города Самарканда, Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, № 7, 1907, стр. 2.

[10] В. Л. Вяткин, Афрасиаб — городище былого Самарканда, 1927, стр. 61.

[11] К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 158—162, табл. 50.

[12] W. Fol, Catalogue du Musée Fol, p. II, Genève, 1875. p. 451.

[13] А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, XXIII, М.—Л., 1950, стр. 157.

повсеместно[14]. Стеклянные изделия встречаются в Термезе[15], в Самарканде, на Кулдортепе, Варахше, Балалыктепе, Мунчактепе, Куве, Ахсикенте; повсеместно стекло дают средневековые городища Хорезма и другие пункты Средней Азии[16].

Находки стекла как высокохудожественного, так и простого бытового в этих пунктах Мавераннахра зачастую сопровождаются находками отходов стеклянного производства в виде ошлакованного стекла и брака стеклянных изделий. Все это, несомненно, говорит о наличии развитого стекольного дела в Средней Азии начиная с VIII до начала XIII в.

Единственное письменное свидетельство Бэйши о стеклоделии в Средней Азии в более раннее время — сообщение о среднеазиатских мастерах, умевших изготовлять цветное стекло, относящееся к первой четверти V в. н. э.[17]. Но ни археологическими, ни письменными данными существование стеклоделия как для V в. н. э., так и для предшествующих периодов пока не доказано.

Косвенное свидетельство о стеклоделии есть только для XI в. в Кандии Малой[18]. Несомненным источником, по которому можно судить о наличии налаженного стекольного дела, может послужить рукопись алхимического трактата Абу-Бакра Мухаммада ар-Рази под названием «Книга тайны тайн» (IX в.)[19].

О применении стекла в медицинских целях говорится в одной из глав рукописи Института востоковедения АН УзССР — медико-фармакологического сочинения XVI в. под названием «Ихтийарат-и-Бадий», где имеется рисунок цветных стекол (лист 118б).

Как уже отмечалось выше, весь музейный материал не датирован. Чтобы точно датировать стеклянные сосуды музейных собраний, необходимо привлечь материал, непосредственно изъятый из культурных слоев. В нашем распоряжении пока имеется только несколько форм стеклянных сосу-

---

[14] А. И. Тереножкин, указ. соч., стр. 167.

[15] М. Е. Массон, Термезская комплексная экспедиция (ТАКЭ). КСИИМК, VIII, 1940, стр. 115; Он же, Городища Старого Термеза и их изучение, Труды филиала АН СССР, сер. I, история, археология вып. 2, Термезская комплексная экспедиция 1936 г., Ташкент, 1940, стр. 56; Там же, П. И. Князев, Разведочно-археологические работы в квартале металлистов древнего Термеза, стр. 165.

[16] Здесь мы не затрагиваем вопроса изучения стеклоделия районов, территориально не входивших в Мавераннахр.

[17] Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в средние века, т. II, М.—Л., 1950, стр. 265.

[18] Кандия Малая, перев. В. Л. Вяткина, Справочная книжка Самаркандской области, в. VIII, Самарканд, 1906, стр. 256.

[19] У. И. Каримов, Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн», Ташкент, 1957, стр. 15, 21, 60, 153, 154, 155 и т. д.

дов, которые датируются другими предметами материальной культуры (керамика, монеты).

Большое количество стекла дают раскопки на городище Афрасиаб. В 1948 г. А. И. Тереножкин производил раскопки на Афрасиабе, где выявил первые стеклянные сосуды в слое Афрасиаб IV (II в. до н. э. — I в. н. э.); но ни описания, ни изображений их в приложенных таблицах он не дает. Стеклянные сосуды в виде кружки с ручкой и бокала на массивной невысокой ножке обнаружены в слое, датируемом второй половиной VIII в.[20]. Аналогичная кружка найдена на Афрасиабе в 1959 г., в раскопках на внешней стене городища с монетой Исмаила ибн Ахмеда конца IX в. Кружка очень массивна, без поддона; орнаментирована двумя рядами полос с крупной точкой в центре. Кружки с петлеобразной ручкой обнаружены на Кулдортепе[21], в слое, датируемом второй половиной IX в. Такой же формы кружка обнаружена в Ташкентской области на Киндыклыктепе (раскопки Т. Агзамходжаева). Кружка из зеленого стекла с большим включением пузырей выдута в форму, с ячеистым орнаментом. Эта кружка датируется керамикой XI—XII вв.

Таким образом, по раскопочным материалам можно говорить о хронологических рамках бытования формы стеклянной кружки — со второй половины VIII по XII в.

В керамике такие формы кружек были широко распространены вплоть до начала IX в.[22], когда они, возможно, были вытеснены сосудами такой же формы, но из стекла.

В музейных собраниях есть такие кружки с ручками и без ручек. Кружки из Самаркандского музея (рис. 1, 2) одинаковы по форме, хотя форма ручек несколько отлична. Орнаментированная кружка из Ташкентского музея аналогична упомянутой кружке с Афрасиаба не только по форме, но и по орнаменту.

Большую группу стеклянных сосудов среди музейных собраний составляют бокалы и рюмки. Необходимо отметить разнообразие их как в формах резервуара, так и в формах ножек.

А. И. Тереножкин отмечал, что стеклянные рюмки на массивной ножке появляются, так же как и кружки, во второй половине VIII в. В слое X—XI в. им отмечены рюмки как бы с двойным поддоном: между резервуаром и под-

---

[20] А. И. Тереножкин, указ. соч., стр. 157.

[21] Б. Я. Ставиский, Раскопки городища Кулдортепе в 1956—1957 гг., СА, 1960, № 4, стр. 117.

[22] Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, № 4, М.—Л., 1950, стр. 108, табл. XII (7).

доном к ножке прикреплен диск, повторяющий форму поддона[23].

Стеклянные рюмки и бокалы получили широкое распространение в Средней Азии особенно в X—XII вв. Аналогичные рюмки и бокалы встречены на Нисе [24] в Туркмении, в Таджикистане в замке Калаи-Боло[25], в Узбекистане в средневековом городище Кува[26] и Термезе, на южном берегу Крыма (Керчь), за границей — в Сирии и Самарре.

Е. М. Пещерева, отмечая употребление вина в Средней Азии, предполагает, что в IX—XII вв. стеклянные бокалы заменили бытовавшие раньше бокалы из глины. Бокал из собрания Ташкентского музея (инв. № 233/4, рис. 3, *19*). имеет высокий резервуар (высота 13,4 *см*), который держится на низенькой ножке с неаккуратно отделанным неустойчивым поддоном (он создает ассиметричность сосуда). Бокал орнаментирован накладным синим стеклом в виде волнистой линии, от которой спускаются удлиненные петельки. В том же собрании есть рюмка из Афрасиаба на тоненькой ножке, оканчивающейся широким плоским поддоном. Можно предположить, что сосуды типа пиал (рис. 2, *7*) и типа бокалов без ножки (рис. 2, *16*) предназначены именно для питья вина.

Пиала, подобно другим сосудам типа чашек, относится к распространенным формам, выработанным в Мавераннахре[27]. Е. М. Пещерева считает, что форма пиалы появилась одновременно с появлением в Мавераннахре поливы, т. е. относится ко времени не ранее VIII в., а для Самарканда— около первой половины IX в.[28]. Трудно установить время, с которого употребляется слово «пиала» в Средней Азии и Иране (по-видимому, от греческого «фиала»), но предполагают, что оно связано с вином[29]. В связи с этим можно предположить, что вино подавали также в специальных сосудах из стекла. Может быть, сосуды типа бутылей, графи-

---

[23] А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, № 33, 1950, стр. 167, рис. 69, XIV в.

[24] Е. А. Давидович, Стекло из Нисы, Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 374—379.

[25] Е. А. Давидович, Раскопки замка Калаи-Боло, Труды Таджикской археологической экспедиции, т. III, МИА, 66, М.—Л., 1958, стр. 91.

[26] И. Ахраров, Средневековые стеклянные бокалы из Кувы, Известия АН УзССР, сер. общ. наук, 1960, № 4, стр. 23 и след.

[27] А. Н. Бернштам, Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам БЧК, Фрунзе, 1943, стр. 21.

[28] Е. М. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 289.

[29] Там же, стр. 290.

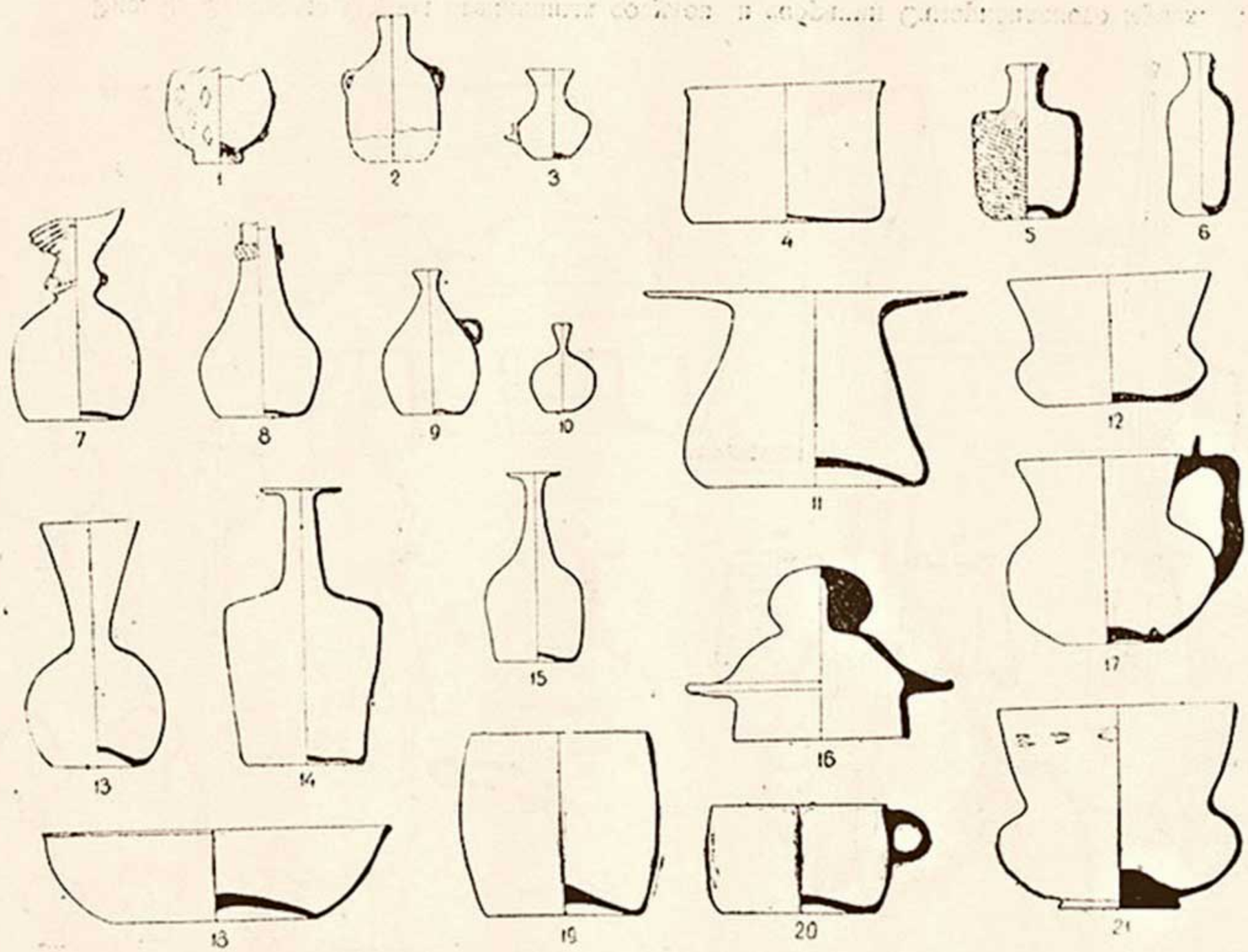

Рис. 1. Основные формы стеклянных сосудов в собрании Самаркандского музея.

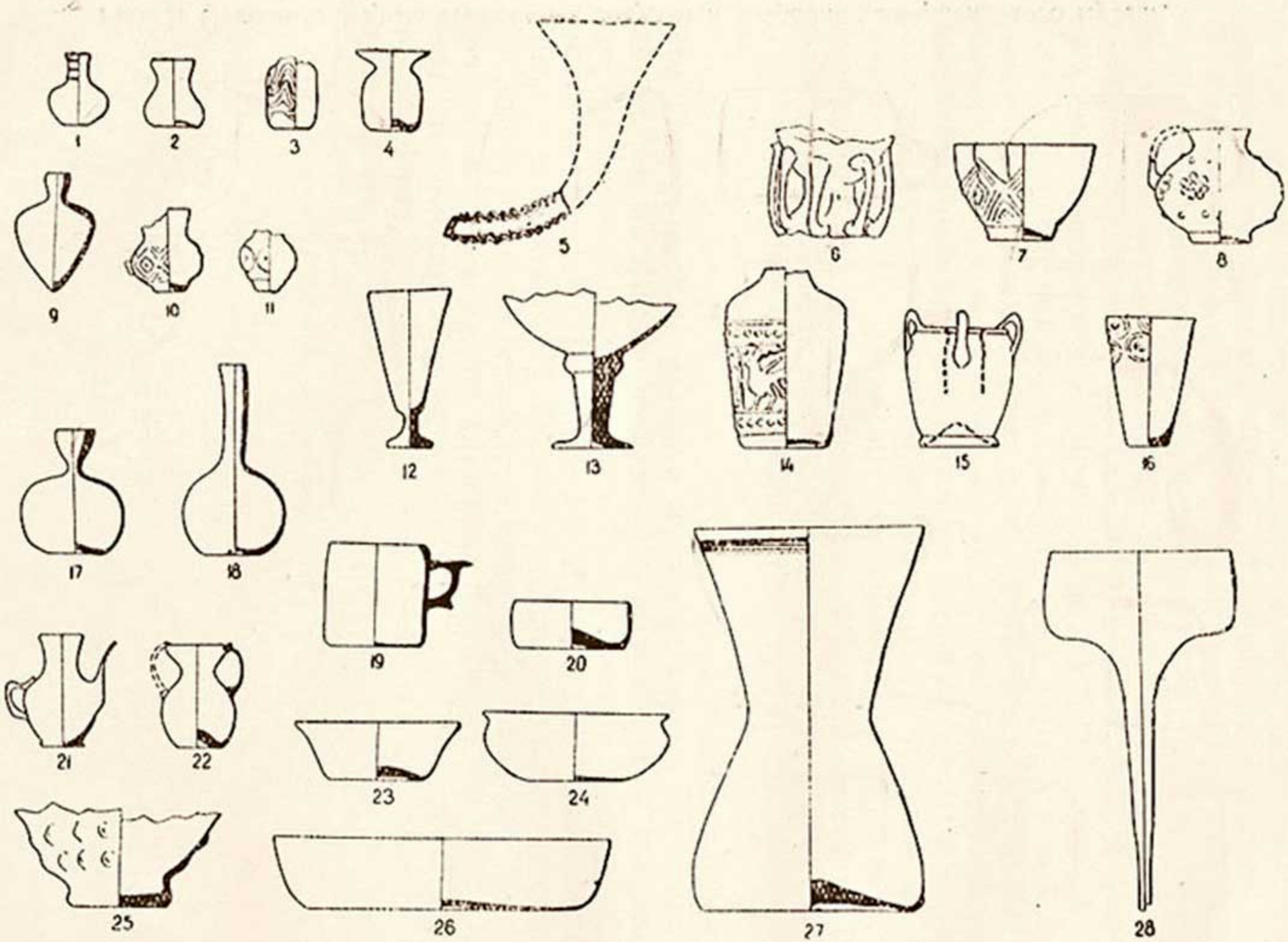

Рис. 2. Основные формы стеклянных сосудов в собрании Самаркандского музея.

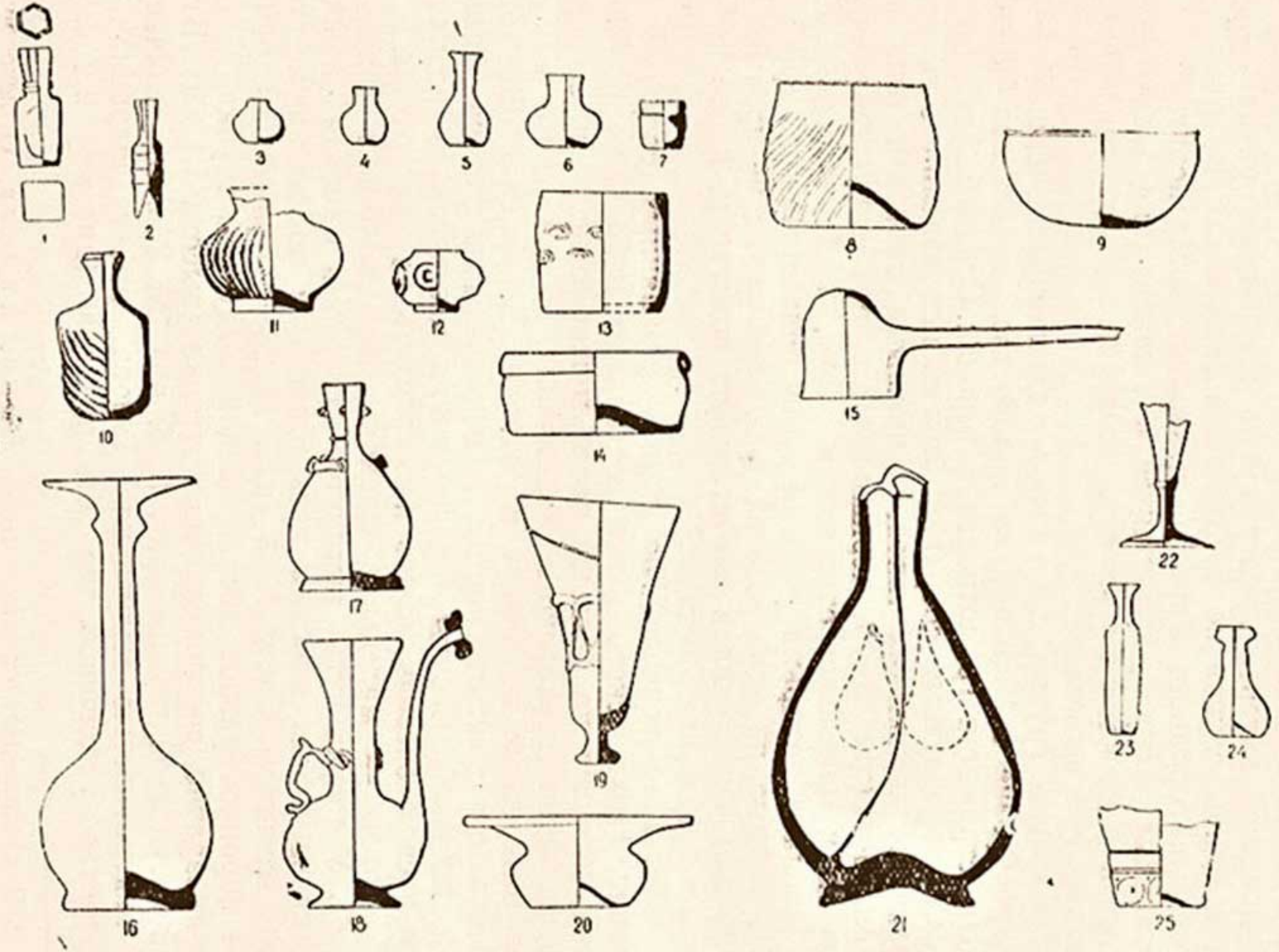

Рис. 3. Основные формы стеклянных сосудов в собрании Ташкентского музея.

нов (рис. 1, *13, 14, 15*) служили для разливания вина в определенных торжественных случаях. В классической узбекской литературе XVI—XVII вв. упоминаются минойи—специальные стеклянные сосуды для вина. Надо полагать, обычай пить вино из таких чаш идет с глубокой древности и бытует на всем Востоке.

Большой интерес представляют стеклянные ритоны. Они ни в одном случае не сохранились полностью, но ритон из стекла с городища Варахша позволяет восстановить форму остальных четырех, хранящихся в Ташкентском, Самаркандском и Андижанском музеях, совершенно одинаковых по орнаменту и величине[30].

Большую группу составляют стеклянные чернильницы. Разнообразие и большое их количество свидетельствуют о распространении грамотности в городах Средней Азии[31].

Среди музейных собраний стеклянных изделий есть чернильницы нескольких типов: с прямыми стенками типа непроливаек (рис. 3, *7*), чернильницы с чуть округлым резервуаром и широкими отворотами (рис. 2, *4*), высокая чернильница с четырьмя ушками для подвешивания (рис. 2, *15*). Видимо, ни одна из этих трех чернильниц не предназначена для вставления в алебастровую подставку, какие отмечены в собрании Эрмитажа[32].

Самую многочисленную группу стеклянных сосудов собрания Ташкентского музея составляют небольшие флакончики, которые по большей части можно отнести к сосудам парфюмерно-аптекарского назначения. Рассмотрим наиболее интересные по форме и технике исполнения. Все они отличаются тонкостенностью и исполнены достаточно высокой техникой. Сосуды парфюмерно-косметического назначения в свою очередь можно подразделить на три группы.

Первая — маленькие флаконы типа колбочки (рис. 3, *5, 6*). У сосуда чуть вытянутое тулово и высокая шейка, оканчивающаяся плоским чуть отогнутым во внешнюю сторону венчиком. Сосуд № 5 (инв. № 233/23) имеет устойчивое воронкообразное дно со следом выдувной трубки. Стекло прозрачно, светлокремового оттенка (высота 5,1 *см*). Второй сосуд этой группы (рис. 3, *6,* инв. № 233/28) отличается аккуратностью выдувания. Тулово имеет шаровидный резервуар, устойчивое дно без поддона, (диаметр 2,2 *см*);

---

[30] О стеклянных ритонах см. М. Аминджанова, О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра, История материальной культуры Узбекистана, Изд-во АН УзССР, вып. II, Ташкент, 1960, стр. 241—246.

[31] Б. Я. Ставиский, указ. соч., стр. 278.

[32] Б. Я. Ставиский, Самаркандские чернильные приборы IX—X вв. в собрании Эрмитажа, СА, 1960, № 1, стр. 280.

горлышко заканчивается венчиком. Стекло прозрачное, мутно-зеленоватого цвета.

К другой группе сосудов парфюмерно-косметического назначения относятся небольшие сосуды с шаровидным туловом, заканчивающимся венчиком, без горлышка. Сосудик (инв. 233/27, рис. 3, *3*) имеет неустойчивое дно (высота 2,4 *см*). Другой сосуд, несколько большей емкости (инв. № 233/10, рис. 3, *12*) производит впечатление незаконченности, так как не имеет горлышка. Причем срез горлышка был сделан намеренно уже по остывающему сосуду, что подтверждается тем, что венчик заглажен. Сосуд имеет неаккуратный поддон, орнаментирован: по тулову идет ряд кружочков с точкой посередине. Орнамент получен путем выдувания в узорчатую форму, о чем свидетельствуют едва заметные швы по бокам сосуда и мягкие очертания орнамента (высота 3,5 *см,* диаметр дна 2,6, диаметр горла 2,2 *см*). Аналогична этому сосуду ваза (инв. № 233/16, рис. 3, *11*); она имеет резервуар почти шаровидной формы, неаккуратный поддон со следом выдувной трубки. Стекло прозрачное, синее. Сосуд изготовлен в форме с гофрированной рельефной орнаментацией. Ясно прослеживаются швы на стенках сосуда, причем на одной стороне шов совпал с линией орнамента, а на другой и донной части швы заглажены. Размеры: высота 6 *см*, диаметр дна 4,2 *см*.

Совершенно иную форму и технику исполнения иллюстрируют другие два сосуда. Один из них (инв. № 233/38, рис. 3, *1*) сделан из непрозрачного стекла с зеленоватым оттенком. Флакон имеет прямоугольный резервуар, высокое горлышко, разделенное по вертикали на восемь граней. Переход от тулова к восьмигранному горлу оформлен двумя рядами концентрических кругов. Дно квадратное. Каждая сторона сосуда украшена орнаментом в виде медальона, удлиненного по вертикали. Размеры: высота 6,4 *см,* диаметр дна 2,2, диаметр горла 1,6, высота горла 2,7 *см*. Исполнен сосуд техникой литья с последующей огранкой сторон.

Второй сосуд исполнен в той же технике (без шифра, рис. 3, *2*), имеет тулово четырехугольной формы, которое поддерживают четыре трехгранные остро отточенные к концу ножки. Горлышко высокое, чуть расширяющееся кверху, имеет семь граней, тулово разгранено по горизонтали на четыре плоскости. Стекло слабо прозрачное, светлое, с зеленоватыми оттенком. Общая высота с ножками равна 6,5 *см*, диаметр горла — 1,4 *см*.

Среди сосудов собрания Самаркандского музея сосуды парфюмерно-аптекарского назначения также составляют

большую группу и представлены в большом разнообразии (рис. 1, *3, 10;* рис. 2, *1—3, 9—11*). Форму колбы напоминают маленькие изящные флакончики. Размеры одного: высота 3,3 *см,* диаметр горла 1,5 *см;* размер другого: высота 4,4 *см.* Сделаны они из прозрачного светлозеленого стекла. Форму современной спиртовки напоминает сосуд (рис. 1, *10*). Стекло темножелтого цвета, почти непрозрачное. Некоторые сосуды этого назначения имеют ручки, следы которых видны на рис. 1, *3, 10.* К парфюмерной посуде следует отнести неорнаментированные сосуды с вытянутым по вертикали туловом (рис. 1, *6*). Два сосуда (рис. 2, *3, 11*) в силу отличия их по материалу (непрозрачное стекло красновато-печеночного цвета) и по технике производства могут быть отнесены к продукции египетского или сирийского стеклоделия[33].

Даже этот небольшой перечень сосудов парфюмерно-косметического назначения говорит о широком развитии аптекарского-парфюмерного дела в Средней Азии. Употребление в аптечном и косметическом деле в Средней Азии стеклянных сосудов отмечал В. Л. Вяткин[34]. Местное население такие сосуды называет *атторли идишлар.* Известно, что в Средней Азии была прослойка людей, занимающихся приготовлением лекарств и душистых веществ. Они же производили и реализацию своих товаров в специальных сосудах. Аттарство сохранилось в Самарканде вплоть до XIX в., когда аттары занимали третье место в базарной торговле[35]. По аналогии с такими изделиями из Нисы (Хорасан), Тункета (Чач), Афрасиаба, Бухары (городище Варахша), Сурхандарьи (Кальтепе) можно предположить, что сосуды этого назначения появляются вместе с первыми сосудами из стекла, т. е. начинают бытовать с VIII или начала IX в., так как для парфюмерного дела стекло более удобно, чем глина или металл[36].

Ареал распространения сосудов косметико-аптечного назначения ограничивается не только Средним Востоком. Аналогичные сосуды встречаются на Кавказе, Черноморском побережье[37].

---

[33] О них см. М. Аминджанова, Два сосуда из египетского стекла в собрании Самаркандского музея, Научные работы и сообщения, сер. общественная, кн. 2, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1960.

[34] В. Л. Вяткин, указ. соч., стр. 62.

[35] С. П. Мансырева, Базарная торговля в Самаркандском уезде, Справочная книжка в Самаркандской области, 1897, вып. III, Самарканд, 1899, стр. 127—128.

[36] У. Каримов, Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн», Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1957, стр. 121, прим. 34.

[37] А. А. Спицын, Могильник VI—VII вв. в Черноморской области, ИАК, вып. 25, 1907, стр. 189, рис. 7.

Таким образом, можно утверждать о появлении этих сосудов в конце VIII в. и существовании их вплоть до исчезновения стеклоделия.

Видимо, широко была распространена форма блюдца. Это тарелочка с высокими прямыми (рис. 2, *20*) или чуть скошенными стенками (рис. 2, *26*, рис. 1, *18*). Сейчас такие блюдца именно стеклянные, а не фарфоровые таджикское население называет *таҳсимча*. Изделия тонкостенны и аккуратно исполнены, техника производства их проста — все они выдуты. Повсеместно находят такие блюдца при раскопках на Афрасиабе, в Сурхандарье, в Кашкадарье. Обычно они не орнаментированы. Есть лишь фрагменты с ячеистым орнаментом.

Среди других интересных по форме и назначению стеклянных сосудов привлекают внимание сосуды, которые были предназначены для употребления в средневековых химических лабораториях (рис. 3, *21, 15, 16;* рис. 2, *18, 28*)[38]. К сосудам, видимо, чисто декоративного назначения (судя по размерам) нужно отнести прибор для умывания — дастшув (рис. 3, *20*) и обдаста (рис. 3, *18*). Такие сосуды известны в металле и керамике и по аналогии с ними отнесены к XV—XVI вв.[39].

Это далеко не полный перечень стеклянных сосудов в собраниях музеев говорит о налаженном стекольном деле на территории Мавераннахра в средние века. Различные формы сосудов, их орнаментика, техника исполнения, отдельные технологические моменты, выявившиеся по этим сосудам, могут подтвердить это мнение, хотя сами мастерские еще не обнаружены (кроме пригорода Пенджикента)[40].

Большое значение в определении наличия самостоятельного стекольного дела имеет химико-технологическое изучение средневекового стекла. Химические анализы помогут выявить локальную особенность стекла, могут выявить сочетание основных элементов стекломассы[41].

Академик М. А. Безбородов произвел около 30 анализов среднеазиатского средневекового стекла и выявил его

---

[38] О химических сосудах см. М. Аминджанова, О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра, История материальной культуры Узбекистана, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 246 и далее.

[39] М. Аминджанова, Стеклянный прибор для умывания в собрании Ташкентского музея, Научные работы и сообщения, кн. 3, Ташкент, 1961.

[40] О. Г. Большаков, Н. Н. Негматов, Раскопки в пригороде древнего Пянджикента, Труды Тадж. археологической экспедиции, т. III, МИА, 66, М.—Л., 1958.

[41] Ю. Л. Щапова; О качественном спектральном анализе древнерусского стекла, СА, 1960, № 1, стр. 92.

локальную особенность в отличии от стекла античного рецепта. Наше стекло имеет большой процент окиси магния.

К настоящему времени изученные стеклянные изделия можно отнести к трем периодам: 1-й — VIII—IX вв. — время появления первых стеклянных сосудов; 2-й — X — начало XIII в. — расцвет стекольного дела в Мавераннахре и 3-й период — XV—XVI вв., когда частично изготовляются стеклянные сосуды, и стеклоделие в основном идет по пути развития оконного стекла[42]. Пока что не удалось выявить время окончательного замирания стекольного дела в Мавераннахре.

В X—XII вв. в Мавераннахре стеклоделие считалось одним из 33 обязательных городских ремесел. Изучение стеклоделия и его предметов — это еще один ключ к исследованию истории производства и экономической жизни Средней Азии.

---

[42] Е. А. Давидович, Цветное оконное стекло XV в. из Самарканда, Труды САГУ, Археология Средней Азии, Ташкент, 1953, кн. 6, стр. 143 и далее.

В. А. НИЛЬСЕН

НЕКОТОРЫЕ СЫРЦОВЫЕ КУПОЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ НА ЮГЕ ДОЛИНЫ СУРХАНДАРЬИ

Купольные и сводчатые сырцовые постройки, обильно разбросанные в южной части долины Сурхандарьи, не раз привлекали внимание исследователей. Обилие сырцовых купольных построек справедливо рассматривалось как определенное своеобразие в монументальном зодчестве юга Узбекистана. Особенно ценны усилия Н. М. Бачинского, в 1938 г. руководившего XI отрядом Термезской археологической комплексной экспедиции и специально занимавшегося изучением хорошо сохранившихся сырцовых построек в так называемой привокзальной группе развалин. Н. М. Бачинский со своими помощниками исследовал и зафиксировал большое количество памятников. Результаты этих исследований были опубликованы в трудах ТАКЭ[1] с приложением большого количества фотографий и чертежей.

Н. М. Бачинский, отмечая аналогичность многих приемов и форм, употреблявшихся в сырцовой архитектуре и строительстве из жженого кирпича, замечает, что многие примеры сводчатых и купольных конструкций, зародившиеся в древние времена в сырце, сохранялись несколько изменив свою форму и в средневековьи.

Эта ценная статья имеет, однако, ошибки в определении назначения многих сооружений. Так, многие развалины мавзолеев ошибочно относятся к жилым домам. На эту ошибку в свое время обратила внимание редакция Трудов Термезской археологической комплексной экспедиции[2]. Имеется некоторая путаница и в идентификации построек, относимых автором к исламскому культу.

---

[1] Н. М. Бачинский, Сырцовые здания древнего Термеза, Труды ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945.

[2] Там же, стр. 219.

В 1955 г., во время работы в составе Сурхандарьинского археологического отряда, мне совместно с В. А. Козловским и Т. Агзамходжаевым удалось посетить некоторые сырцовые сооружения, сфотографировать их и сделать эскизные архитектурные замеры. Небольшие исследования сырцовых сооружений были произведены мною и весной 1960 г.

Ввиду того, что этими исследованиями мы занимались попутно с участием в археологических раскопках на Хайрабадтепе и на других объектах в зоне строящегося Южносурханского водохранилища, то, естественно, мы не могли посвятить им много времени. Наши исследования сырцовых сооружений проведены в основном только на шести объектах, остальные же исследовались очень схематично. Но эти кратковременные наблюдения оказались небезынтересными и дают некоторые новые материалы. Среди обследованных объектов 3 мазара. Один из них, наиболее сохранившийся (мазар Ходжа-Рушнаи), находится вблизи большой дороги, соединяющей Ангор с Термезом. Мавзолей в плане представляет собой неправильный несколько скошенный квадрат, на уровне яруса парусов переходящий в восьмигранник (рис. 1). С восточной стороны расположен главный вход, подчеркнутый глубокой нишей, образуемой далеко выступающими толстыми пилонами, некогда поддерживавшими перекрывавший нишу полукупол и стрельчатую арку пештака.

Вся композиция мавзолея увенчивалась сырцовым вытянутым кверху куполом.

Если интерьер мавзолея сохранился довольно хорошо, то внешние поверхности здания сильно разрушены, выветрены и замыты дождями. Особенно сильно пострадали части здания, выходящие на юг и на запад, т. е. со стороны дующих в этих районах сильных ветров («афганец»). Эти ветры привели к разрушению западной стороны оболочки купола, восстановление которой было произведено из жженого кирпича. Конструкция опоры купола на стены осуществлена арочными парусами, образующими на высоте 3 *м* характерный восьмигранник парусного яруса. Заарочное пространство в парусах заполнено сферическими поверхностями. Нависавшие над помещением мазара части сферических поверхностей вырезаны, а вырезы заполнены четырьмя рядами сталактитов, образованных двумя поставленными под углом кирпичами. При возведении купола мастера учитывали, что его надо было выкладывать из сырцового кирпича — материала тяжелого и непрочного. Поэтому они старались сократить свободный пролет купола и укрепить нависающие части, что производилось путем напуска во внутрь помеще-

ния верхней части парусного яруса и устройства в нижней части купола горизонтальной полосы зубчатых сталактитов. Тремя рядами ячеистых зубчатых сталактитов поддерживаются и пяты купола, нависающие над восьмигранником парусного яруса.

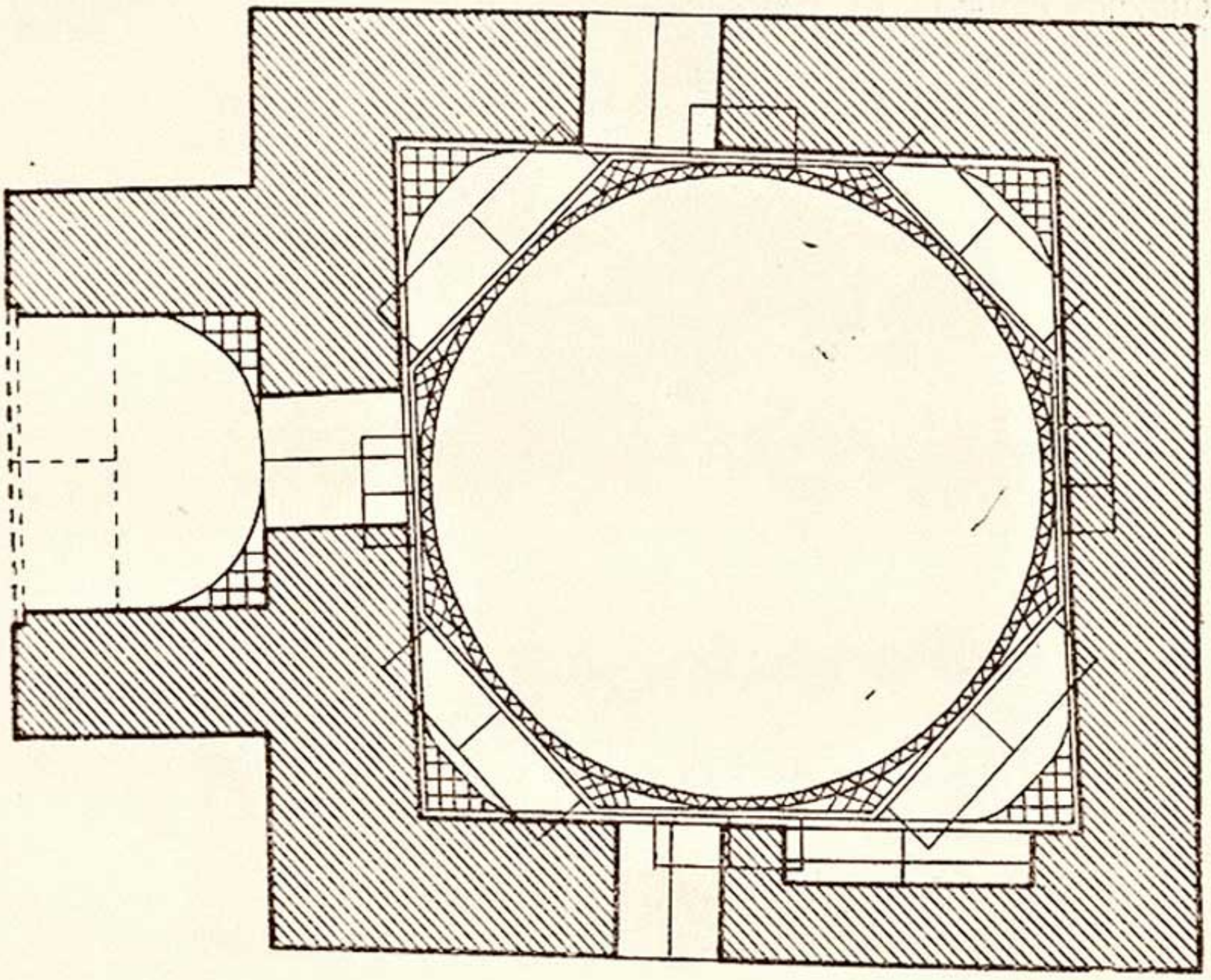

Рис. 1. План мавзолея Ходжа-Рушнаи.

Сталактиты, применяемые в интерьере мавзолея Ходжа-Рушнаи, конструктивны и выполнены из того же кирпича (26 × 26 × 5 *см*), из которого возведены стены и купол, и органически соединены с массивом кирпичной кладки. Но в то же время эти сталактиты являются и единственным средством внутреннего архитектурного декора. Внутри мавзолей не был даже оштукатурен. Сталактиты, стрельчатые арки парусов, небольшие стрельчатые нишки, лежащие между парусами, и большая плоская ниша в нижней части северной стены напротив надгробья — вот все, что имеет интерьер этого сооружения. Все это выделяется на фоне простой кладки так, что сразу становятся ясными конструкции и метод их возведения.

Анализируя архитектурную композицию мавзолея, его конструкции и внутреннее убранство, можно отметить, что в среднеазиатской архитектуре он не одинок. Постройки с высокими куполами и объемно развитым входом с глубокой нишей, построенные в сырце, занимают большое место в привокзальной группе архитектурных памятников и были зафиксированы Н. М. Бачинским.

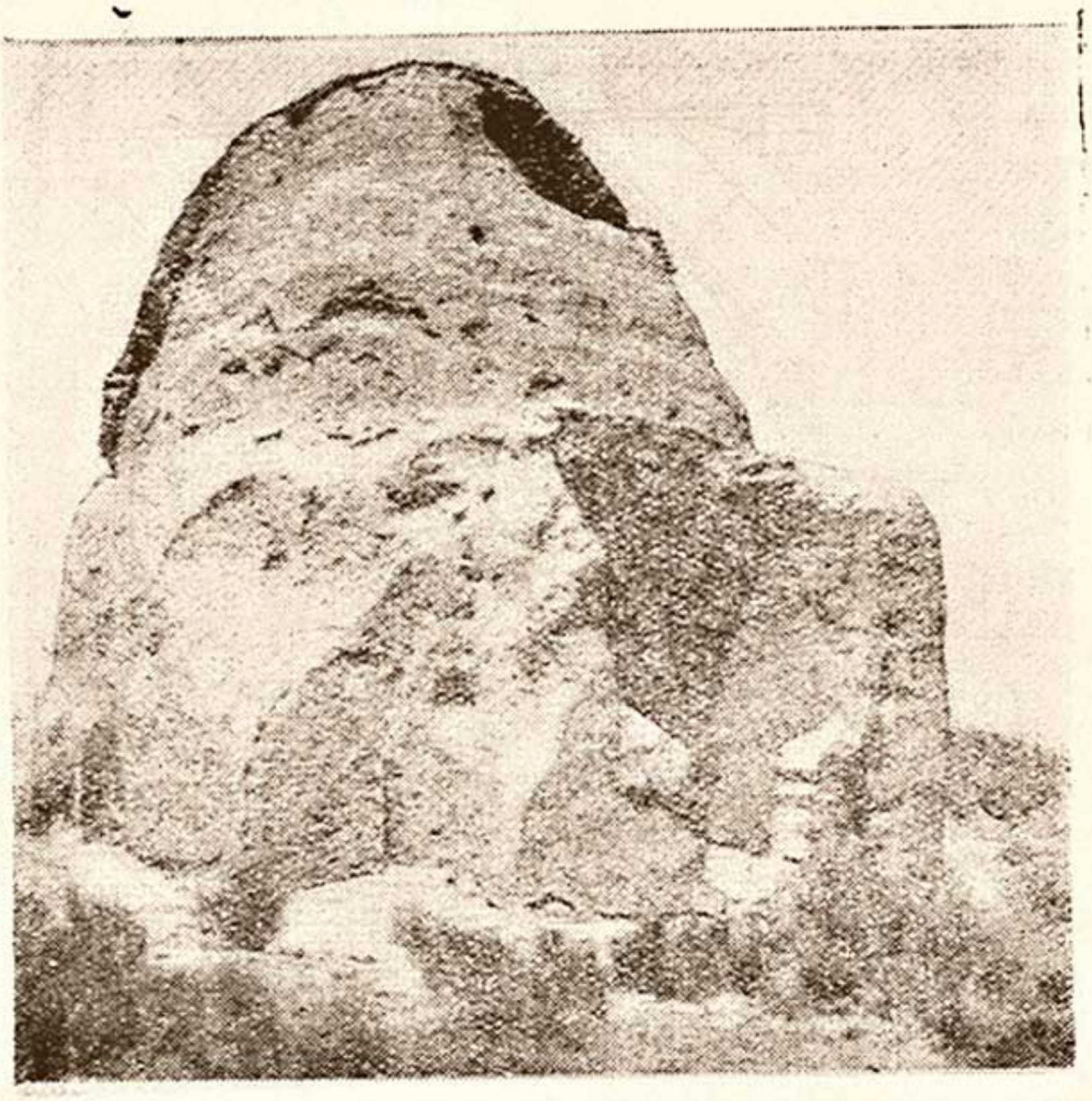

Рис. 2. Мавзолей Ходжа-Рушнаи. Общий вид.

Аналогичный принцип композиции имеют исследованные Н. М. Бачинским, а затем Г. А. Пугаченковой некоторые мавзолеи Дихистана[3], построенные из жженого кирпича. Имеются памятники аналогичной композиции и в районах южного Хорасана, близок по композиции мавзолей Шабурганата близ Каракуля (в низовьях Зеравшана)[4], на тех же композиционных принципах построены в Ургенче мавзолей Текеша и мавзолей Тюрябекханым — семейная усыпальница предтимуровских хорезмийских правителей.

[3] Н. М. Бачинский, Мало известные архитектурные памятники Туркмении, КСИИМК, XXXL, М.—Л., 1950; Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958.

[4] В. А. Нильсен, Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв., Ташкент, 1956.

Все эти мавзолеи отличаются друг от друга размерами и формой плана. Несмотря на то, что построены они в разное время (в пределах от XI до середины XIV вв.), все они

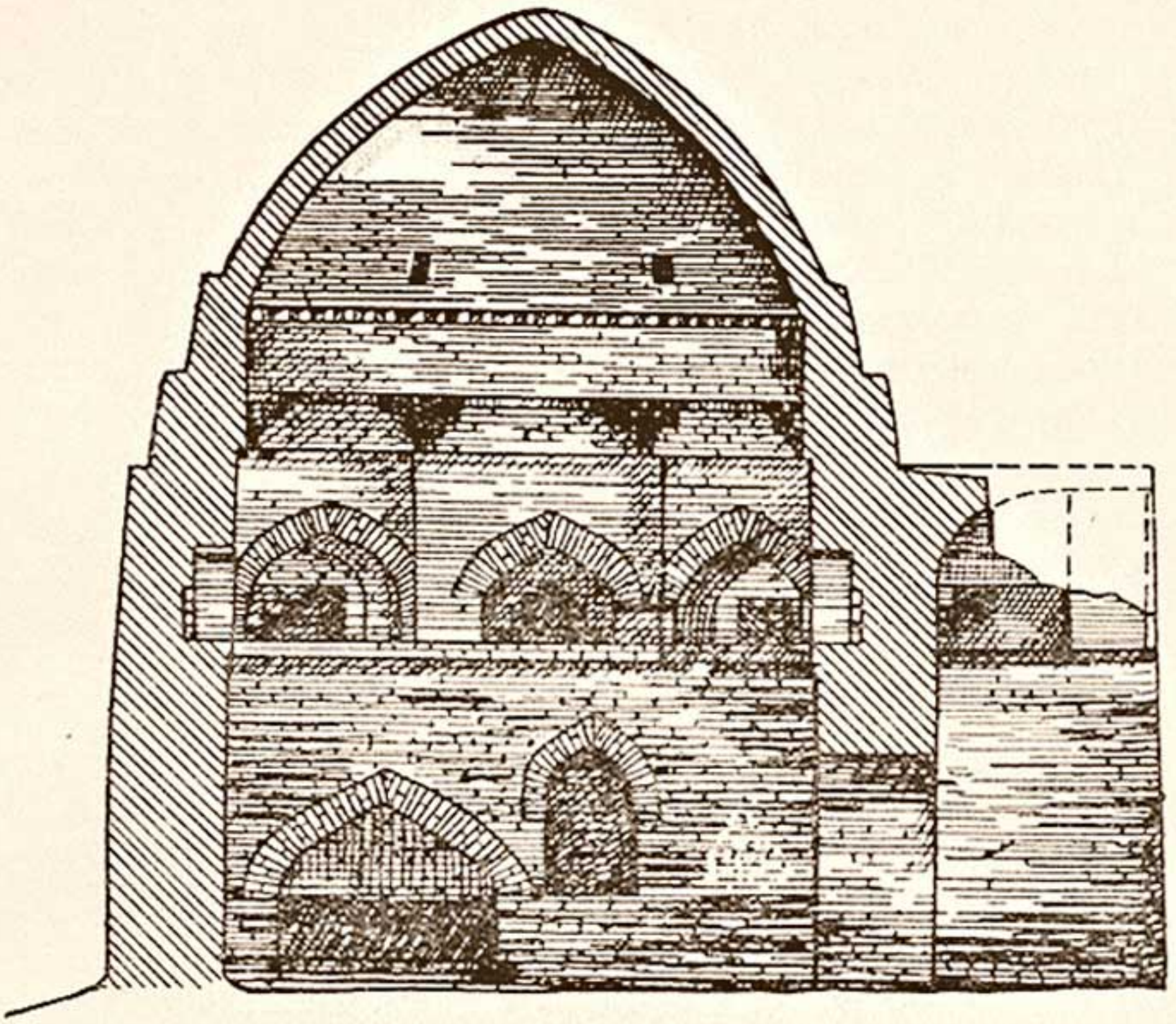

Рис. 3. Разрез мавзолея Ходжа-Рушнаи.

принадлежат к одному типу, получившему наибольшее распространение в районах, относимых в средние века, фактически или номинально, к Хорасану. На примерах памятников Термеза и Каракуля можно отметить, что мавзолеи подобной композиции имеются и на правобережьи Аму-Дарьи в местах, близких к Хорасану и имеющих с ним культурные связи.

Когда же был построен мавзолей Ходжа-Рушнаи? То, что эта постройка сооружена из сырцового кирпича, не может рассматриваться как факт ее недавнего строительства. Южные районы Сурхандарьинской области обладают благоприятными климатическими условиями для долгого сохранения сырцовых сооружений. Так, при археологических раскопках в том же Ангорском районе мы вскрывали сырцовые сооружения с сохранившимися сводами, построенные в

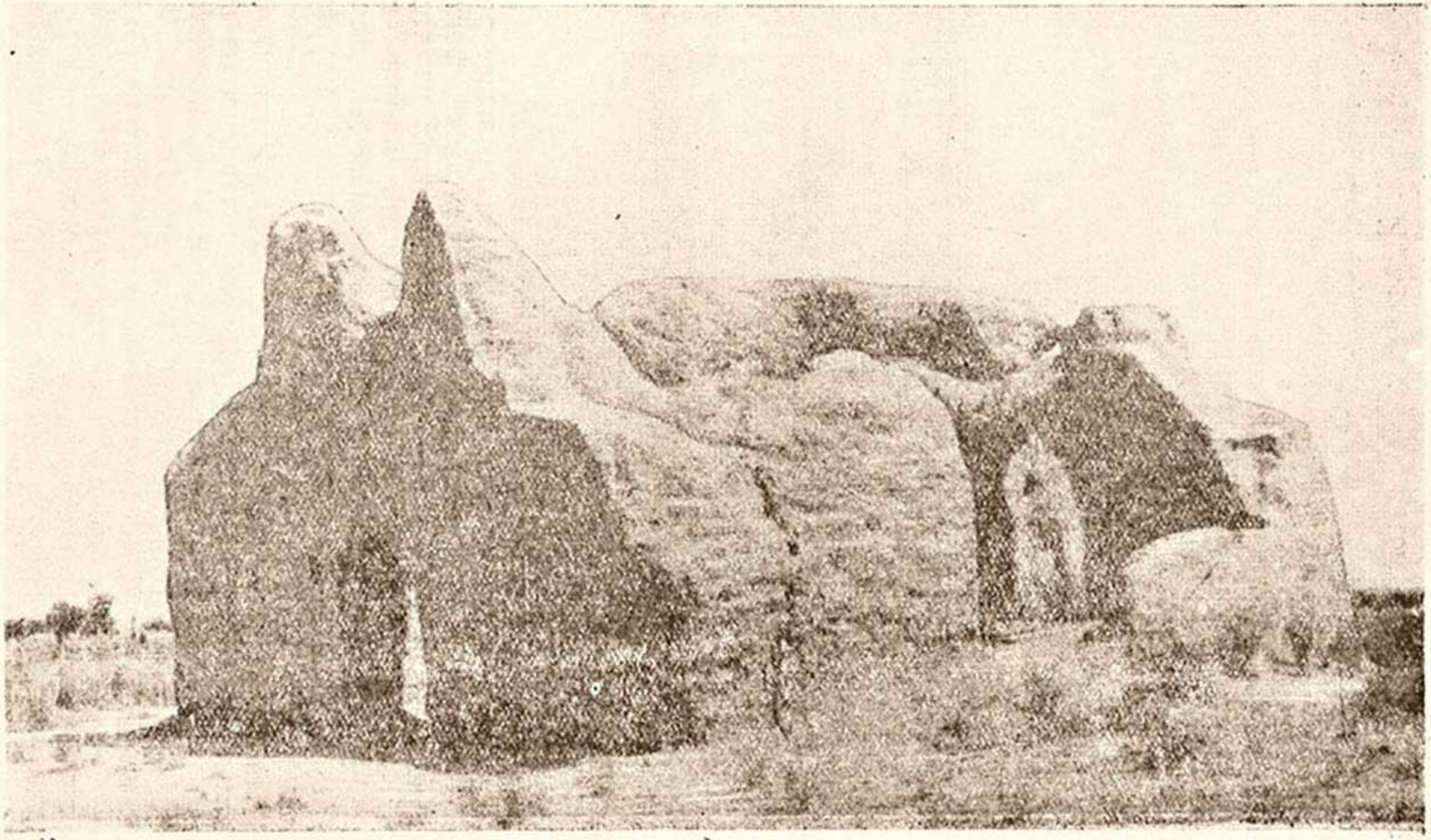

Рис. 4. Остатки мавзолея Туртаузгумбаз. Общий вид.

V в. и функционировавшие еще в XI—XII вв. Кроме того, на Тешиктепе имеется открытый атмосферным воздействиям сырцовый свод, воздвигнутый еще в кушанское время, т. е. в I—III вв. н. э.

Учитывая, что в определенный период средневековья в строительстве из жженого и сырцового кирпича применялись схожие приемы, датировка мавзолея Ходжа-Рушнаи может быть основана только на сравнении его форм с формами монументальных сооружений, построенных в других районах Средней Азии. Поэтому напрашивается аналогия с памятниками XI в., особенно каравансараем Даяхатын[5], развалины которого лежат на дороге из Чарджоу в Хорезм, и мечетью Диггарон в селении Хазара[6]. Последнее сооружение датируется XI в. на основании проведенных там археологических раскопок.

Эти памятники схожи с мавзолеем Ходжа-Рушнаи не только конструктивностью форм и отсутствием чисто декоративных средств, но и аналогией некоторых элементов. Так, например, у всех этих зданий в интерьере господствует чистая кирпичная фактура, на фоне которой выступает кирпичная выкладка спаренных кирпичей в виде сталактитов, поддерживающих свесы оболочек купола. Кроме того, в караван-сарае Даяхатын имеется ряд угловых выступов, образующих как бы ленту сталактитов, встроенных в нижней части оболочки купола. Вполне очевидно, что такая аналогичность применяемых форм не случайна, они были свойственны среднеазиатскому зодчеству XI в. Следовательно, мавзолей Ходжа-Рушнаи может быть отнесен к XI в.

Близка по композиции к мавзолею Ходжа-Рушнаи и постройка Туртаузгумбаз в Янгиарыкской группе памятников. Сейчас она сильно разрушена — от нее остались только нижние части до уровня парусного яруса, а купол и перекрытие над входом рухнули. Эта постройка также имела купол, находящийся на восьмиграннике, соответствующем по высоте здания парусному ярусу, а также объемный, далеко выступающий от самого здания, вход. Туртаузгумбаз отличается несколько бóльшими размерами: его купол перекрывал квадратное помещение пролетом 7,3 *м*, — пролет довольно большой для сырцового купола. В отличие от предшествующего мавзолея он открыт со всех четырех сторон. В вы-

---

[5] А. М. Прибыткова, Памятники архитектуры XI в. в Туркмении, М., 1952.

[6] В. А. Воронина, Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана, Архитектурное наследство, № 3, М., 1953; В. А. Нильсен, указ. соч., стр. 51—61.

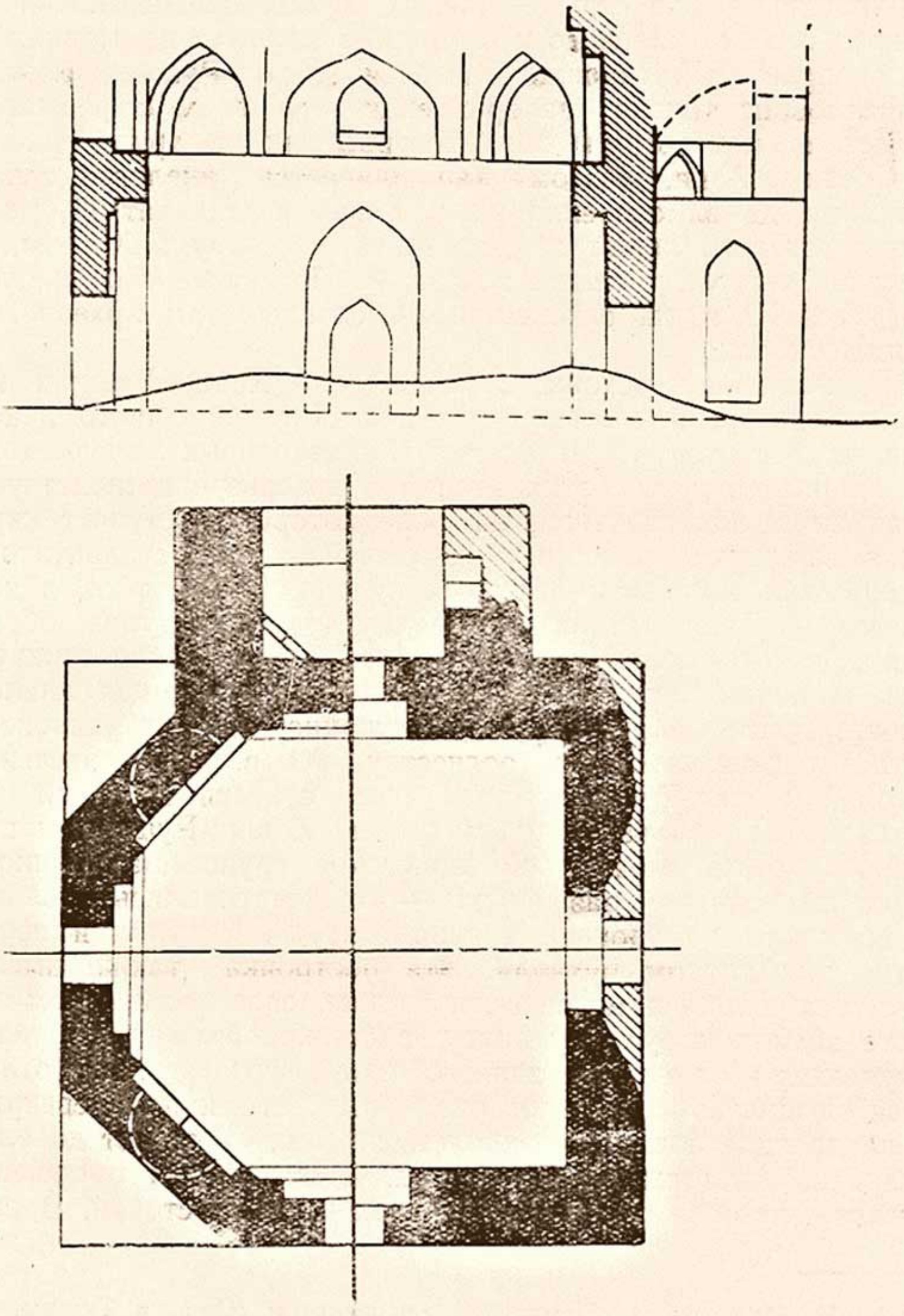

Рис. 5. Разрез и план мавзолея Туртаузгумбаз.

соких и плоских стрельчатых нишах, расположенных внутри мавзолея по его осям, лежат низкие и узкие стрельчатые входы[7].

По остаткам парусного яруса можно видеть, что паруса были арочными, а заполнение заарочного пространства было выполнено выложенными горизонтальными рядами кирпича в виде полукуполков. Свес их над углами помещения поддерживается трехрядовой системой простых сырцовых сталактитов — таких же, как и в мавзолее Ходжа-Рушнаи. Кроме четырех арок парусов были еще четыре арки по осям здания, причем в трех из них (кроме южной), были небольшие окна, освещающие верхнюю часть мавзолея. Так же, как и мавзолей Ходжа-Рушнаи, Туртаузгумбаз выложен из сырцового кирпича $26 \times 26 \times 5{,}5$ и $29 \times 29 \times \times 6$ *см*. Очевидно, оба мавзолея построены одновременно.

Третий из обследованных мавзолеев называется Уюкгумбаз, сохранившийся значительно лучше мавзолея Туртаузгумбаз. Если в рассмотренном мавзолее не все стены были целы, то здесь имеются хорошо сохранившиеся арочные паруса и даже нижние части оболочки купола.

По композиции он отличается от предшествующих тем, что не имеет центрального объемно развитого входа. Вход здесь расположен в северной стене ассиметрично к оси мавзолея, и одна сторона проёма совпадает с внутренней поверхностью восточной стены помещения. Вход снаружи объемно и декоративно не подчеркнут; нет элементов декора и на наружной поверхности всей северной стены. Из внешних стен наиболее хорошо сохранилась восточная. Она обработана тремя плоскими широкими сомкнутыми нишами, которые завершаются типичными караханидскими арочками с нависающими пятами. Арочные ниши разграничены между собой прямоугольными лопатками (пилястрами). На северном конце стены к широким арочным нишам примыкает одна низкая, а на южном — удлиненный выступ с низкой и глубокой стрельчатой нишей внизу, свод которой поддерживал сырцовую лестницу, ведшую на верх мавзолея. Поверхность стен мавзолея выложены из сырцового кирпича так, что широкий вертикальный шов между кирпичами оставался пустым. Располагаясь строго один над другим, эти швы как бы заменяют характерные караханидские «бантики» и создают своеобразную игру света и тени, зрительно облегчая массив стены.

---

[7] Такой прием композиции часто встречается в мавзолейном строительстве. Примерами могут служить известный мавзолей Саманидов в Бухаре, мавзолей в группе Шабургната близ Каракуля и др.

Внутренняя обработка помещения мавзолея сохранилась хорошо. Здесь, на взаимнопересекающихся осях стен, расположены высокие стрельчатые ниши. Стрельчатое их завершение лежит в прямоугольном углублении, начинающемся на уровне пят арок, чем подчеркивается как бы наличие импостного членения. Внутри большой ниши находятся еще две: в нижней части,— глубокая и стрельчатая, а вверху другая, плоская со ступенчатым завершением.

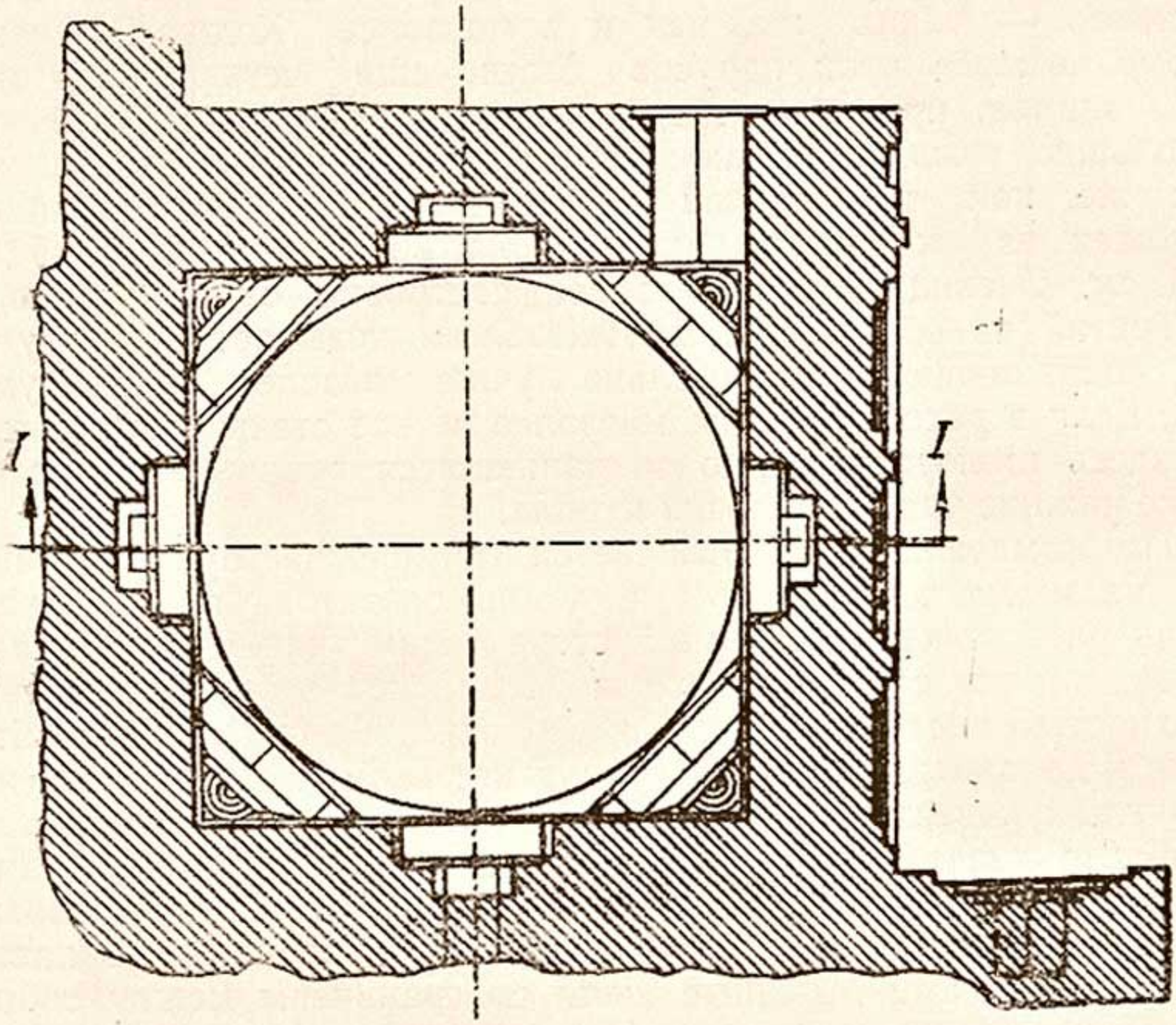

Рис. 6. План мавзолея Уюкгумбаз.

Парусный ярус отделен от стен выступающей полочкой высотой в два кирпича. Арочные паруса выполнены весьма своеобразно. За стрельчатой аркой находится несколько скошенная поверхность, прорезанная в центре полукруглой нишки. Завершение у нишки ступенчатое. Пять рядов сырцовых кирпичей обходят по окружности нишу, постепенно нависая друг над другом на величину, равную толщине кирпича. Между арками парусов, на основных осях здания, лежат равные им по высоте и пролету стрельчатые арки. Внутри их расположены глубокие нишки более малого пролета, завершенные обычной караханидской арочкой с нависающими пятами. Арочные ниши и паруса в углах восьми-

гранника отграничены друг от друга вертикальными членениями, создающими вокруг арок прямоугольное панно. Внутренняя и внешняя поверхности купола разрушены и не дают возможности реконструировать его форму. Однако можно

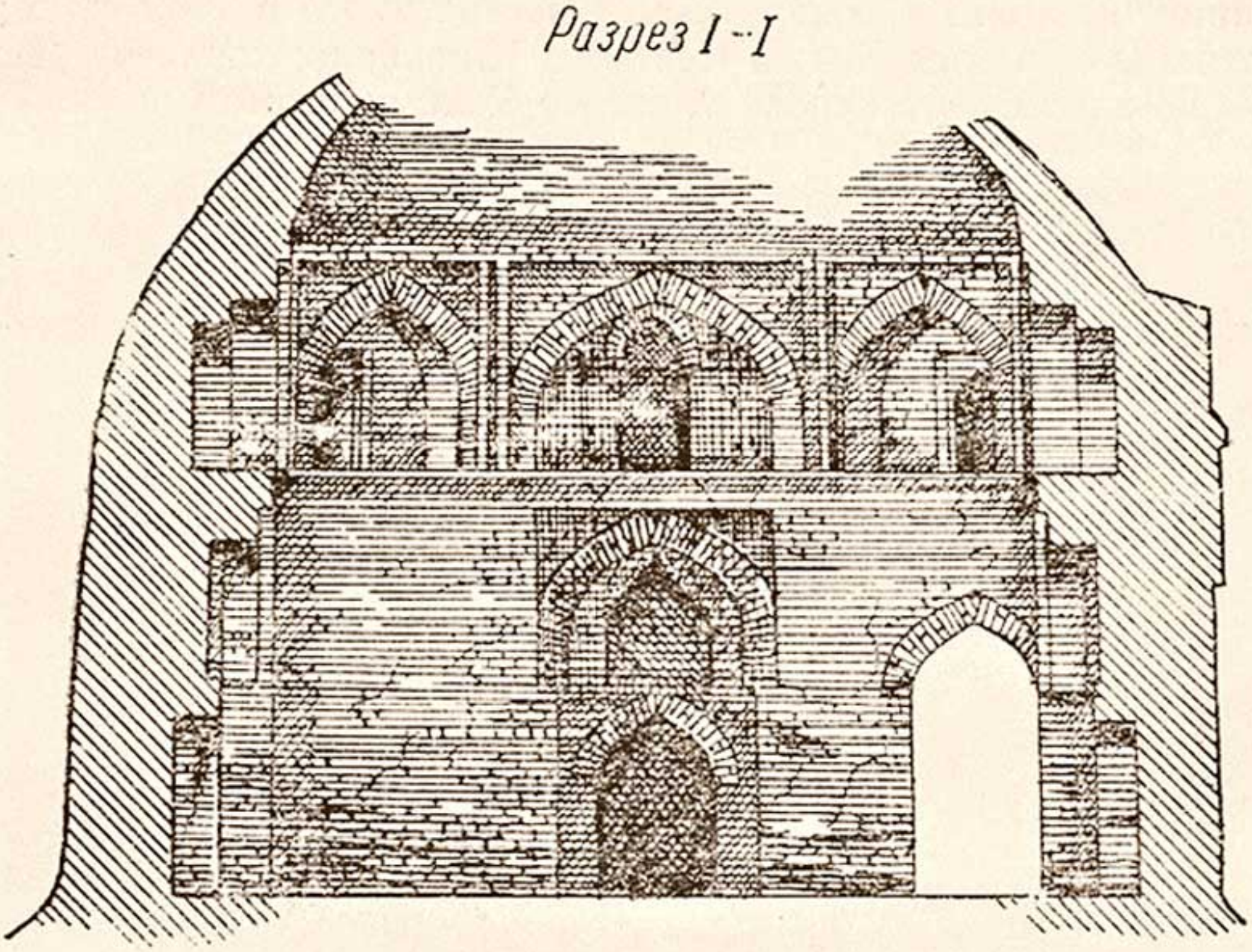

Рис. 7. Разрез мавзолея Уюкгумбаз.

вполне уверенно предполагать, что он был одинарный и весьма высокого профиля. На основе анализа композиции мавзолея Уюкгумбаз, его конструкций и архитектурной разработки стены и отдельных элементов время возведения также можно отнести к XI в.

Анализируя композиции сырцовых мавзолеев можно заметить, что она двух типов. Первый тип — мавзолей с куполом, покоящимся на восьмиграннике, служащем переходным элементом между кубическим основанием и удлиненным сфероконическим куполом. Этот тип имеет далеко выдвинутый объем парадного входа. Второй тип представляет собой кубический объем без подчеркнутого входа. Если учесть, что для мавзолеев среднеазиатского Междуречья в XI—XII вв. было характерно выделение богато обработанного фасада с большой, но неглубокой входной нишей (этот фасад развивался и в высоту) в отличие от боковых стен, остававшихся более скромно обработанными, то можно утверждать, что монументальная архитектура юга Сурхандарьинской области в

своем развитии была более тесно связана с Хоросаном. Это видно не только по сырцовым сооружениям, но и по зданиям, построенным из жженого кирпича. На это указывают необычная для коренных районов современной Средней Азии композиции минарета в Джаркургане, построенного в 1109 г., композиция мавзолея Ходжа-Иса близ Ширабада, характер резьбы по алебастру в куполе мавзолея Хакими-Термези и др.

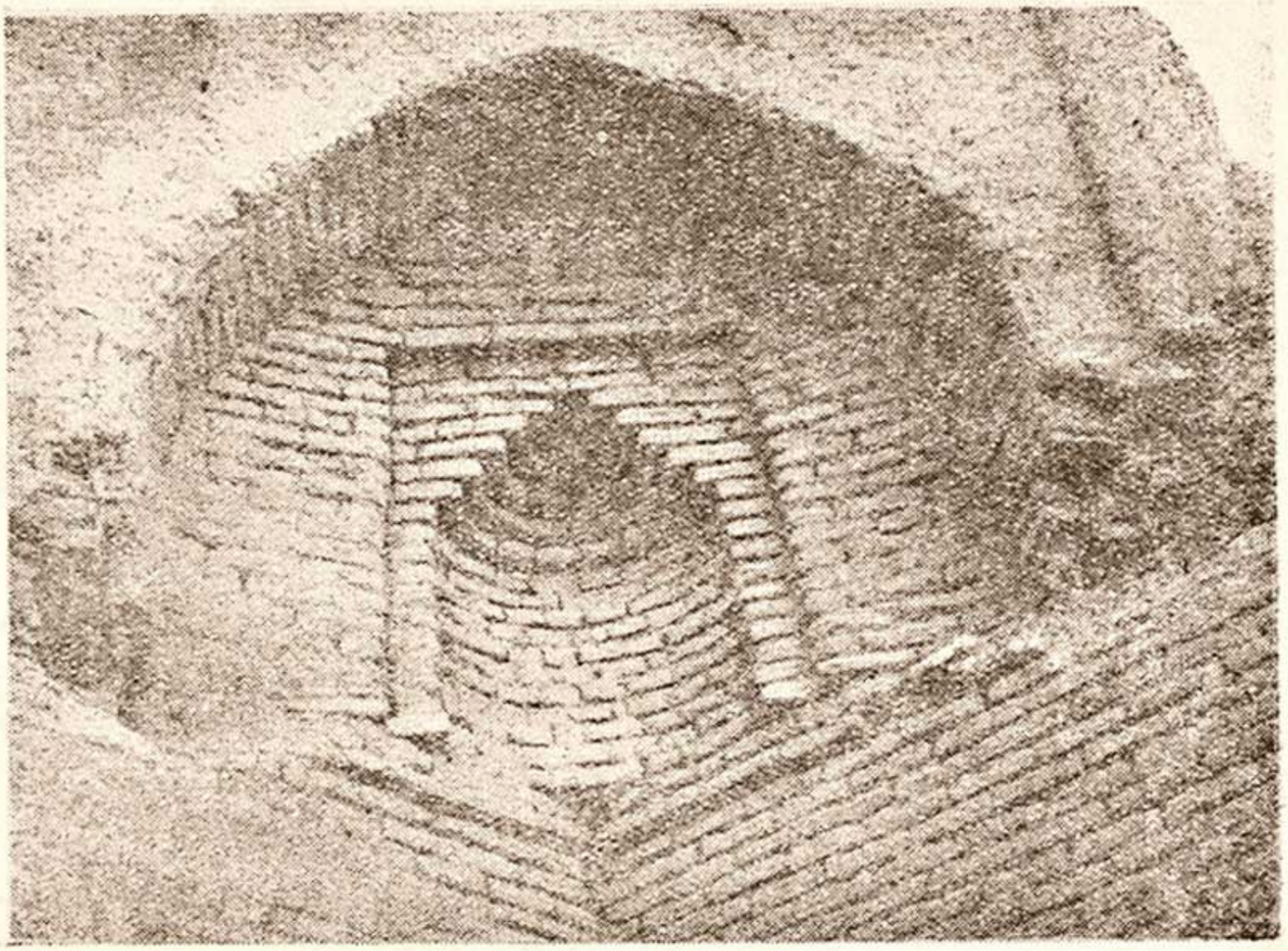

Рис. 8. Арочный парус в мавзолее Уюкгумбаз.

Анализируя подобного рода памятники, необходимо остановиться и на постройке, называемой Кафтархана. Она расположена близ большой шоссейной дороги в 17 *км* от Термеза и впервые была обследована Б. Н. Засыпкиным.

Б. Н. Засыпкиным[8] это здание воспринималось так, как оно известно среди местного населения (кафтархана — голубятня). Сейчас оно представляет собой большое круглое здание в виде цилиндра, стены которого выложены из сырцового кирпича размером 26×26×5 (6) *см*. Перекрытие здания обвалилось и образовало завал, верхняя поверхность которого выше прилегающей к зданию поверхности земли метра на

---

[8] Б. Н. Засыпкин, Памятники архитектуры Термезского района, Сб. «Культура Востока», М., 1928.

два. Во время посещения Б. Н. Засыпкина к мощным наружным стенам здания примыкала внутри еще стенка с большим количеством гнезд, почему здание получило название «голубятни». В настоящее время эта стенка, открытая атмосферным воздействиям, обрушилась и от нее остались небольшие фрагменты. Осматривая это здание в натуре, мы обратили внимание на то, что оно имело два входа. Первый вход расположен в восточной части здания на высоте 1,2 *м* и соответствовал верхнему большому круглому помещению. Другой, узкий и невысокий стрельчатый проход, находится в западной стене на уровне земли и опускается вниз, в полуподземное помещение. Перекрыт он также опускающимся вниз стрельчатым ступенчатым сводом.

У нас не было возможности расчистить здание и его проходы от завалов, но при внешнем обзоре возникло предположение, что перед нами остатки здания, построенного как башенный мавзолей. Такого рода башенные (круглые или многогранные) мавзолеи, увенчанные шатровыми или коническими куполами, широко распространены в коренных районах Хорасана и Ирана. Башни Кабуса, Муминехатун в Нахичеване, мавзолей Мухаммада-Джафара с гофрированными стенами в Радкане и другие широко известны в литературе.

Характерной чертой их является то, что мавзолеи подобной композиции широко строились в эпоху наиболее интенсивного проникновения среднеазиатских кочевников в страны Среднего и Ближнего Востока и создания новых государств во главе с пришельцами — караханидами и сельджуками, т. е. XI—XII вв. Внутренняя структура этих мавзолеев состоит из низкой надземной или полуподземной камеры склепа, куда ведет невысокий проход (ляхат), и расположенным над склепом более высоким помещением с парадным входом.

Вполне очевидно, что такую структуру имело в свое время и здание Кафтарханы и оно было мавзолеем, построенным в XI или XII вв. Для нужд голубятни оно было приспособлено позднее, после начавшегося разрушения и забвения лица, для которого был воздвигнут мавзолей.

Знакомясь с памятниками архитектуры в долине Сурхандарьи, можно заметить, что большинство сохранившихся монументальных построек из жженого и сырцового кирпича было воздвигнуто в XI—XII вв. Высокое мастерство исполнения и большое количество памятников свидетельствуют об обильном строительстве, связанном с развитием городской жизни и ремесла. Очевидно, в эту эпоху долина Сурхандарьи переживала сильный подъем хозяйственной и

культурной жизни, связанный с развитием прогрессивных в то время феодальных отношений.

О подъеме общественной жизни этого времени свидетельствует расширение старых городов, как это было в Термезе, и возобновление жизни на таких древних городищах, как Хайрабадтепе, Караултепе, Мунчактепе и др. После монгольского завоевания, в связи с политическими и экономическими изменениями, городская жизнь здесь замирает и монументальное строительство сокращается. Почти совершенно прекращается строительство из жженого кирпича, а монументальные постройки из сырца малочислены и хуже в техническом и художественном отношениях. Только некоторые купольные сырцовые постройки, возведенные в более позднее время, заслуживают внимания. Одна из них — очень хорошо сохранившаяся мечеть в селении Уртааул. Центром ее является квадратное в плане помещение, перекрытое пологим куполом, покоящимся на четырех стрельчатых арках. К этому центральному помещению по осям примыкают четыре одинаково широкие и глубокие ниши, ширина которых всего на 90 *см* меньше пролета главного зала. Ниши хорошо сохранились, кроме северной, где арка, отделяющая нишу от главного зала, была переложена в неправильных, мятых очертаниях. Во внутренних углах, между нишами, расположены квадратные в плане небольшие помещения. Центральный купол выложен, как и все здание, из квадратного сырцового кирпича 25×25×5 *см*, причем в верхней части купол выложен в один кирпич толщиной, а внизу, для восприятия распорных усилий, толщина оболочки купола увеличивается и доходит до двух с половиной. Переход от круглого основания купола к квадратному плану помещения осуществлен путем постепенного напуска кирпича, заполнявшего пространство между смежными, взаимно перпендикулярными арками. Заполнение углов, таким образом, является как бы продолжением кривой купола. Малые помещения в углах мечети перекрыты сырцовыми сводами «балхи». В этой же технике осуществлено перекрытие над большими осевыми, открытыми в центральный зал помещениями, причем здесь применена как бы половина свода «балхи», и замок свода упирается в арку, несущую купол.

В западной части находится плоская стрельчатая ниша михраба и невысокий сырцовый простенький мимбар. В мечеть ведут три входа, но два из них, очевидно, позднейшие и положение их в плане здания случайно. Основной вход лежит в восточной стороне на главной оси здания. Он очень мал и на фасаде объемно или декоративно не подчеркнут. Освещение мечети осуществляется через двери и верхние

круглые отверстия в куполе и четырех сводах «балхи» над угловыми помещениями.

Хорошая сохранность мечети дает возможность полнее представить себе закономерности ее архитектурной компози-

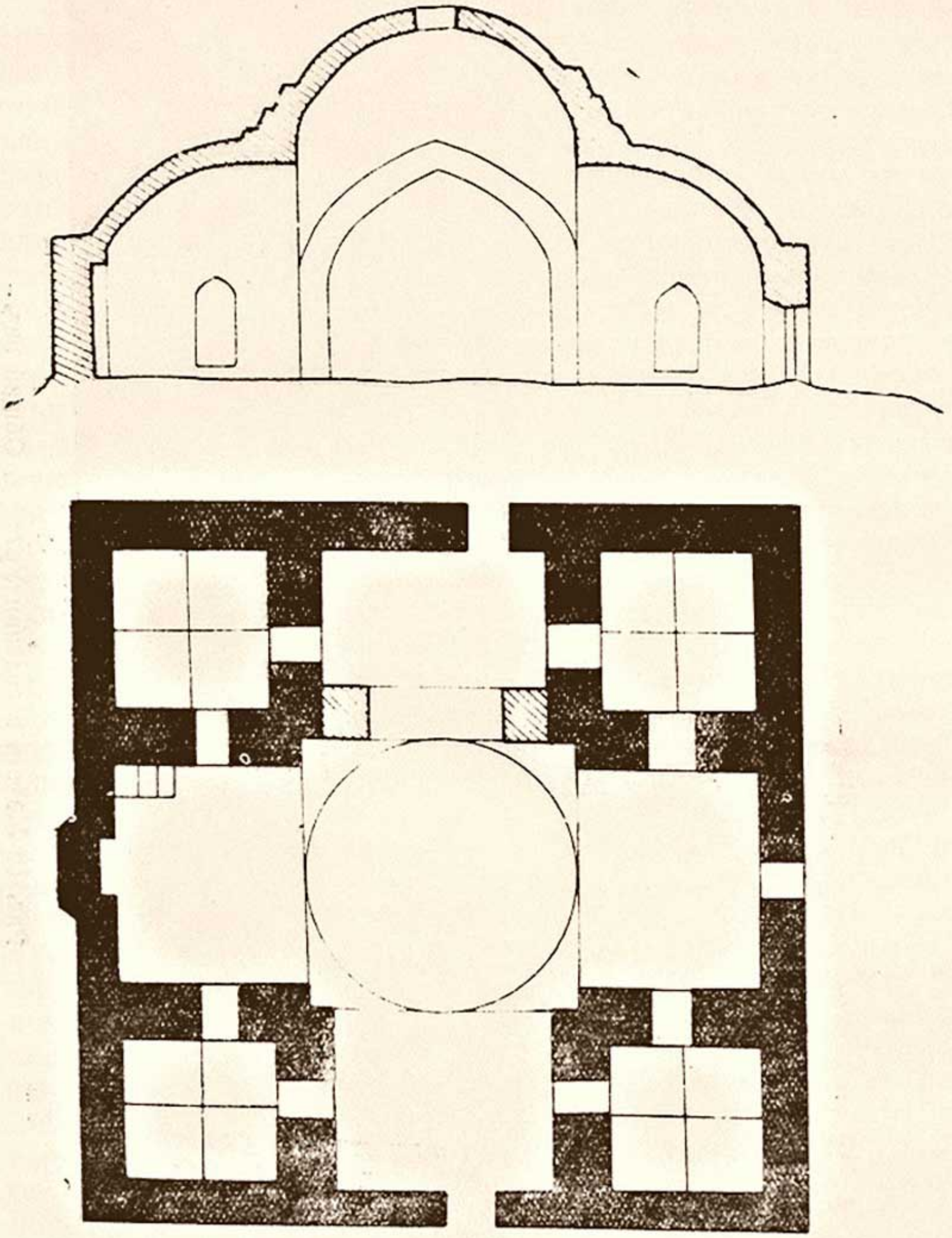

Рис. 9. Разрез и план мечети в селении Уртааул.

ции. Угловые части отграничены от основного пространства толстыми сырцовыми стенами так, что в центре образуется

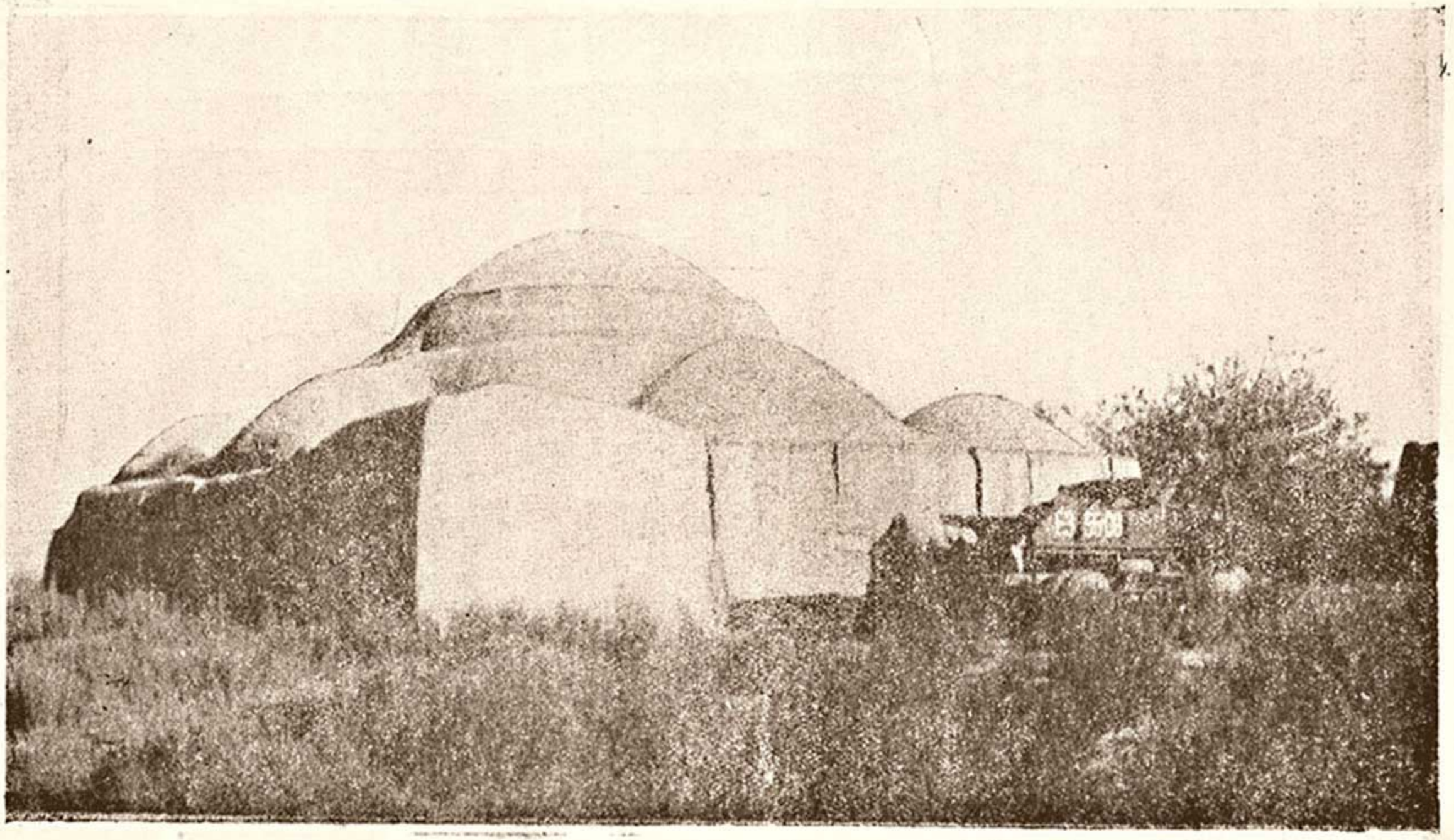

Рис. 10 Мечеть в селении Уртааул. Общий вид.

как бы крестообразный план, и пространство центрального купольного помещения непосредственно переходит в боковые ниши — экседры. Такой принцип организации внутреннего пространства и конструкции перекрытия напоминает мечети Малой Азии XVI—XVII вв.

Определенный интерес представляют сырцовые медресе, сохранившиеся в поселениях, которые раньше были торговыми или культовыми центрами. Одно из таких медресе мы обнаружили в селении Ходжа-Мульки на левом берегу Сурхана. Само медресе не является памятником, имеющим большое значение. С архитектурно-конструктивной точки зрения оно даже посредственное. Медресе — большое одноэтажное здание, где тридцать девять худжр окружают почти квадратный в плане двор, причем западная сторона двора остается незамкнутой и только в юго-западном углу ее ограничивают три крупных худжры. Очевидно, они были построены уже после окончания строительства медресе, как бы продолжая южный фасад медресе на запад, почему и оказались за пределами основного здания. Эти худжры отличаются от основных меньшими размерами, меньшей высотой и меньшим количеством элементов внутреннего оборудования. Все медресе построено из квадратного сырцового кирпича размером 30×30×5 *см* на глиняном растворе. Основные худжры по форме приближаются к квадрату. Средние размеры — 3,40×3,70 *м*. Все худжры имеют встроенные врезанные в стенах нишки для хранения различных предметов домашнего обихода. Встроенные в то время ниши имеют правильное стрельчатое очертание и по контуру обрамлены плоской широкой рамкой, ниши, врезанные позднее, очень разнообразны, очертание и габариты их различны даже в одной комнате, расположение их на стенах самое произвольное, связанное, очевидно, только со вкусами жильцов. В большинстве худжр имеются встроенные, круглые в плане, ниши с очагами (каминами), дым из которых выходил вверх по специальным каналам. Располагаются очаги обычно в правом переднем углу худжры и место перед ними ограждается невысокой тонкой сырцовой стенкой. Все худжры перекрыты сырцовыми куполами типа «балхи», форма которых различна. Одни купола более высокие, другие сплюснуты. На западной, открытой в широкую пойму Сурхана стороне двора расположена довольно большая однонефная сырцовая мечеть, некогда имевшая плоское деревянное покрытие. Мечеть очень проста и не имеет следов внутреннего и внешнего архитектурного декора. Перед мечетью располагался довольно высокий сырцовый прямоугольный минарет — минбар — со следами ступеней, ведущих на верхнюю площадку с невысоким

парапетом. Здесь же, рядом с минаретом, располагалась большая и довольно высокая суфа.

В середине двора имеются следы обширного прямоугольного водоема, а прекрасные развесистые фисташковые деревья еще и сейчас делают двор медресе уютным и красивым.

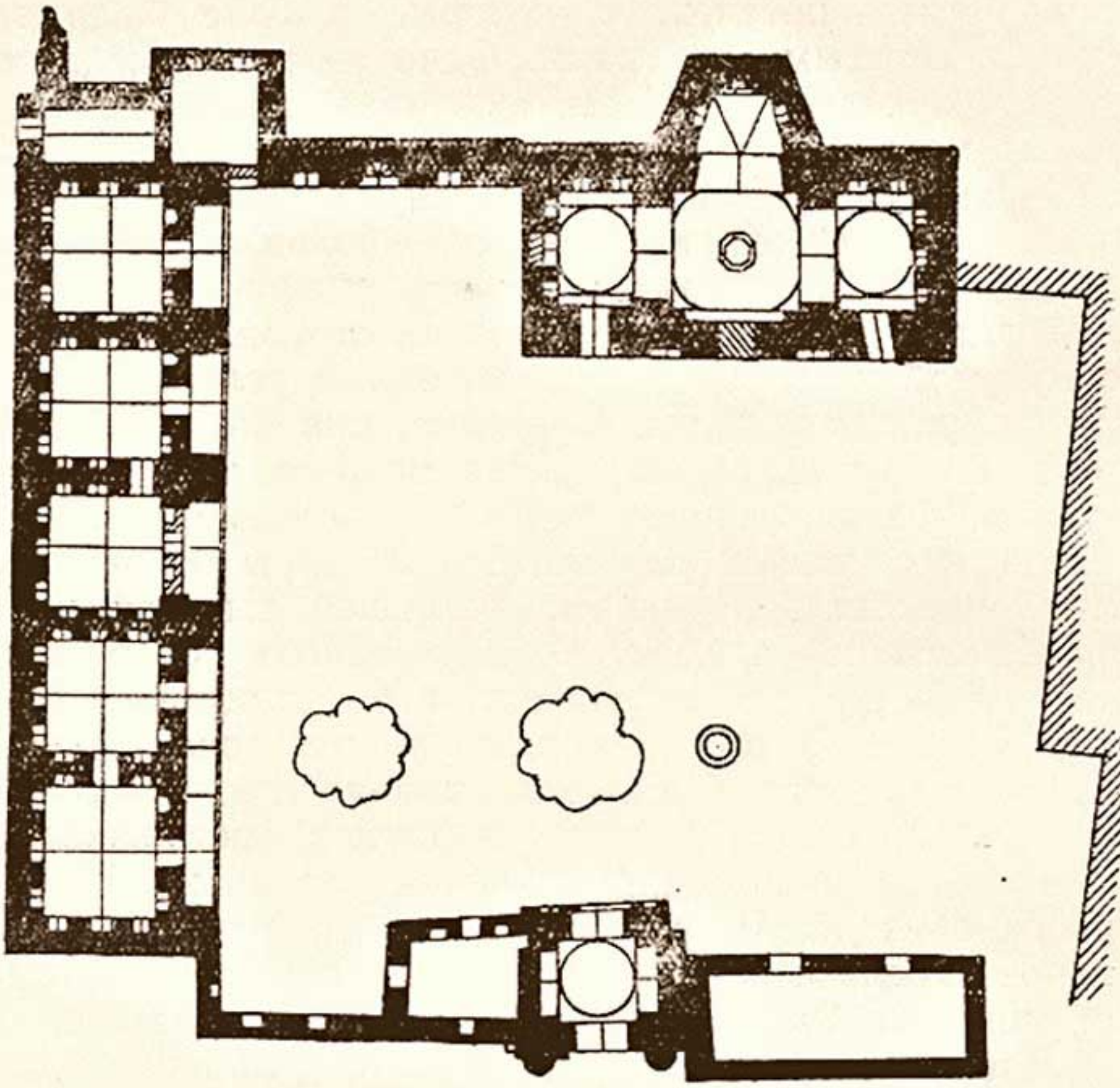

Рис. 11. План медресе в селении Салиабад

Другое медресе, меньшее по размерам, но тщательнее построенное и с элементами архитектурно-художественного декора находилось в старом поселении Салиабад к северо-востоку от Термеза[9]. По своей застройке оно разновременно. Вход во двор медресе подчеркнут самостоятельным купольным павильоном с полукруглыми башенками «гульдаста» по углам фасада. Небольшое проходное купольное помещение по бокам фланкировано высокими глубокими стрельчатыми арочными нишами, вместе с арками парусов поддерживавшими простой сырцовый купол. На южной стороне довольно обширного двора находились пять близких к квад-

[9] Старые постройки, оставленные жителями Салиабада, ныне разрушены в связи с реконструкцией и расширением колхозного поселка.

рату помещений — худжр, перекрытых сводами «балхи». По всем стенам худжр имелись невысокие стрельчатые нишки для книг и хозяйственного инвентаря, а в углах северной стены — полукруглые ниши очагов-каминов с дымоходами в наружной стене. Каждое помещение имеет стрельчатый проход во двор медресе, кроме того, они по двое сообщаются между собой (кроме западного). Со стороны двора входы в худжры подчеркнуты большими стрельчатыми арками на массивных устоях. На западной стороне двора находилась закрытая зимняя мечеть, состоящая из трех купольных помещений, соединенных между собой широкими арочными проемами. Центральное, главное помещение имеет

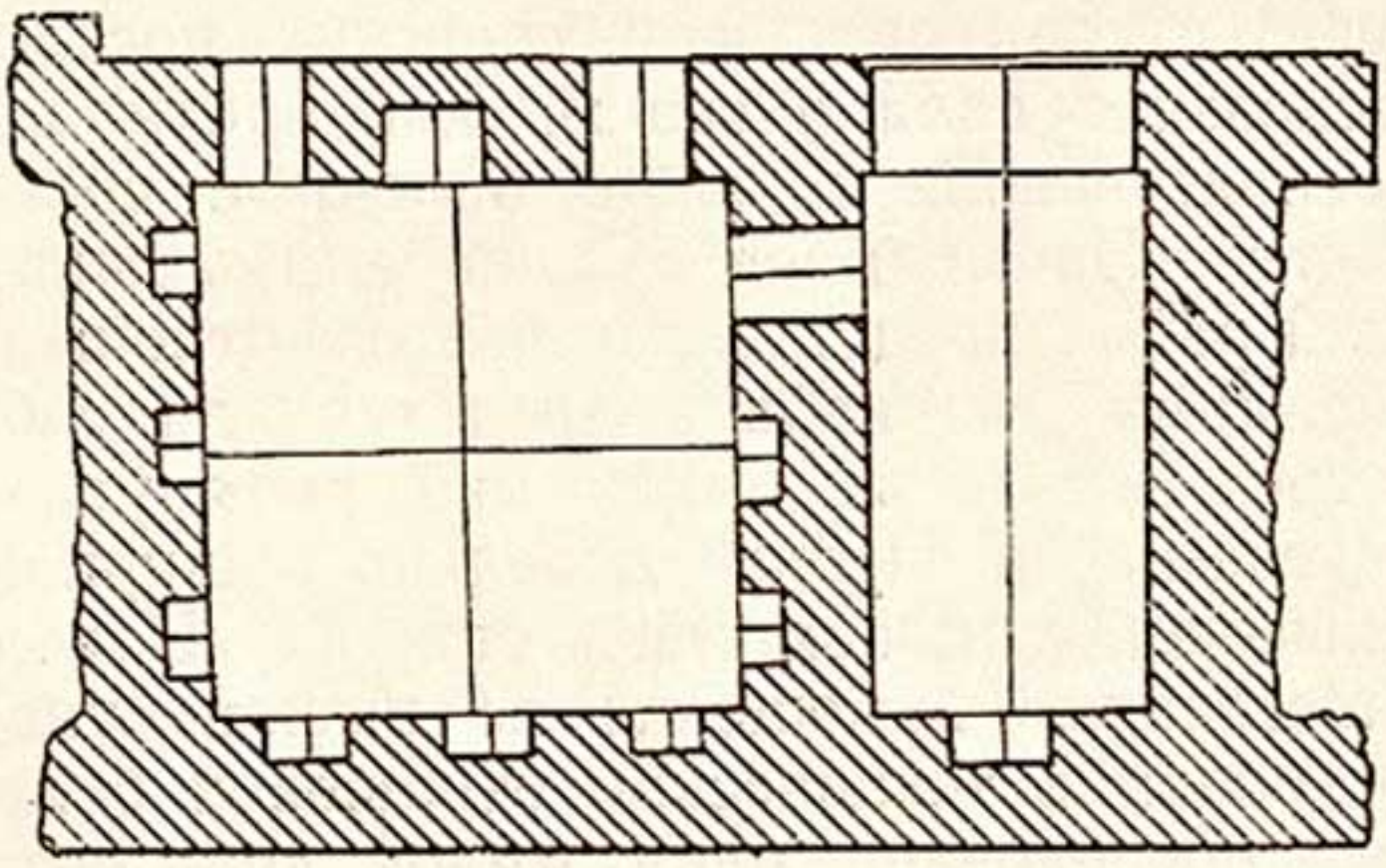

Рис. 12. Часть плана жилого дома в селении Салиабад.

пятигранную глубокую нишу, перекрытую сомкнутым сводом. В этой нише, лежащей на основной оси здания, расположен стрельчатый, декорированный резным алебастром михраб. Вход в мечеть осуществлялся через боковые помещения, перекрытые сводами «балхи», нижние части внутренней поверхности которых искусственно разбиты резным алебастром на декоративные щитовидные паруса.

Над центральным помещением имеется фонарик, прикрывающий отверстие в куполе. Между мечетью и худжрами (в юго-западном углу двора) находился деревянный айван летней мечети. Стены айвана и михрабная ниша покрыты простенькими геометрическими узорами из резного алебастра.

Все три осмотренных нами памятника построены относительно недавно, в XVIII—XIX столетиях и функционировали еще в двадцатых годах нашего века. Сравнивая их с постройками XI—XII вв. можно заметить, что в архитектуре наступил упадок как с художественной так и с технической стороны выполнения построек. Исчезла художественная

выкладка на наружных и внутренних поверхностях стен. Орнаментальный декор становится грубее. В кладках стен и куполов нет былой тщательности, что приводит к конструктивной неполноценности и внешнему утяжелению архитектурных форм. Но серьезного внимания заслуживает связь сырцовых сооружений с местными природными условиями. Это особенно заметно в сырцовых купольных жилых домах.

В развалинах Салиабада мы обнаружили целые кварталы усадеб, где сырцовые жилые дома имели купольное покрытие. Как известно, в средневековой среднеазиатской архитектуре сводчатые и купольные конструкции являются принадлежностью культовых и общественных зданий и инженерных сооружений — мостов, акведуков, сардаба и пр. В жилой архитектуре городов и сельских поселений позднего средневековья купола и своды, как правило, не применялись, а господствовали плоские балочные системы деревянных покрытий. На примере Салиабада можно заметить, что Термезский район представляет в этом отношении исключение. Жилые дома Салиабада представляли собой группу из двух или трех купольных помещений, вытянутых по одной оси и располагаемых в глубине довольно обширной усадьбы, обнесенной высокой глинобитной стеной. Находящиеся в усадьбе хозяйственные помещения не имеют купольных покрытий и построены в техническом отношении более небрежно. Нами был обследован один жилой дом, состоящий из двух больших, близких к квадрату купольных помещений, разграниченных между собой длинным сводчатым айваном (восточное помещение к моменту замеров было разрушено). В стенах внутри помещения располагались ниши для хозяйственных нужд. На северной стороне имелась одна стрельчатая ниша со сквозным отверстием вверху и стрельчатые окно и дверь по бокам ниши. Купол над помещением выложен в технике «балхи». Сводчатый айван, примыкающий к помещению, соединяется с пространством двора через широкую стрельчатую арку. Вход в айван подчеркнут небольшим пиштаком, не выступающим из наружной плоскости стены и немного возвышающимся над прилегающей стеной купольной постройки. Купольный сырцовый жилой дом, состоящий из трех соединяющихся между собой комнат, имеется около медресе Ходжа-Мульки. В свое время он принадлежал местному мударрису и находился внутри обширной усадьбы. К нему примыкали различные хозяйственные постройки. Расположение купольных жилых домов вблизи медресе и в таких местах, как Салиабад, указывает, что эти дома принадлежали людям зажиточным и связанным с культом.

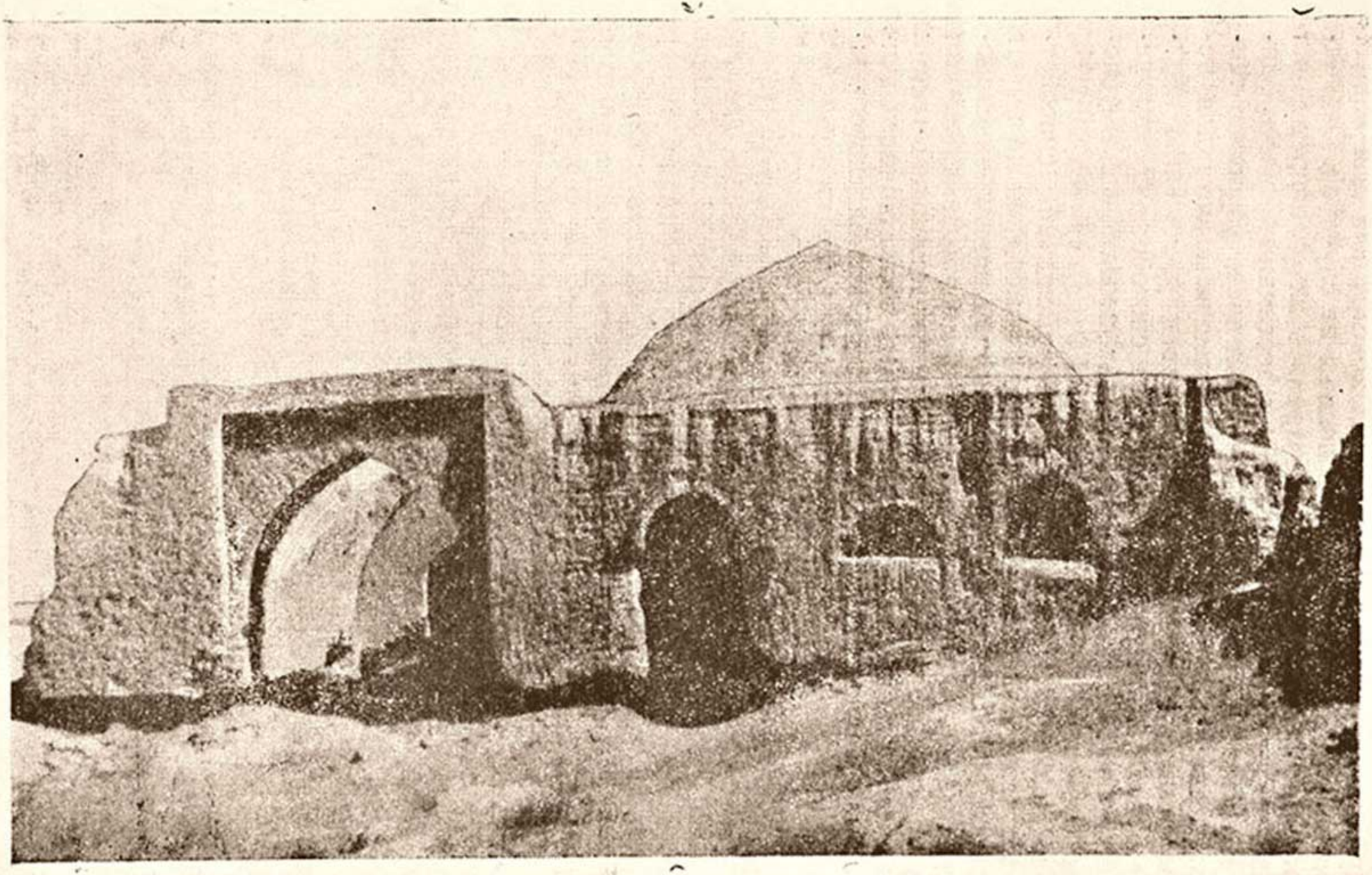

Рис. 13. Жилой дом в селении Салиабад. Общий вид.

Такими людьми были термезские сейиды, населявшие тогда Салиабад.

Применение сырцовых купольных конструкций для жилых домов на юге Сурхандарьинской долины не случайно. Очевидно, это вызвано желанием предохранить их от повреждения муравьями-термитами, разрушающих деревянные части зданий. В то же время купольные покрытия очень хороши в теплотехническом отношении, создают большую высоту для перекрываемых помещений, что приводит к увеличению внутреннего воздушного пространства. Это способствует улучшению микроклимата жилища, что весьма необходимо в условиях очень жаркого термезского лета.

Улучшению микроклимата жилых помещений способствует также их ориентация. Обычно эти помещения не имеют сквозного проветривания, но, располагаясь на южной стороне участка, они своими оконными и дверными проемами выходят, как правило, на север, в сторону падающей тени и легких, прохладных ветров. Это было заметно во всех жилых домах Салиабада, как и в худжрах Салиабадского медресе.

Н. С. ГРАЖДАНКИНА

ОПЫТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕЙ КРАСНОАНГОБИРОВАННОЙ КЕРАМИКИ УЗБЕКИСТАНА

Одним из наиболее интересных видов керамики среднеазиатской древности являются нарядные сосуды, покрытые красным ангобом. Поверхность их во многих случаях имеет следы лощения.

Керамика подобного типа была широко распространена на территории Средней Азии. Возникновение ее Л. М. Рутковская относит ко времени ранее II в. до н. э.[1].

А. И. Тереножкин[2] и С. П. Толстов[3] считают, что красная керамика существовала в Согде и Хорезме с IV в. до н. э. Лощеные по красному ангобу сосуды Мунчактепе датируются I—II вв. н. э.[4] Современные им образцы подобной керамики обнаружены В. А. Шишкиным при раскопках Варахши[5]. Фрагменты высококачественной лощеной керамики из Кувы датируются В. А. Булатовой V—VI вв. н. э. К этому же времени О. В. Обельченко относит образцы лощеной керамики с городища Мингурюк.

Таким образом, лощение по красному ангобу являлось основным видом отделки сосудов до VI и даже VII вв. Позже этот прием вновь входит в употребление в X—XII вв. (Мингурюк, Афрасиаб и др.).

---

[1] Л. М. Рутковская, Парфянская керамика древнего Мерва, СА, 1958, № 3, стр. 126.

Ранняя керамика с красной покраской и грубым лощением типа чустской и дальверзинской в данной работе не рассматривается, так как в основе ее изготовления лежат иные приемы.

[2] А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 156.

[3] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 84.

[4] В. Ф. Гайдукевич, Керамическая обжигательная печь Мунчактепе, КСИИМК, вып. XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 82.

[5] В. А. Шишкин, Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1945—1953 гг.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 40.

Формы красных сосудов весьма разнообразны: к наиболее известным относятся кубки на устойчивых и неустойчивых ножках, вазы, конические бокалы с загибающимися внутрь стенками, большой ассортимент чашек и чашечек, кувшины, кринки, большие сосуды с ручками, «тагора» и многие другие. Некоторые из видов подобной керамики приведены на рис. 1.

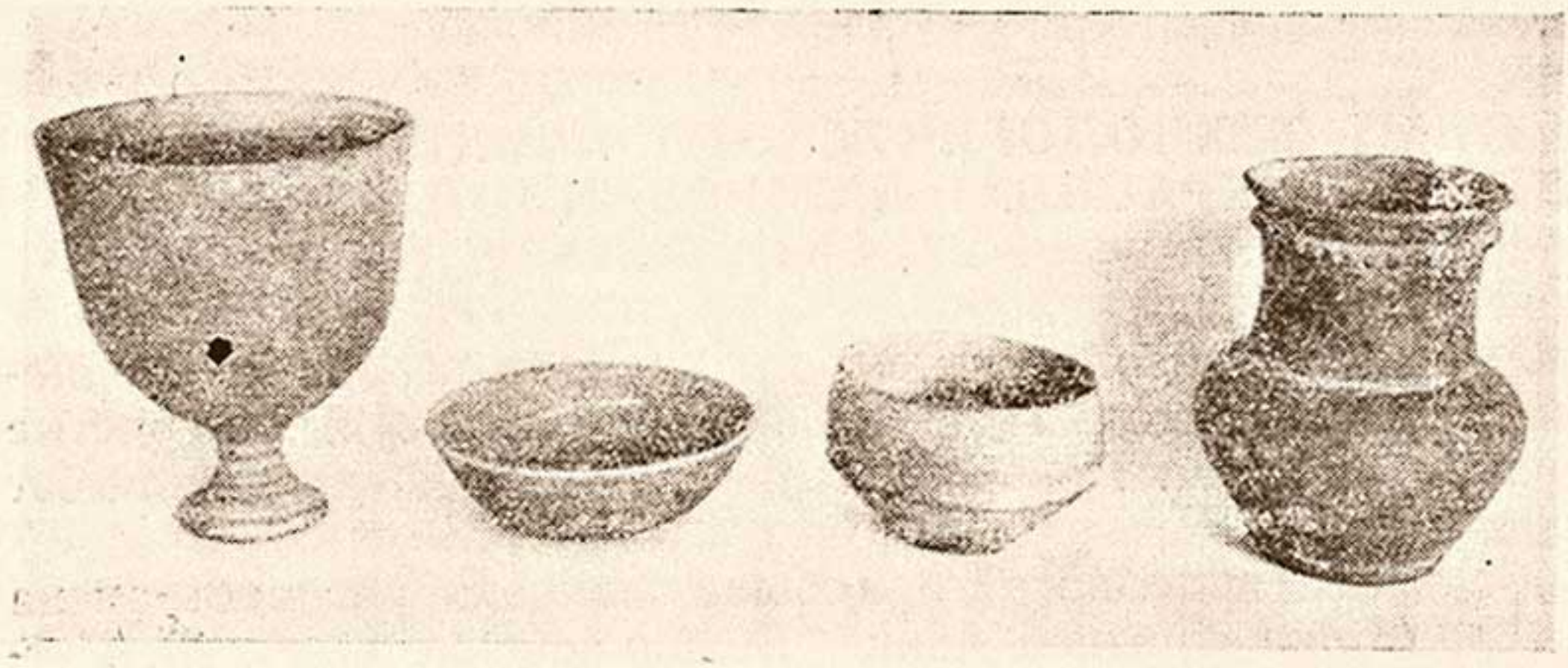

Рис. 1. Типы красноангобированной керамики

Характерными для сосудов такого типа являются изящество формы, тонкость работы, красивые оттенки красного ангоба и лощение, придающее поверхности гладкую, иногда блестящую фактуру. В ряде случаев лощение бывает полосчатым, иногда сетчатым. Встречаются и другие декоративные приемы: оттиски орнамента штампом[6], процарапывание орнамента, фигурные налепы в основании рукояти сосуда, зубчатый жгутик под венчиком (рис. 1) и др.

В работах различных авторов подробно освещаются формы, орнаментировка, назначение сосудов, иногда затрагиваются и способы формования[7], но составы керамических масс, возможное для использования сырье, способы нанесения ангоба и производство лощения затрагиваются мало и только попутно.

Данная статья является попыткой заполнения этого пробела и составлена на основании исследований, проведенных лабораторией археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР в 1950—1960 гг.

Для исследования были взяты образцы красноангобированной керамики, найденные на городище Афрасиаб в ок-

---

[6] Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 17.
[7] Там же, стр. 95.

рестностях Самарканда, в Ташкенте, Китабе, в долине р. Кашкадарья и при раскопках городища Кува.

СЫРЬЕВАЯ БАЗА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА КЕРАМИКИ

Сбор сведений у мастеров-керамистов, данные этнографических исследований говорят об использовании в Самарканде до настоящего времени глин из Чупаната[8], Пенджикента и Карнаба; в Ташкенте применяются глины Ангренского месторождения, из долины р. Угам близ селения Хумсан, а также из селений Ходжикент и Бричмулла[9]. Глины ангренского месторождения, как наиболее качественные и разнообразные по расцветке, вывозились в Самарканд, Ходжент, Уратюбе[10] и даже в Риштан[11].

Для исследования было собрано большое количество проб глинистого сырья в районе Ташкента (Ангрен, Хумсан, Ходжикент) и на Чупаната близ Самарканда. В районах Кувы и р. Кашкадарья специальных изысканий по сырью не проводилось. Были использованы три пробы кувинских лёссов из числа применяемых местными гончарами и проба зеленовато-серой пластичной глины, найденной при раскопках цитадели Кувы. Сырье Кашкадарьи представлено двумя пробами запесоченных суглинков из Актепе и Калянтепе.

Были произведены химический и, частично, спектральный анализ всех глин, а также пробные обжиги в трубчатой электропечи при однотипном режиме с температурами от 600 до 1100°.

Данные химического анализа явились основой для расчета вероятного состава керамических масс исследуемых фрагментов керамики, а расцветка, приобретенная глинами после обжига при различных температурах, послужила для ориентировочного определения температуры их обжига.

Исследование выявило возможное использование следующих материалов.

I. В районе Самарканда:

1) лессы, характеризующиеся повышенным содержанием кремнезема и магния и сравнительно умеренным — извест-

---

[8] В. Разводовский, Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов Туркестанского края, Кустарные промыслы Самарканда и Ходжента, главным образом гончарное дело, «Туркестанское сельское хозяйство», Ташкент, 1916, № 7, стр. 634.

[9] Е. М. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 174

[10] Н. А. Кирпичников, Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области, «Справочная книжка Самаркандской области», вып. V, Самарканд, 1897, стр. 116.

[11] Устное сообщение М. К. Рахимова со слов риштанских гончаров.

няка. В обжиге такой лёсс дает черепок шоколадно-розоватого оттенка, переходящего в розовато-палевые тона при повышении температуры;

2) глины типа «гильмая», характеризующиеся высоким содержанием кремнезема, железа и магния, с незначительным повышением, по сравнению с лессами, глинозема. Эти глины не могут иметь самостоятельного значения для изготовления керамики, так как они вспухают и трескаются при обжиге, образуя легковесный высокопористый материал керамзит. «Гильмая» используется в качестве добавки к формовочным массам из лёсса, придавая массе пластичность, а обожженному изделию — красивый красноватый оттенок.

В остатках керамической мастерской на Афрасиабе, датируемой А. И. Тереножкиным рубежом нашей эры (Тали-Барзу I), были обнаружены два типа глин: желтая (лёссовидный суглинок), представлявшая, очевидно, основной материал для изготовления посуды, и большой ком зеленоватой глины (без сомнения, «гильмая»)[12];

3) гончарные пластичные глины «гильбута» (большое количество разновидностей) отличаются пониженным содержанием железа. Послеобжиговая окраска весьма разнообразна и зависит от сочетания железистых и известняковых примесей.

«Гильбута» применялась преимущественно для ангобов, иногда как добавка к лёссу для улучшения пластических свойств формовочных масс или окраски обожженных изделий;

4) железистые глины «кызылкесяк» из Чупаната и Карнаба близ Кермине окрашены в красно-оранжевые тона, почти не меняющиеся при обжиге. Наибольшей яркости они достигают при температуре обжига 900°, при дальнейшем повышении температуры приобретают более темные красные оттенки.

II. В районе Ташкента:

1) лёссовидные суглинки, отличающиеся от самаркандских более низким содержанием кремнезема и щелочей, и бо́льшим — карбонатов. В обжиге дают светло-терракотовый с шоколадным оттенок, светлеющий с повышением температуры;

2) пластичные огнеупорные глины «гильбута», с богатой гаммой расцветок, создавшие Ангренскому месторождению славу с древнейших времен. Эта глина применяется для получения цветных ангобов для подглазурных росписей посу-

---

[12] А. И. Тереножкин, Раскопки на городище Афрасиаб, КСИИМК, вып. XXXVI, М.—Л., 1951, стр. 139—140.

ды и в качестве добавки, повышающей пластичность формовочных масс. Самостоятельным материалом для производства бытовой керамики «гильбута» не может быть из-за высокой пластичности, а, следовательно, и усадки;

3) красные железистые глины месторождений Ангрен, Хумсан и Ходжикент с высоким содержанием железа («кизыл кесяк») после обжига принимают красную окраску различной степени интенсивности и различных оттенков. Они имеют особое значение в производстве, так как идут преимущественно на ангобы, благодаря которым издавна ценились красные лощеные сосуды. Наиболее яркую окраску дает глина месторождения Хумсан. Наибольшую выразительность цвета дает обжиг при 900°. При дальнейшем повышении температуры изделие темнеет. Глины ходжикентского месторождения имеют красивую оранжевую окраску различных тонов в зависимости от содержания железа.

III. В районе Кувы глинистые породы представлены обычными лёссами. Зеленовато-серая глина, найденная при раскопках городища, оказалась, подобно самаркандским глинам, рыжевато-красной при обжиге гильмаей. Жирная и мылистая на ощупь, она, очевидно, служила пластифицирующей добавкой к лёссовому тесту для формования сосудов. Ангобные красные глины в районе Кувы, к сожалению, пока неизвестны.

IV. В районе долины р. Кашкадарьи глинистые породы представлены только двумя пробами, оказавшимися, однако, весьма полезными, так как позволили установить причину появления в древних черепках мелких песчинок кварца, внесенных слегка запесоченными грунтами. Ангобные глины в этом районе до сих пор не найдены.

ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕРЕПКА КЕРАМИКИ

Исследование черепка керамики включало в себя:

1. Химический анализ черепка, очищенного от ангоба[13].
2. Микроскопическое изучение текстуры черепка при помощи бинокулярного микроскопа.

Изучение ведется на свежем изломе керамики, так как старый излом и распиловка стирают, затемняют картину строения керамики. При микроскопическом изучении определяется степень обработки формовочной массы, ее уплотнение при формовке изделия, наличие естественных и специальных

---

[13] Химические анализы выполнены аналитиками Е. А. Новиковой и П. Д. Щербаковой в Центральной лаборатории Гидроэнергостроя.

примесей. Наиболее характерные образцы текстуры фотографировались при 20—25-кратном увеличении.

3. По данным химического анализа черепка и глинистого сырья производится теоретический расчет вероятного состава формовочной массы глин.

4. Производится проверка правильности теоретического расчета. Из глин, вероятных в использовании в расчетных соотношениях, готовили формовочные массы, из которых вырезали образцы в виде круглых лепешек толщиной 4—5 *мм* и диаметром 16 *мм*. Образцы высушивали в тени и обжигали в трубчатой электрической печи при температурах, возможных для кустарных печей, — 800 — 1000°. Температура поднималась приблизительно на 100° в час, при этом давалась выдержка в течение трех часов при максимальной температуре. После выключения печи образцы оставались в ней до полного охлаждения. Получение образцов с текстурой и расцветкой, близкой к изучаемому фрагменту керамики, подтверждало правильность определения типа глины и расчета дозировок, а также уточняло определение температуры обжига.

5. Плотность древних черепков характеризуется водопоглощением по методу, рекомендованному А. И. Августиником.[14]

Результаты химического анализа черепков основания приводятся в табл. 1, расчетные составы, водопоглощение и прочие характеристики сведены в табл. 2.

ВИЗУАЛЬНОЕ И МИКРОСКОПИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ КЕРАМИКИ

КЕРАМИКА АФРАСИАБА И КАФЫРКАЛЫ

Проба № 16*б*. Афрасиаб. Фрагмент небольшого хума с толщиной стенок 16—17 *мм* — пример ранней керамики — датируется А. И. Тереножкиным V—IV вв. до н. э.

Цвет в изломе оранжево-красноватый, формовочная масса хорошо обработана, выдержана, перемята. Формовка произведена на гончарном круге при сильном равномерном уплотнении, о чем свидетельствуют правильно распределенные водяные поры, сплющенные параллельно направлению вращения круга. Обжиг в окислительной среде, при хорошем доступе воздуха и невысокой (800—850°) температуре. Расчет установил применение чупанатинской глины «гильмая» с повышенным содержанием железа и отмученного, хорошо

---

[14] А. И. Августиник, К вопросу о методике исследования древней керамики, КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 152.

Таблица 1

Химические составы черепка красноангобированной керамики

Шифр образца	Компоненты химического состава, в % на высушенное вещество								Сумма компонентов без щелочей
	SiO_2	Fe_2O_3	Al_2*O_3	CaO	MgO	SO_3	п.п.п.**	щелочи (по разности)	
Самаркандская керамика									
16б	54,49	5,60	14,22	9,17	3,95	0,25	6,26	6,06	93,94
21б	55,34	6,20	15,85	6,79	3,65	0.20	4,76	7,22	92,78
24б	64,74	6,90	18,12	3,94	2,62	0,41	2,18	0,88	99,02
25б	58,16	5,11	12,63	9,21	2,79	0,41	8,60	3,64	96,36
96б-а	41,43	6,38	23,77	10,70	2,32	2,23	13,65	—	100,48
96б-б	64,12	7,11	18,16	4,32	3,31	0,45	1,48	1,32	98,68
96б-г	58,14	6,76	18,54	9,09	3,36	0,41	2,10	1,60	98,40
85б	58,81	5,49	14,81	11,44	2,18	0,41	5,59	1,27	98,73
127б-а	59,41	4,96	13,73	8,98	2,34	0,27	8,20	2,21	97,89
127б-в	57,06	7,67	20,65	7,08	4,14	0,12	1,44	1,84	98,16
Китабская керамика									
160б-а	57,40	6,98	16,81	9,52	3,21	0,38	4,12	1,58	98,42
160б-б	57,47	7,53	19,89	6,67	3,34	0,48	2,96	1,66	98,34
161б-а	59,46	6,79	17,93	8,93	3,27	0,45	1,72	1,45	98,55
161б-б	58,24	7,11	18,02	10,47	3.48	0,38	0,82	1,48	98,52
161б-в	59,28	6,97	17,18	10,37	3,27	0,34	1,28	1,31	98,69
161б-г	59,45	6,88	17,18	10,77	3,20	0,34	0,78	1,40	98,60
Ташкентская керамика									
93б	63,53	5,90	17,26	6,74	3,12	0,59	2,42	0,44	99,56
104б	57,55	5,13	13,72	10,41	2,50	0,52	8,00	2,17	97,83
Кувинская керамика									
38бк-а	59,44	7,61	19,49	6,54	4,07	0,24	0,86	1,75	98,25
38бк-б	57,29	8,98	18,99	8,92	4,65	0,51	0,96	—	100,20
37бк	58,49	7,28	18,26	6,19	4,18	1,0	2,70	2,0	98,0
Сурхандарьинская керамика									
105б	55,16	6,84	16,21	9,99	2,22	2,66	6,67	0,25	99,75
100б-а	57,62	7,55	19,02	8,91	4,32	0,21	1,10	1,27	98,73
100б-г	58,01	7,31	18,49	8,22	3,45	0,38	2,40	1,74	98,26
95б	56,69	6,23	17,25	9,42	3,05	0,42	5,44	1,5	98,5

* В состав Al_2O_3 фактически входят все полуторные окислы в частности Ti_2O_3, определение которого было невозможно по техническим причинам. Погрешность сравнительно небольшая, так как, по данным спектральных анализов, содержание титана в глинах не превышает 0,3—1%.

** п.п.п.—потеря при прокаливании.

Результаты химико-технологического

Шифр пробы	Тип керамики	Датировка керамики	Состав черепка керамики
			Самаркандская кера-
165	Небольшой хум без ангоба	V—IV вв. до н. э.	Смесь двух глин: гильмаи Чупанатинского месторождения и лесса, в половинных пропорциях
24б	Фрагмент кубка на неустойчивой ножке с красным ангобом и лощением	I в. до н. э.—I в. н. э.	Чупанатинские гильбута — 90% и лёсс—10% при обжиге в слабоуглеродистой среде
21б	Бокал среднего размера на устойчивой ножке. С красным ангобом и лощением	Рубеж н. э	Чупанатинские гильбута — 85%, лёсс—11% и доломитированный известняк 4%. При обжиге в слабоуглеродистой среде
96б-а	Бокал среднего размера на устойчивой ножке. С красным ангобом и лощением	»	Чупанатинские гильбута и лёсс, приблизительно в тех же соотношениях, что и в пробе 21б, но при повышении содержания железа и глинозема путем отмучивания с добавкой доломитизированного известняка (до 6%)
25б	Фрагмент кубка типа вазы на широкой ножке, покрыт оранжево-красным ангобом без лощения	I—IV вв. н. э	Смесь двух чупанатинских глинистых материалов: гильмаи—30% и лесса—70%
96б-б	Сосуд с отогнутым венчиком ярко-оранжевого цвета без ангоба и лощения	Рубеж н. э.	Смесь двух Чупанатинских глинистых материалов: гильбуты с высоким содержанием желе-

Таблица 2

исследования красноангобированной керамики

Добавка в формовочную массу	Вероятная температура обжига, °С	Обработка	Водопоглощение, % по весу	Тип лощения	Толщина ангобного слоя, *мм*	Состав ангоба
мика (Афрасиаб)						
Тонкие травяные стебельки в небольшом количестве	800—850	Хорошая	15,22	Нет	Нет	Нет
Пух камышевых метелок в большом количестве	900—950	Удовлетворительная	18,30	Сплошное горизонтальное	0,0015	Пластичная глина, содержащая не менее 5,5% окиси железа, без примеси карбонатов
»	900—950	Очень хорошая	18,92	»	0,015—0,03	Сильно железистая глина (Чупанатинский или Карнабский Кызылкесяк) при слабо углеродистой среде обжига
»	950	Очень тщательная	20,23	»	0,015—0,03	Сильно железистая глина (кызылкесяк Чупанатинский или Карнабский) при окислительном обжиге
Пух камыша в небольшом количестве	900—950	Удовлетворительная	18,30	Нет	0,05	Красная железистая глина (кызылкесяк Карнабского месторождения)
Пух камыша в очень небольшом количестве	900	Хорошая	18,50	Нет	Нет	Нет

Шифр пробы	Тип керамики	Датировка керамики	Состав черепка керамики
			за (90%) и лесс с большим количеством глинозема (10%)
96б-г	Тонкая чашечка с густо-красным ангобом и тонким лощением		Смесь двух тонкоотмученных чупанатинских материалов: высокожелезистой гильбуты — (70%) и лесса — (30%). Добавлено около двух процентов магнезиального известняка
85б	Фрагмент сосуда с процарапанным орнаментом и лощением по ярко-оранжевому ангобу	I—II вв. н. э.	Смесь двух чупанатинских материалов: гильмаи (20%) и лесса (80%)
127б-а	Фрагмент кубка типа вазы на широкой ножке с красным ангобом, без лощения (раскопки в Кафыркале)	до IV в. н. э.	Смесь двух чупанатинских глинистых материалов: гильмаи—(45%) и лесса (55%)
127б-в	Фрагмент конусовидного бокала с загнутым внутрь краем. Ярко-красный ангоб без лощения (раскопки в Кафыркале)	до VI в. н. э.	Смесь высокожелезистой гильбуты с лессом, имеющим большое содержание магния. Приблизительно в половинных пропорциях
			Китабская керамика (Древнее посе-
160б-а	Фрагмент большого тонкостенного кубка с красно-оранжевым темным ангобом и полосчатым лощением	II—I в. до н. э.	Смесь двух глин: высокожелезистой красной глины типа карнабской (40%) и отмученного лесса (60%)

Добавки в формовочную массу	Вероятная температура обжига, °С	Обработка	Водопоглощение, % по весу	Тип лощения	Толщина ангобного слоя, *мм*	Состав ангоба
Пух камыша в очень большом количестве	900	Хорошая	18,50	Нет	Нет	Нет
Пух камыша в сравнительно небольшом количестве	930—950—1000	Очень тщательная	27,90	Сплошное под углом к горизонтали	0,025	Кызылкесяк из Чупанаты или Карнаба
Пух камыша	950	Хорошая	22,65	Сплошное, горизонтальное	0,075—0,1	Чупанатинская глина, дающая в обжиге ярко-оранжевые тона
Нет	850—800	Удовлетворительная	—	Нет	0,05	Красная железистая глина, подходит к кызылкесяку Карнабского месторождения
Небольшое количество камышового пуха	970—1000	Очень хорошая	—	Нет	0,05	»
ление близ Календартепе II—I в. до н. э.)						
Значительное количество камышового пуха	800—850	Очень хорошая	—	Полосчатое вертикальное	0,025	Желтая глина типа чупанатинского месторождения, дающая при обжиге оранжевые цвета различных оттенков в зависимости от температуры

Шифр пробы	Тип керамики	Датировка керамики	Состав черепка керамики
160б-б	Фрагмент тонкостенного кубка с ярким красно-оранжевым ангобом и полосчатым лощением	II—I вв. до н. э.	Смесь высокожелезистой гильбуты с лессом, имеющим значительное содержание магния (приблизительно в половинных пропорциях)
161б-а	Фрагмент кубка среднего размера на сплошной ножке с темнокрасным ангобом без лощения	»	Смесь высокожелезистой глины (86%) с лессом (10%) и известняком (4%)
161б-б	Фрагмент такого же кубка с ангобом грязно-шоколадного цвета с красным оттенком	»	Смесь высокожелезистой глины (84,5%) с лессом (10%) и известняком (4,5%)
161б-в	Фрагмент такого же кубка буро-серого цвета	»	Смесь высокожелезистой глины — (80%) с лессом (15%) и известняком (5%)
161б-г	Фрагмент такого же кубка пепельно-черной окраски	»	Смесь высокожелизистой глины (80%) с лессом (15%) и известняком (5%)
			Ташкентская
93б	Фрагмент сосуда с односторонним коричневато-красным ангобом и лощением (Мингурюк)	V—VI вв. н. э.	Смесь огнеупорной глины ангренского месторождения розового цвета (50%) и черного боссуйского ила (50%)

Продолжение табл. 2

Добавки в формовочную массу	Вероятная температура обжига, °С	Обработка	Водопоглощение, % по весу	Тип лощения	Толщина ангобного слоя, *мм*	Состав ангоба
Значительное количество пуха	900—950	Очень тщательная		Полосчатое, вертикальное	0,05	Желтая глина (типа чупанатинской), дающая при обжиге оранжевые цвета различных оттенков, в зависимости от температуры
Нет	850—900	Удовлетворительная	—	Нет	—	Красная железистая глина типа кызылкесяка, дающая яркую или темную вплоть до черной окраску, в зависимости от температуры и среды обжига
»	950—970	»	—	—	—	
»	1000—1150	»	—	—	—	
»	Более 1200	»	—	—	—	
керамика						
Пух камышовых метелок, известковый песок	950	Хорошая	—	Сплошное под углом	0,025—0,075	Кызылкесяк хумсанского месторождения

Шифр пробы	Тип керамики	Датировка керамики	Состав черепка керамики
104б	Фрагмент сосуда с односторонним полосчатым лощением по шоколадному ангобу (Ниязбектепе, Чирчикского района)	II—III вв. н. э.	Речной ил типа бозсуйского (80%) и Ходжикентская красная глина (20%)
			Кувинская
38бк-а	Фрагмент сосуда с розоватой массой и густым розовато-красным ангобом с очень хорошим лощением (подъемный на городище)	I—е вв. н. э.	Смесь двух глин (светлого Кувинского лесса и железистой пластичной глины) приблизительно в половинных пропорциях
38бк-б	Фрагмент толстостенного сосуда с густым темно-розовым двусторонним ангобом и лощением (подъемный на городище)	=	=
37бк	Фрагмент тонкого сосуда с густо-красным ангобом и гладким лощением (найден на полу храма)	V—VI вв. н. э.	Смесь кувинской зеленоватой глины гильмая (около 35%) и лесса (около 65%)
			Керамика из доли-
105б	Кувшин с двойным слоем ангоба и лощением (Балалык-тепе)	VI в. н. э.	Смесь слегка запесоченного лесса и железистой глины (пропорции не определены)
100б-г	Основание ручки массивного сосуда, украшенное сталактитами и штампованным орнаментом. Лощение по красному ангобу (Зартепе)	I—II вв. н. э.	Смесь слегка запесоченного лесса с железистой красной глиной (приблизительно в половинных пропорциях)

Добавки в формовочную массу	Вероятная температура обжига, °С	Обработка	Водопоглощение, % по весу	Тип лощения	Толщина ангобного слоя, *мм*	Состав ангоба
Нет	800	Удовлетворительная	22,45	Сетчатое	0,05	Ангренская коричневая глина
керамика						
Тонкий пух животный или растительный	850—900	Очень хорошая	22,85	Сплошное, под углом с легкими рисками	0,025—0,04	Железистая глина типа кызылкесяка
»	900—950	»	26,42	Сплошное	0,025—0,04	Глина с содержанием окиси железа около 5%
»	800—850	Хорошая	22,04	Сплошное с рисками под углом	0,025—0,05	Сильно железистая глина типа кызылкесяка
ны р. Кашкадарьи						
Нет	850—950	Очень хорошая	15,60	Нижний слой сплошное елочкой, верхний—неопределим	0,075—0,10 I-й слой	Верхний слой — охристая глина
Пух камыша в большом количестве	около 900	»	14,73	Нет	0,05—0,1, в углублениях—0,20—0,25	Железистая глина

Шифр пробы	Тип керамики	Датировка керамики	Состав черепка керамики
100б-а	Бокал конической формы с красным ангобом без лощения (Зартепе)	"	"
95б-а	Фрагмент большого кубка с хорошим полосчатым лощением по светлому ангобу (Калянтепе)	Рубеж н. э.	Смесь местного сильно запесоченного лесса (35—50%) и пластично-железистой глины (40—45%)

измельченного чупанатинского лёсса. Проверочный обжиг при 850° дал черепок, очень близко стоящий к керамике 16*б*.

Проба № 24*б*. Фрагмент бокала из Афрасиаба на неустойчивой ножке; датируется А. И. Тереножкиным II в. — I в. до н. э.[15] В. Д. Жуков датирует подобные бокалы первыми веками до и нашей эры.[16]

Цвет керамики в изломе ножки, в толстой части, буроватый внутри и красный в наружных слоях. Микроскопическое изучение определяет небольшое количество слюды, известняковых крупинок и редкие песчинки кварца, так как сырье—гильмая — содержит слюду, а лёсс — известняк и крупинки кварца. Рваные пустоты внутри черепка свидетельствуют о малом количестве воды для затворения массы и о довольно длительном ее выдерживании до формования кубка. В массу глины для уменьшения усадки введено много пуха камышовых метелок.

Расчет состава черепка указывает на применение глины типа «гильбута» чупанатинского месторождения со сравнительно небольшой добавкой розоватого чупанатинского лёсса.

При обжиге смеси вблизи жаропроводящего отверстия кустарной печи образец принял окраску, характерную для

---

[15] А. И. Тереножкин, Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, М.—Л., 1947, № 4, стр. 128—129.

[16] В. Д. Жуков, Материалы к изучению Баш-тепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса, Труды института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, стр. 198—199.

Продолжение табл. 2

Добавки в формовочную массу	Вероятная температура обжига, °С	Обработка	Водопоглощение, % по весу	Тип лощения	Толщина ангобного слоя, мм	Состав ангоба
—	900—950	Хорошая	26,27	Нет	0,075—0,1	Железистая глина (типа чупанатинской), дающая в обжиге красно-оранжевые цвета
Пух камыша в небольшом количестве	850—900	Очень тщательная	22,20	Полосчатое сливающееся	0,01—0,015	Светлая шоколадная глина типа ангренской

обжига в слабо углеродистой среде, которая вполне могла образоваться в нижней части печи. Темный красно-оранжевый лощеный ангоб хорошо скреплен с черепком. Характеристика ангобного лощения дается ниже в специальной главе.

Пробы № 21*б* и 96*б-а*. Обе пробы являются фрагментами небольших кубков на устойчивой ножке очень аккуратной выделки. Время нахождения обоих фрагментов различно: проба № 21*б* найдена А. И. Тереножкиным на Афрасиабе в 1947 г. и датируется III—II вв. до н. э. Проба № 96*б-а*, найденная С. К. Кабановым там же в 1959 г., датируется рубежом нашей эры. Полное тождество позволяет отнести оба кубка к рубежу н. э.

Кубки отличаются тонкостью работы, тщательной выделкой опорной части ножки, выполненной, вероятно, одновременно с изготовлением сосуда и из одного куска глины, так как следов соединения ножки с кубком не обнаружено. Кубки покрыты тонким, местами стершимся ангобом темно-красного цвета с рыжим оттенком в пробе № 21*б* и более светлым в пробе № 96*б-а*. Масса керамики плотная, тонкодисперсная, однородная, с тонкими пустотами (следы выгоревшего пуха камышовых метелок), пластинками слюды и мелкими белыми крупинками известняка, последние преобладают в массе бокала № 96*б-а* (рис. 2).

Цвет черепка в изломе розовато-шоколадный, цвет пробы № 96*б-а* кажется более светлым от большего количества известняковых включений. Микроскопическое изучение кон-

статирует применение слюдистых глин и введение для уменьшения усадки тонковолокнистого пуха камыша и мелко раздробленного известняка.

Состав массы пробы № 21*б*: 85% железистой чупанатинской глины «гильбута», 11% лёсса и 4% доломитизированного известняка того же месторождения. Большое количество щелочи (табл. 1), определенное в черепке, не могло быть внесено сырьем, а получилось в результате длительного пребывания образца в земле. Температура обжига в слабо восстановительной среде составляет 900—950°.

Рис. 2. Излом стенки кубка, проба № 96б-а;
1—следы от пуха камышовых метелок; *2*—крупинки известняка.

Состав массы № 96б-а несколько иной; здесь, очевидно, для повышения пластичности применена сильно отмученная, очищенная от значительной части кремнезема глина того же типа, что и в предыдущем фрагменте, благодаря чему значительно повысилось содержание железа и глинозема. Добавка известняка здесь также выше. Отсутствие данных о степени отмучивания глины позволяет лишь ориентировочно определить состав массы № 96*б-а* как подобный его аналогу, но из специально отмученной глины, в которую введено до 6% доломитизированной извести.

Проба № 25*б*. Фрагмент (поддон) кубка в виде вазы на широкой пустотелой ножке найден на Афрасиабе. Профиль сосуда был сделан при помощи лекала, оставившего на его поверхности заметные следы. Поддон сформован отдельно от вазы: в месте скрепления с ножкой имеется рубец. Подготовка формовочной массы обычная, не особенно тщательная. Микроскопический анализ установил равномерно зернистую структуру с большой примесью камышового пуха. Мелкие крупинки извести и редкие пористые частицы серого цвета — результат добавки глины «гильмая» при недостаточно полном промешивании массы. Керамзитовые глины «гильмая» при обжиге выделяют много газа, образующего губчатую структуру керамзита. На поверхности отдельных комков (при большом доступе воздуха) образуется пленка красивого оранжево-красного цвета. Внутри же комка ощущается недостаток кислорода и обжиг каждого, заключенного как бы в капсулю из пленки комочка, идет при восстановительной атмосфере, благодаря чему глина окрашивается в серо-пепельные тона. Будучи распылена между частицами лёсса, гильмая обжигается в красный цвет, но более или менее крупные комочки внутри делаются серыми. С таким явлением мы имеем дело и в настоящем случае.

Встречаются единичные крупинки кварца, вероятно, крупинки песка, подсыпавшегося на круг при формовке. Ангоб довольно толстым слоем плотно покрывает все неровности поверхности.

Расчет устанавливает применение одной из разновидностей чупанатинской гильмаи с лёссом. Температура обжига, судя по цвету черепка, лежит между 900 и 950°. Плотность черепка средняя, наиболее часто встречающаяся среди афрасиабской керамики.

Проба 96*б-б*. Афрасиаб. Сосуды небольшого размера с отогнутым венчиком без ангоба с ярко-оранжевым цветом черепка в изломе. Датируется рубежом нашей эры.

Форма сосуда была округлой. Поверхность его очень ровная, очевидно, заглажена при формовании. Микроскопическое изучение констатирует ровную, однородную текстуру излома, следы от выгоревшего пуха и редкие единичные включёния кварца, очевидно, случайно попавшие в формовочную массу. Обжиг окислительный, при температуре 900°, плотность нормальная. Материалом послужили отмученный чупанатинский лёсс (10%) и железистая гончарная глина типа «гильбута» (90%). Интересно применение высококачественной глины с небольшой добавкой лёсса для простой, ничем не отделанной керамики. Такие смеси встречались лишь в тонких, украшенных лощением бокалах (№№ 24*б*, 21*б*).

Проба 96 *б-1*. Афрасиаб. Фрагмент тонкой чашечки с переломом стенки, покрытой двусторонним темным ангобом с лощением. Датируется рубежом нашей эры.

Работа очень тщательная и аккуратная. В изломе при увеличении (рис.3) видны следы выгоревшего камышового пуха, редкие зернышки красноватого кварца и известняковые крупинки, большей частью пустотелые, так как за время

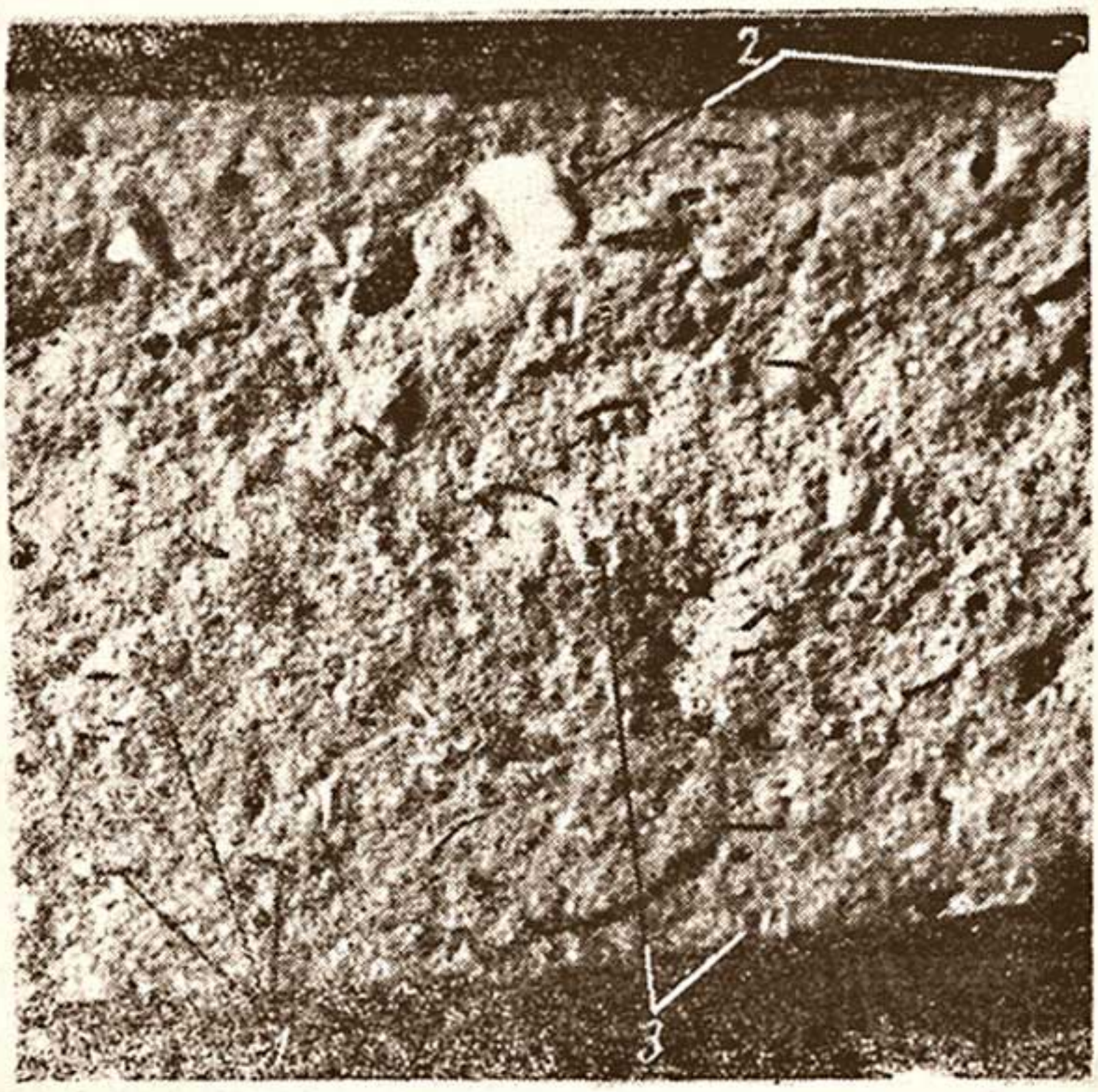

Рис. 3. Излом тонкостенной чашечки, проба № 96б-г.

1—следы от выгоревшего пуха камышовых метелок; *2*—зерна кварцита; *3*—зерна полуразложившегося известняка.

использования чашечки известь выщелачивалась. Такие крупинки свидетельствуют, во-первых, что температура обжига была не ниже 930—950°, так как известняковые крупинки обожглись полностью, и, во-вторых, что чашечка не раз наполнялась водой и тонкий, хорошо залощенный ангоб не служил препятствием для проникновения воды в глубину стенки. Гончар, изготовивший чашечку, не сумел создать плотного черепка, возможно, из-за большой тонкости стенок (3—3,5 *мм*). Водопоглощение здесь очень большое, почти 28% (табл. 3).

В состав черепка входит около 70% железистой глины чупанатинского месторождения и около 30% лёсса. Извест-

няк (2%) введен, очевидно, в качестве отощителя. Лёсс и глина предварительно отмучены. Глина при обжиге принимает красную с оранжевым оттенком окраску, лёсс принадлежит к светложгущимся. Оба материала в сочетании с известью дают розовато-палевый черепок, очень плотно скрепившийся с темно-красным рыжеватым ангобом.

Таблица 3

Результаты спектрального анализа ангобов (выборочные данные)

Шифр пробы	Si	Al	Mg	Ca	Fe	Mn	Ni	Ti	Na	K
24б	5	5	5	4	5	2+	—	3	3—4	—
21б	5	5	4—5	4	5	2+	1	3	4	—
96б-г	5	5	5—	4—5	5	2	2	3+	4—5	5
25б	5	5	5	4—5	5	2+	1+	3—4	5	5
85б	5	5	4	4	5	2	1+	3—4	4	—
93б	5	5	5—	4—5	5	2	1+	3+	5	5
38бк-а	5	5	5—	4—5	5	2	2	3+	4	5
38бк-в	5	5	5	4+	5	2	2	3—4	4—5	—
37бк	5	5	5	4+	5	2	2	3—4	4—5	—
95б	5	5	4—5	4—5	5	1+	1	3—4	5	5

Проба 85*б*. Афрасиаб. Фрагмент сосуда от бортика с процарапанным орнаментом и лощением по ярко-оранжевому ангобу. Масса черепка имеет такой же оранжевый тон с красноватым оттенком. Судя по форме фрагмента, это был сосуд с вертикальным горлом, может быть, типа кринки. Орнамент нанесен очень аккуратно при помощи острой иглы на еще не просохшую глину. Ангоб двусторонний, толстый (до 0,1 *мм*). Тщательность и относительная сложность нарезного орнамента позволяют датировать фрагмент I—III вв. н. э.

Увеличение показывает ровную текстуру черепка с очень незначительной добавкой пуха, равномерно рассеянные воздяные поры и редкие крупинки кварца. Уплотнение не очень сильное, о чем свидетельствует значительное водопоглощение (табл. 2). Состав массы: 80% отмученного лёсса и 20% железистой глины типа «гильмая» с высоким содержанием железа, принимающей в обжиге яркий красно-оранжевый цвет. Температура обжига, определенная на пробных образцах, 950°.

Проба 127*б-а*. Кафыркала. Фрагмент кубка типа вазы на широкой ножке покрыт красным ангобом. Датируется I—IV вв. н. э.

Является аналогом пробы № 25*б*. Ножка с поддоном сформована отдельно, место ее скрепления с сосудом образует выпуклый валик. Ангоб — жирный, трудно растекающийся, разглажен по поверхности сосуда тряпкой. Лощение отсутствует.

Цвет черепка в изломе красновато-терракотовый, формовка довольно грубая. Микроскопическое изучение не определяет примесей, текстура равномерно зернистая с малым количеством водяных пор. Формовочная масса состоит из смеси керамзитовой чупанатинской глины и чупанатинского лёсса с высоким содержанием известняка. Обжиг произведен при несколько пониженной температуре, порядка 850—900°. По составу № 127*б-а* отличается от № 25*б*, однотипного по форме. Возможно, здесь играла роль разница места изготовления сосудов или более раннее время пробы № 25*б*.

Проба 127*б-в*. Кафыркала. Фрагмент конического бокала с загнутым краем, покрыт ярко-красным ангобом без лощения. Датируется временем до VI в. н. э.

Бокал тонкостенный (6,5—7 *мм*), масса красноватая, светлая, текстура плотная, водяных пор очень мало. Имеется небольшое количество камышового пуха. Состав определению не поддается. Высокое содержание глинозема (табл. 1), железа и магния плохо увязывается с пониженным содержанием известняка. Лишь ориентировочно можно определить состав формовочной массы как смесь огнеупорной пластичной глины с лёссом при значительном отмучивании песчаных и кварцевых фракций. Пропорция приблизительно половинная.

б) Керамика Китаба. Проба 160*б-а* — фрагмент большого тонкостенного кубка с красно-оранжеватым темным ангобом и полосчатым лощением. Датируется II—I вв. до н. э.

Проба представляет собой фрагмент кубка большого диаметра. Толщина стенки 4,5 *мм*. Кубок внутри и снаружи покрыт ангобом, с наружной стороны залощенным продольными полосками.

Цвет черепка в изломе оранжево-красный, более близкий к нормальному терракотовому, чем ангоб.

Под микроскопом видны частицы мелких зерен кварца, равномерно рассеянных по излому, значительное количество отпечатков камышового пуха или даже шерстинок, так как следы здесь несколько крупнее, чем у пуха. Ангобный слой очень тонок, но хорошо и плотно скреплен с основанием.

Глины Китабского района неизвестны. Подходящим материалом может служить самаркандский хорошо отмученный лесс, имеющий значительную примесь доломитизированного

известняка (60%), и красная карнабская глина (40%) с высоким содержанием железа и глинозема.

Проба 160 *б-б* — фрагмент кубка с очень тонкими стенками, ярким оранжево-красным ангобом, покрытым с наружной стороны полосчатым лощением более аккуратным, чем в предыдущем случае. Здесь полоски сливаются между собой без промежутков. Толщина стенки 4,5 *мм*.

Формовка очень тщательная, при значительном уплотнении. Увеличение показывает чрезвычайно тонкодисперсную текстуру черепка с тончайшими следами камышового пуха. Очень редко встречаются белые крупинки кварца.

По составу проба аналогична № 127*б-б*. Тот же трудноопределимый состав, включающий очень тонкую, сильно железистую глину и в то же время большое содержание известняка со значительной примесью магния, что может быть внесено лессом и никак не является самостоятельной добавкой.

Вероятными являются два варианта: или использование неизвестной в лаборатории глины с особенно высоким содержанием глинозема и железа или состав глин изменен отмучиванием, удалившим более крупные кварцевые частицы, за счет чего повысилось процентное содержание прочих ингредиентов.

Проба № 161*б*. Китаб. Древнее поселение близ Каландартепе. Проба представлена четырьмя фрагментами совершенно одинаковых кубков, сформованных вместе со сплошной ножкой довольно грубой работы. Все четыре фрагмента различны по расцветке.

Фрагмент «а» имеет розовато-терракотовую окраску черепка и темный рыжевато-красный ангоб, не покрывающий нижнюю часть кубка и ножку, но с потеками ангобной краски на них. В изломе при микроскопическом исследовании обнаружено много мельчайшего известнякового песка рыхлого строения, примененного в качестве отощителя формовочной массы, состоящей, по-видимому, из жирной, пластичной глины.

Температура обжига, судя по состоянию известняковых зерен, была порядка 850—900°С.

Фрагмент *«б»* имеет грязновато-шоколадный с красным цвет черепка и ангоба. После дополнительного обжига при 950° цвет делается близким к цвету фрагмента *«а»*. Текстура аналогична последнему, с той разницей, что обжиг производился при температуре 950—970°, о чем свидетельствуют частично погасившиеся и выкрошившиеся зерна известняка.

Фрагмент *«в»* пропитан углеродом, черепок буровато-серый, ангоб стал черным, известняк весь пустотелый. Темпе-

ратура обжига была не ниже 1000—1150°, так как местами черепок оплавлен. После дополнительного окислительного обжига цвет черепка и ангоба становится темно-красным.

Фрагмент «*г*» пепельно-черный в изломе, увеличение показывает совершенно пережженные зерна известняка. Глинянная масса блестящая, оплывшая. Температура обжига выше 1200°. Ангоб совершенно черный, какими бывают железистые глины, обожженные в восстановительной среде. После окислительного обжига ангоб краснеет, а черепок буреет.

Вместе с изменением цвета и текстуры черепков возрастает их прочность: если фрагмент «*а*» легко раскалывается от удара молоточком, то для того чтобы сломать фрагмент «*г*» нужно очень большое усилие. Сталь высекает искры. А по составу все четыре фрагмента одинаковы (табл. 1) Наблюдаются небольшие отклонения в отдельных компонентах химического состава, обычные в тех условиях, где дозирование составляющих производится «на глаз», или, в лучшем случае, объемным способом. Судя по химическому составу, известняк не мог быть внесен глинистыми компонентами, а является, как показывает микроскопическое изучение, специальной добавкой.

Расчет устанавливает наличие в составе формовочной массы в среднем около 85% гончарной глины (гильбуты), содержащей много железа, около 10—15% отмученного леса и от 4 до 5% доломитизированного известняка.

Изменение окраски и прочности черепка связано с неравномерным режимом обжига в одной и той же печи. Даже в современных электрических печах не всегда выдерживается равномерность распределения температуры во всех точках камеры, а в кустарных, примитивных печах, при употреблении растительного топлива, обязательна большая разница температуры в нижней и верхней частях обжигательной камеры. Точно так же может быть неоднородной и среда обжига. Внизу, вблизи от жароподводящих отверстий, откуда вместе с массами горячего воздуха могли поступать и остатки сгорания топлива, изделие обжигалось при высокой температуре в углеродистой атмосфере, выше условия обжига менялись, накладывая на изделие специфический, последовательно меняющийся отпечаток. Таким образом, различие в окраске и свойствах одинаковых бокалов следует рассматривать не как специально задуманные, а как случайные явления, присущие печам несовершенного типа.

Керамика Ташкента. Проба №93*б*. Мингурюк. Фрагмент сосуда с односторонним коричневато-красным ангобом и сплошным лощением. Датируется V—VI вв. н. э. Фрагмент небольшой, форма сосуда неизвестна. Толщина

фрагмента 5 *мм*. Цвет в изломе оранжево-розовый, светлый. В составе формовочной массы имеются мелкие крупинки известняка, выступающие местами на внутреннюю и внешнюю поверхность даже через ангоб и лощение. При увеличении просматриваются редкие зерна кварца и слегка рыхлые зерна погасившегося и карбонизировавшегося известняка. В процессе гашения некоторые зерна, лежавшие близко к поверхности, разорвали ангоб. Количество известняка по отношению к формовочной массе составляет 2—3%. Установили смесь пластичной розовой ангренской глины и черного бозсуйского ила, который до настоящего времени используется ташкентскими гончарами в половинных пропорциях. Опытные образцы подтверждают правильность расчета и определяют температуру обжига в 950°.

Проба № 104б. Ниязбектепе. Фрагмент сосуда с выпуклыми стенками, форма неизвестна. Датируется II—III в. н. э. В изломе светлый, розовато-шоколадный, специальных включений нет. При помощи микроскопа просматриваются очень мелкие кварцевые песчинки, такие же, как в бозсуйском иле. Расчет определяет в составе формовочной массы 80% речного ила типа бозсуйского и 20% темной разновидности ходжикентской пластичной глины. Температура обжига 800°. Ангоб с сетчатым, довольно небрежным лощением нанесен на необожженное основание.

Керамика Кувы. Проба 38 *бк-а*, подъемная на городище. Фрагмент сосуда неизвестной формы с односторонним лощением по розовато-красному ангобу. Датируется первыми веками нашей эры.

Толщина фрагмента 5—7 *мм*, цвет черепка густо-розовый с оранжевым оттенком. Масса ровная, мелкозернистая, без заметных включений. Включения не просматриваются и под микроскопом; видны только глинистые светлые и оранжевые частицы и следы тонковолокнистой добавки: пух камыша или даже пух животного. Наружная поверхность покрыта великолепно залощенным ангобом особого густого розовато-красного тона, внутренняя просто гладко сформована. Качество работы высокое.

В состав формовочной массы должна входить глина, содержащая много железа и достаточно пластичная. Гильмая, найденная на городище, не могла быть использована в настоящем случае, так как содержание железа в ней очень невелико. Вернее предположить, что использовались глины неизвестного пока месторождения в сочетании с кувинским лессом, употребляемым и в настоящее время для изготовления тандыров (печь для выпечки лепешек)[17], приблизительно в

[17] Проба тандырной глины № 10 передана И. Ахраровым.

половинных пропорциях, обожженные при температуре порядка 850—900°.

Проба 38*бк-б.* подъемная на городище, представляет собой фрагмент сосуда неизвестной формы, видимо, крупного, так как толщина стенок достигает 11—13 *мм.* Обе стороны фрагмента покрыты ангобом, наружная сторона очень красивого темно-розового цвета с удивительно качественным лощением. Датируется первыми веками нашей эры.

Фрагмент отличается высокой прочностью. Цвет черепка в изломе палево-терракотовый, масса приготовлена с большой тщательностью. Под микроскопом просматриваются следы от тонковолокнистой добавки того же типа, что и у предыдущего фрагмента. Сравнение состава обеих масс убеждает в их примерной однородности, только здесь должно быть несколько больше пластичной глины и температура обжига более высокая, порядка 900—950°.

Проба 37*б-к,* найдена на полу храма, датируется V — VI вв. н. э. Форма неизвестна, толщина фрагмента 3—5 *мм.* Фрагмент покрыт с наружной стороны красным ангобом с хорошим лощением, с внутренней — темным ангобом без лощения.

Цвет черепка красновато-палевый, при увеличении просматриваются редкие обломки шамота и мелкие зернышки цветного кварца и известняка, как в тандырном лессе. Имеются следы от тонковолокнистой примеси животного пуха или шерсти, но не пуха камышовых метелок. Ангоб прочно соединен с основанием. Работа хорошая. Расчет определяет применение около 35% зеленой кувинской глины с соответствующей долей тандырного лесса, керамика обожжена при температуре 800—850°.

Керамика долины р. Кашкадарьи. Проба 105б, Балалыктепе. Кувшин грушевидной формы, покрыт двойным слоем лощеного ангоба[18]. Датируется VI в. н. э.

Цвет черепка в изломе шоколадный как у обыкновенного лесса, но по химическому составу (табл. 1) керамическая масса данной пробы не лёсс.

Микроскопическое изучение определяет как основной материал запесоченный лесс сырцовых материалов Калянтепе и Актепе. Наличие тонкозернистой песчаной фракции в составе формовочной массы, очевидно, исключило необходимость введения волокнистых добавок. Уплотнение массы очень хорошее, о чем свидетельствует и малая величина водопоглощения (табл. 3). Рассчитать состав массы невозмож-

[18] Л. А. Альбаум, указ. соч., стр. 93.

но из-за отсутствия сведений о сырье. Вероятно, это была очень небольшая доля (10—20%) хорошей пластичной глины с достаточно высоким содержанием железа и глинозема в смеси с местным лессом.

Проба 100*б-г*, Зартепе. Основание ручки большого сосуда, богато украшенное лепными сталактитами и штампованным орнаментом. Фрагмент покрыт красным с шоколадным оттенком ангобом, в углублениях сталактитов достигающим значительной толщины (табл. 2). По ангобу произведено лощение. Толщина черепка — 10 *мм*. Цвет в изломе красный железистый с легким оранжевым оттенком; увеличение показывает множество мельчайших зерен кварца, немного известняковых зерен и много следов от волокон камышового пуха. Температура обжига может колебаться в пределах 850—950° в зависимости от примененной глины. Точный расчет состава невозможен, однако приблизительно можно указать на смесь местного лесса с повышенным содержанием железа и кальция и мелкого кварцевого песка с высоко железистой глины типа кызылкесяк. Обработка и уплотнение массы очень хорошее.

Проба 100 *б-а*, Зартепе. Кубок конической формы с загнутым краем, покрыт красным ангобом, датируется I—II вв. н. э. Сохранилась нижняя часть. Внутри бокал покрыт красным ангобом, по которому лощилом проведены две крестообразные полосы, делящие всю внутреннюю поверхность на четыре равные части. Наружная поверхность имеет ангоб рыжевато-красного тона, возможно, из-за более свободного притока кислорода. Лощения нет. Толщина черепка 5,5 *мм*.

Цвет в изломе светлый, желтовато-коричневый с легкой краснотой. Текстура плотная с большим количеством отпечатков тонкого пуха, имеются включения известняка, пустые, погасившиеся, и тонкий кварц, как во всех фрагментах керамики Сурхандарьинской области. Температура обжига, судя по зернам известняка, должна лежать в пределах 900—950°, состав очень близок пробе № 100*б-г*.

Проба № 95*б*, Калянтепе. Фрагмент большого кубка с полосчатым продольным лощением. Датируется рубежом нашей эры. Работа чрезвычайно аккуратная, кубок с толщиной стенки 3—3,5 *мм* выполнен без погрешностей в пределах очень большого фрагмента. Ангоб на внутренней поверхности не залощен.

В изломе при увеличении просматривается однородная масса с небольшими порами и тонким кварцевым порошком (естественная примесь к лёссу). Имеются следы тонкого

пуха камышовых метелок и редко попадающиеся отпечатки нежных стебельков.

Цвет черепка терракотовый со светло-бурым оттенком. Сырьем служит местный лесс и пластичная железистая глина, добавленная к лессу приблизительно в количестве 40—45%. Температура обжига должна лежать в пределах 850—900°.

ИССЛЕДОВАНИЕ АНГОБОВ

Возникновение ангобов уходит в глубокую древность и связано со стремлением сделать сосуд более непроницаемым, а также с желанием придать ему более нарядный вид. Нельзя уверять, что ангоб делает черепок сосуда совершенно водонепроницаемым; во-первых, будучи приготовленным из глины, хотя и более качественной, чем материал сосуда, ангоб имеет поры и тонкие капилляры, по которым просачивается вода; во-вторых, тонкий слой ангоба часто повреждается даже в процессе изготовления. Особенно вредно действуют крупинки известняка в формовочной массе, которые при гашении вспучиваются и разрывают ангобную пленку, как на пробе 93*б*. Даже высококачественные покрытия проб 38*к-б* и 95*б-а* не избежали этого. Частицы известняка, находившиеся у самой поверхности сосуда, разорвали ангоб и открыли доступ воде. Но ангоб в какой-то степени снижает водопроницаемость изделия, тампонируя выходы капилляров и пор на поверхность сосуда.

Лощение по ангобу, являющееся предметом настоящего исследования, без сомнения, преследовало декоративные цели, так как на примере 25 исследованных проб и просмотра целых сосудов мы убедились, что лощение производилось лишь на хорошо видной, преимущественно внешней части сосудов. Внутренняя поверхность лощилась лишь в том случае, если она была открыта: блюда, тарелки, низкие чаши большого диаметра. Если бы лощение было предназначено для увеличения плотности ангоба, то лощилась бы именно внутренняя, постоянно соприкасающаяся с жидкостью поверхность сосудов.

В процессе исследования представлялось важным определить: 1) основные типы ангобов красной керамики, 2) возможные материалы для них, 3) способы покрытия сосуда ангобом и 4) способы и приспособления для лощения.

В этом порядке и рассматриваются ангобные покрытия исследованных проб. Последнему вопросу посвящается специальный раздел работы.

Среди исследованных проб две (№ 16*б* и № 96*б-б*) совсем не имеют ангоба. Поверхность их (внешняя и внутренняя) тщательно заглажена во время формования, оба сосуда изготовлены из смеси лесса с пластичными глинами. Невысокое водопоглощение черепка (табл. 2) показывает, что здесь особое внимание обращали на уплотнение самого сосуда, без расчета на ангоб.

Пробы № 25б, 127*б-а*, 127*б-б*, 4 фрагмента 161*б* и 100*б-а* покрыты ангобами красного цвета без лощения. Возраст керамики лежит в пределах I—II в. до н. э. — IV в. н. э. Состав керамической массы не отличается от неангобированных и лощенных сосудов: в большинстве случаев это смесь приблизительно одинаковых доз лесса и пластичной глины и только китабские кубки (161*б*) приготовлены из высокожелезистой пластичной глины с небольшой добавкой лесса и дробленого известняка.

Пробы № 25б и 127б-а, сходные по форме и составу массы, покрыты ангобом из красной глины, расцветка которой после обжига совпадает с кызылкесяком карнабского месторождения. Покрытие сплошное. Процесс ангобирования представляется следующим образом. В сосуде, соответствующем размеру изделия, глина разводилась водой до консистенции сливок. Высушенное изделие погружалось в раствор сначала верхней частью, затем его быстро поворачивали так, что ангоб покрывал внешнюю и внутреннюю поверхности, затем мастер, держа его за перехват ножки, погружал в ангоб основание и опрокидывал изделие ножкой вверх на чистую поверхность стола или доски. Быстрое впитывание воды высушенной глиной спасало покрытие бортика от порчи. Не исключена возможность установки сосуда на ножку, но тогда при больших размерах сосуда неизбежно скопление ангобной массы на дне, что не наблюдалось на образцах просмотренной керамики, а легкое повреждение ангоба на бортах легко могло быть устранено подкрашиванием кистью или тканью, обмокнутой в ангобную массу.

То место на ножке, где ангоб был испорчен рукой мастера, затиралось тканью. Следы заглаживания ясно видим на ангобе пробы 127*б-а*.

Пробы № 127*б-б* и 100*б-а* — одинаковые по форме конические бокалы — покрыты ангобом изнутри и снаружи, за исключением поддонов и прилегающих к ним нижних частей наружной поверхности. При нанесении ангоба мастер держал бокал за поддон, окунал его в ангоб и ставил вертикально для просушки. У бокала 100*б-а* по непросохшему, но уже утратившему влагу ангобу узким лощилом (вероятно

костяной палочкой) были заглажены две перекрещивающиеся линии.

Мог быть применен и другой способ ангобирования, известный по более позднему времени: изделие поливают ангобом из небольшой чашечки[19]. Этот способ необходим в случае применения различных ангобов внутри и снаружи сосуда и, вероятно, получил широкое развитие в связи с применением поливы, когда зачастую наружная, мало видная часть плоского изделия покрывалась ангобом без поливы или дешевой соляной глазурью, а внутренняя открытая часть — нарядной росписью по белому ангобу под прозрачной свинцовой глазурью. При изготовлении красной керамики, в случае одинаковых покрытий внешней и внутренней частей сосуда, чаще погружали сосуд в ангобную массу.

Кубки № 161*б* из Китаба покрыты ангобом при однократном погружении в ангобную массу, причем мастер держал их за ножку, затем на нее ставил изделие, благодаря чему ножки и нижние части бокалов остаются непокрытыми; ангоб здесь образует неровные потеки.

Пробы 24*б*, 21*б* и 96*б-а* — бокалы, относящиеся по времени к рубежу нашей эры, покрыты тонким слоем красной железистой глины кызылкесяк карнабского или чупанатинского месторождений. Покрытие полное, даже с нижней стороны ножки. Лощение относится к типу «сплошных», т. е. не имеет просветов между полосками — следами лощила (характеризуем ножки сосудов, так как верхние части их утрачены). Направление лощения совпадает с направлением вращения гончарного круга. Лощило не оставило царапин, обычных при пересечении формочных рисок от лекала.

Пробы 96*б-г*, 93*б*, 38*бк-а*, 37*бк*, относящиеся к периоду от рубежа нашей эры до V—VI в. в. н. э., с тонким ангобным покрытием преимущественно из железистых глин различных оттенков залощены сплошным лощением с направлением под углом к горизонтали или просто под угол. Лощение на них производилось при вертикальном положении сосуда, вероятно, отдельными по высоте участками. Направление лощения косо пересекает горизонтальные риски, оставшиеся от формования на гончарном круге. Лощило, в зависимости от его гладкости, оставляет более или менее заметные риски, хорошо различаемые под микроскопом.

Применение для ангоба железистых глин подтверждается данными спектрального анализа некоторых ангобов (табл. 3). Как ни слабо характеризует спектральный анализ

---

[19] Е. М. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 221 и рис. 62.

количественный состав компонентов материала, все же видно, что содержание железа во всех случаях оценивается цифрой 5, обозначающей наивысшее (более 5%) содержание данного элемента. Снижающие яркость окраски ангоба примеси кальция нигде не достигают этой величины. Интересно, что в составе ангобов кувинской керамики, отличающейся особой густотой тона, имеются незначительные примеси никеля, такие же, как в темном ангобе пробы 96*б-г*.

Особо качественный ангоб применен в пробе 38 *бк-б* из Кувы, относящийся к первым векам нашей эры. Здесь по красивому густо-розового цвета ангобу произведено сплошное лощение, очевидно, гладким каменным лощилом, не оставившим никаких рисок. На гладкой поверхности слегка выделяются лишь формовочные полоски. Ангоб со сплошным лощением «без направления» выполнялся мелкими круговыми движениями лощила. Такая фактура нуждается в умелых руках опытного мастера и требует жирную, очень пластичную, не содержащую примесей, глину.

Группа тщательно изготовленных из смеси лесса с пластичными глинами тонкостенных кубков большого размера, относящаяся к последним векам до новой и рубежу новой эры, (пробы 160*б-а*, 160*б-б* и 95*б-а*) покрыта полосчатым лощением с вертикальным направлением полосок. В зависимости от аккуратности работы эти полоски или сливаются, как это наблюдается у кубка № 95*б*, или разбегаются на расстояние, почти равное полоске у пробы № 160*б-а*.

Такое лощение производилось, видимо, так: по поверхности кубка, уже покрытой ангобом и выдержанной до впитывания воды в черепок, но еще влажной, мастер быстро, с легким нажимом проводил лощилом от верха до основания длинные непрерывные линии. От частоты нанесения этих линий зависело качество лощения. И, наконец, по краю кубка проводили кольцеобразную горизонтальную черту, объединяющую начало всех линий.

Материалом ангоба проб 160*б-а* и 160*б-б* является желтая глина, дающая в зависимости от температуры обжига оранжевые цвета различной интенсивности. Наиболее яркий оранжевый тон получается при температуре 900—950°. Такая глина имеется на Чупанате близ Самарканда и в настоящее время используется местными гончарами. Возможно, и близ Китаба имеются подобные глины. Красителем в данном случае является железо (5,07%), известняковые примеси почти отсутствуют. Глина относится к типу охристых.

К шоколадно-коричневому светлому ангобу пробы 95*б* больше всего подходит одна из ангренских огнеупорных глин, содержащая в своем составе большое количество окиси желе-

за (6,57) и кальция (9,34). Это сочетание ингредиентов придает красивый оттенок ангобу. Но в данном случае эта глина может служить лишь для ориентировки, так как сырье подобного типа вблизи от места находки фрагмента неизвестно.

Особый вид полосчатого лощения по пересекающимся направлениям сеткой дает фрагмент 104*б*, найденный при раскопках Ниязбектепе в Чирчикском районе Ташкентской области. Для шоколадного ангоба здесь применена коричневая ангренская глина, упомянутая при описании проб с вертикальным полосчатым лощением. Черепок состоит из смеси речного ила и местной слабо-железистой глины. Невысокая температура обжига (800°) точно соответствует расцветке черепка и ангоба. Лощение производилось торопливо, без старания придать поверхности ровную глянцеватую структуру. Очевидно, это было не случайное направление полосок, а специальный тип лощения. Точно такое же лощение наблюдается и на сосудах XII в. типа тагора и кринки (рис. 1), найденных на Мингурюке.

Совершенно обособленно стоит ангоб (проба 105*б*) грушевидного сосуда из Балалыктепе. Светлый, залощеный сплошь с елочковидным расположением почти неразличимых рисок ангоб, очевидно, не понравился владельцу и был вновь покрыт охристой ярко-оранжевой глиной и обожжен повторно. Наложение ангоба на ангоб (к тому же лощеный) оказалось неудачным: краска верхнего слоя почти совершенно стерлась.

Два фрагмента керамики (№ 85*б* с Афрасиаба и № 100*б-г* из Зартепе) орнаментированы до покрытия ангобом. Здесь лощение производилось так, чтобы не испортить рисунка: у № 85*б* сплошное в горизонтальном направлении, у № 100*б-г* неопределенное, в зависимости от налепа и орнамента.

ЛАБОРАТОРНЫЕ ОПЫТЫ НАД МЕТОДАМИ НАНЕСЕНИЯ ЛОЩЕНЫХ АНГОБОВ

Неясными в процессе исследования оставались способы нанесения ангобов под лощение. Необходимо было выявить, наносятся ли в этом случае ангобы по обычному способу на высушенные, но не обожженные сосуды, или изделие ангобируется после утельного обжига. Неизвестно, когда ангобированная поверхность может считаться готовой для лощения, какой тип лощила является самым удобным, неясны также некоторые другие вопросы технологии производства лощеной керамики.

Для этого была проведена серия опытов. Из различных глин и их смесей, взятых в пропорциях, установленных для

отдельных проб, готовились образцы—лепешечки того же типа, что и при определении цвета глин после обжига. Часть проб была обожжена при различных температурах, часть лишь высушена в комнатных условиях. На все пробы наносились ангобы из красных и коричневых глин.

Ангоб разводился до консистенции негустых сливок и в него быстро погружались лицевые поверхности образцов-оснований и также быстро выкладывались на стол ангобированной поверхностью вверх.

Лощение производилось по мокрому, влажному и высохшему ангобу. В качестве лощила использовались гладкий полированный камень, костяное лощило, найденное В. А. Булатовой при раскопках храма в Куве, и металлическая пластинка. Образцы высушивались в течение суток и обжигались в электрической печи при различных температурах.

Опытом установлено:

1. Лощение мокрого ангоба невозможно, так как он стирается лощилом с поверхности обожженного образца или, если образец необожженный, лощило увлекает за собой часть смокшей поверхности. При полном отсасывании воды из ангоба, когда его поверхность делается сухой, лощение возможно на обожженном основании, только требует нажима на лощило. При нанесении ангоба на высушенное основание сухой ангоб отрывается вместе с контактной частью его, впитавшей влагу из ангоба. Оптимальные условия лощения получаются при влажном ангобе, когда с его поверхности исчезают мокрые пятна. Время выдерживания изделия от нанесения ангоба до лощения измеряется минутами (2—7) в зависимости от содержания воды в массе ангоба и скорости ее удаления. Вероятно, при лощении могло практиковаться дополнительное легкое смачивание ангоба, особенно на обожженном основании. Ни в коем случае нельзя смачивать высохшее место жидким ангобом во избежание образования неровностей, так как лощило не разглаживает ангоб, а лишь скользит по его поверхности.

2. После обжига лощеная поверхность керамики делается более матовой. Особенно сильно теряет блеск ангоб, нанесенный на необожженное основание. Это, по-видимому, связано с удалением из минералов глины кристаллизационной воды и некоторых газов, которое как бы прореживает частицы поверхности. При обжиге одного ангоба на него влияет удаление летучих частиц только из него самого, при одновременном обжиге и ангоба и основания на поверхность влияют и частицы, содержащиеся в основании.

3. При лощении ангобов в лабораторных условиях наиболее удобным оказалось каменное лощило. Оно не оставляет

рисок-царапин на поверхности ангоба, дает очень гладкую фактуру образца. Костяное лощило должно сравнительно скоро выходить из строя, на нем всегда имеются небольшие зазубринки, царапающие ангоб. Металлическое лощило всегда немного чернит, как бы железнит ангобированную поверхность. Это наблюдалось на некоторых образцах древней керамики, в частности на пробе № 96*б-г*.

4. Лощение по предварительно обожженному черепку легче вследствие большей прочности изделия, ангобы получаются более блестящие. Вероятно, тонкостенные изделия типа кубков и чашечек предварительно обжигались при невысокой температуре. После нанесения ангоба и лощения производился обжиг при температуре, нормальной для данного вида керамики. Ангобирование сосудов с более толстыми стенками, особенно при полосатом лощении елочкой, производилось нанесением ангоба на высушенное основание.

Лощение по ангобу является весьма трудоемким процессом, требующим от мастера больших навыков и ловкости. Возможно, поэтому лощение почти исчезло в XII в., уступив место поливе.

ВЫВОДЫ

1. Для производства красноангобированной керамики использовались глины Ташкента и Самарканда.

2. В состав формовочной массы входят обычно два сорта сырья: тощий лесс и пластичные глины типа «гильмая» или «гильбута». Дозировки в большинстве случаев половинные, но наблюдаются и значительные превалирования того или другого материала. Тенденции к использованию пластичных глин для особо парадных сортов керамики и использование лесса для более простых не наблюдается, как не наблюдается изменений в дозировках сырьевых материалов в течение нескольких веков существования лощеной керамики. Вполне вероятно, что дозирование глин зависело от вкуса каждого мастера, возможно также, как отмечает Е. М. Пещерева[20], что это связано с временами года: летом необходимо применять более тощую малоусадочную массу, зимой можно использовать и более жирную, ориентируясь лишь на величину огневой усадки.

3. В составе формовочных масс, за редким исключением, имеются примеси тонковолокнистых органических веществ, главным образом пуха камышовых метелок. Иногда в качестве отощителя используется дробленый известняк.

---

[20] Е. М. Пещерова, указ. соч., стр. 214.

4. Для ангобов лощеной и нелощеной керамики использовались высокожелезистые глины типа кызылкесяк, дающие в обжиге разнообразные оттенки красного цвета.

5. Температура обжига красноангобированной керамики в большинстве случаев совпадает с оптимальной для ангобных глин, при которой их расцветка достигает наибольшей яркости и выразительности.

6. На примере китабской керамики можно сделать вывод о несовершенстве древних печей, дававших пеструю продукцию вследствие большой трудности в регулировке их температурного и газового режима.

7. В составе использованных для исследования проб выявлены главные виды лощения: сплошное, полосчатое и сетчатое, которые, в свою очередь, разбиваются на более мелкие подвиды.

8. Ангобы под лощение могли наноситься как на высушенное, так и на обожженное основание. Последний способ применялся к тонкостенным видам керамики.

9. Для дальнейших исследований необходимо расширить сбор и исследование сырья по большинству районов Узбекистана.

Б. В. ЛУНИН

ИВАН ИВАНОВИЧ УМНЯКОВ КАК УЧЕНЫЙ-ВОСТОКОВЕД И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В сентябре 1960 г. научная общественность отметила 70-летие со дня рождения и 50-летие научной, педагогической и общественной деятельности известного советского востоковеда, заведующего кафедрой истории народов Узбекистана Самаркандского государственного университета, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, профессора Ивана Ивановича Умнякова.

И. И. Умняков родился 5 августа 1890 г. в городе Петрозаводске. В 1909 г. окончил с серебряной медалью 3-ю гимназию в Петербурге. Высшее образование И. И. Умняков получил в Петербургском университете, окончив факультет восточных языков, где он прошел хорошую востоковедческую школу. Достаточно сказать, что среди учителей И. И. Умнякова были такие виднейшие ученые нашей страны, как В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский[1], Н. А. Медников, В. Д. Смирнов, А. Э. Шмидт и др.

В 1912 г. И. И. Умняков с научной целью был командирован университетом в Среднюю Азию, в 1913 г. был удостоен золотой медали за студенческое сочинение на заданную тему: «Сопоставить известия Наршахи и арабских географов о топографии Бухары с данными о современном городе»[2].

С 1914 по 1916 г. И. И. Умняков продолжал заниматься изучением восточных языков в учебном отделении при Министерстве иностранных дел; по окончании Отделения был назначен драгоманом в Русское Политическое агентство в Бухаре, а по преобразовании последнего после Великой Ок-

---

[1] Воспоминания о нем И. И. Умнякова см. в сб. «Очерки по истории русского востоковедения», V, Памяти В. А. Жуковского, М., 1960, стр. 134—145 (Академия наук СССР, Институт востоковедения).

[2] Отчет о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского университета за 1912 год. — Отдел VIII, стр. 245—248.

тябрьской социалистической революции в Полномочное представительство РСФСР работал в нем до конца 1920 г. в качестве секретаря и управляющего делами полпредства. Все эти годы И. И. Умняков уделял большое внимание научным изысканиям, знакомству с средневековыми рукописными источниками по Бухаре и другими материалами.

И. И. Умняков.

По совету и рекомендации акад. В. В. Бартольда И. И. Умняков перешел в октябре 1920 г. на работу в учрежденный тогда в Ташкенте государственный университет в качестве научного сотрудника по кафедре истории мусульманского Востока, являясь в то же время преподавателем аналогичной дисциплины в Туркестанском восточном институте (с 1 февраля 1921 г.).

Летом 1921 г. И. И. Умняков по хадатайству университета был командирован в Петроград для дальнейшего совершенствования своих знаний.

В Петрограде был зачислен научным сотрудником исторического научно-исследовательского института при факультете общественных наук Петроградского университета. Здесь он занимался у академиков В. В. Бартольда, И. Ф. Ольденбурга и профессоров А. А. Васильева и А. Е. Преснякова. После сдачи соответствующих коллоквиумов по программе магистерских испытаний, осенью 1923 г. И. И. Умняков вернулся в Ташкент, возобновив чтение лекций по истории мусульманского Востока в Туркестанском восточном Институте (впоследствии на восточном факультете Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина). Педагогическую работу в высших учебных заведениях Ташкента И. И. Умняков вел в течение одиннадцати лет. Помимо этого, в 1921—1928 гг. И. И. Умняков принимал самое деятельное участие в работах Среднеазиатского комитета по охране и изучению памятников старины и искусства (Средазкомстариса), являясь сначала ученым секретарем Комитета, а затем инспектором по охране памятников.

В 1929—1931 гг. И. И. Умняков работал в Центроархиве (Ташкент), где изучал вакуфные документы, и в Среднеазиатской государственной библиотеке, где занимался описанием восточных рукописей.

В 1932—1938 гг. И. И. Умняков работал вне Средней Азии, а в 1939 г. вернулся сюда, получив назначение Наркомпроса УзССР на работу в Самарканд, где он продолжает свою научную и педагогическую деятельность и до настоящего времени (Педагогический и учительский институт им. А. М. Горького до 1950 года включительно и в основном — Узбекский Государственный университет им. Алишера Навои, ныне Самаркандский государственный университет).

В сентябре 1942 г. И. И. Умняков защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Самая старая турецкая карта мира»[3], в мае 1943 г. был утвержден Высшей Аттестационной Комиссией в ученом звании доцента, а в 1956 г. в ученом звании профессора.

В процессе длительной педагогической работы в высших учебных заведениях Узбекистана И. И. Умняков разработал

---

[3] Академик И. Ю. Крачковский в неопубликованном отзыве о научной деятельности И. И. Умнякова (датированном 3 октября 1948 г.) писал, что среди работ И. И. Умнякова «в особенности надо выделить мастерское исследование карты мира, приложенной к рукописи труда Махмуда Кашгарского. В этой теме И. И. Умняков имел выдающихся предшественников на Западе, как Миллер и Херман, но тем не менее, отдавая должное их работам, сумел показать, насколько глубже и методически безукоризненнее наша наука может осветить вопросы, иногда казавшиеся почти неразрешимыми» (стр. 3 отзыва).

ряд успешно читанных им учебных курсов. Так, в Туркестанском Восточном институте — восточном факультете в Ташкенте — он читал курсы: История мусульманского Востока (1921 г.), История взаимоотношений России с Востоком (1921—1924 гг.), История Ирана (1923—1931 гг.), История халифата (1923—1931 гг.), История Туркестана, История Средней Азии (1923—1931 гг.), История домусульманской Средней Азии (1925—1928 гг.) и др. В Узбекском государственном Университете в Самарканде, начиная с 1939 г., И. И. Умняков вел курсы по Истории Узбекистана, Истории колониальных и зависимых стран, Истории стран зарубежного Востока, Истории античного мира, Источниковедению по истории Средней Азии, Историографии Средней Азии и др. Последний из перечисленных курсов И. И. Умняков читает с 1950 г. по настоящее время. По словам покойного проф. А. А. Семенова, «тщательно разработанные И. И. Умняковым курсы источниковедения по истории Средней Азии и историографии Средней Азии читаются в Средней Азии только в Самарканде И. И. Умняковым»[4].

Что касается собственно научной деятельности И. И. Умнякова, то, не будучи чужд историко-этнографическим и особенно археологическим изысканиям[5], он главное свое внимание исследователя уделял и уделяет арабским источникам, связанным с Средней Азией и Восточной Европой[6].

Непосредственное и близкое знакомство с жизнью и бытом народов Средней Азии имело большое значение для исследований И. И. Умнякова в этой области.

Ряд работ И. И. Умнякова посвящен критическому анализу и научной интерпретации сочинений восточных авторов средневековья. Работы И. И. Умнякова по знаменитому труду ученого Средней Азии Махмуда Кашгарского сделали И. И. Умнякова, по свидетельству акад. И. Ю. Крачковского, одним из первых знатоков этого памятника. Должны быть отмечены также его публикации по «Абдулланамэ» — одному из важнейших источников для изучения истории Средней Азии XVI в., по такому выдающемуся произведению, как «Худуд-ал-алам», по сообщениям таких авторов классической поры арабской науки, как ал-Ид-

[4] А. А. Семенов, Отзыв о научно-педагогической деятельности доцента Узбекского госуниверситета И. И. Умнякова; — Машинописный экземпляр, без даты (1954 г.), стр. 2.

[5] Ср., например, его работы: «Рабат-и-Малик» (1927), «Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году» (1928), «Архитектурные памятники Средней Азии» (1929) и др.

[6] Ср. И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, М.—Л., 1950, стр. 257—258, 266.

риси или Исхак ибн-ал-Хусейн (кстати сказать, до работы о нем И. И. Умнякова, неизвестного в нашей литературе). И. И. Умняков проанализировал сочинения Исхака (арабский текст и итальянский перевод) по изданной в Риме единственной известной рукописи Исхака, установил время составления труда последнего (XI в.) и определил место его происхождения (Испания), рассмотрев источники, которыми пользовался Исхак. Свое исследование И. И. Умняков заключил переводом на русский язык с комментариями известий Исхака о хазарах и тюрках.

Значительный интерес для археологов представляют работы И. И. Умнякова по так называемой тохарской проблеме, которые дают наиболее подробные материалы для уяснения сущности данной проблемы. И. И. Умняков воспроизвел сведения античных писателей о тохарах и народах, так или иначе с ними соприкасавшихся, а также известия китайских летописей юэ-чжи, остановившись на предположениях об их тождестве с тохарами. Рассмотрев вопрос о «тохарском» языке (в связи с гипотезами западно-европейских ученых о так называемой «прародине» индоевропейцев и открытием в Центральной Азии «тохарского» языка, зачисленного ими в круг индоевропейских языков), И. И. Умняков отметил провизорность подобного рода гипотез, полагая, что окончательное решение вопроса зависит от дальнейшего накопления не только лингвистических, но и археологических материалов.

Для археологов и нумизматов интересны также проанализированные И. И. Умняковым данные Хафизи Таныша в его «Абдулла-намэ» (XVI в.) о «монетной реформе» Абдулла-хана. Некоторый материал по исторической топографии Ташкента XVI в. содержит также проанализированный И. И. Умняковым отрывок из сочинения Хафизи Таныша об осаде и взятии в 1580 г. узбекским ханом Абдуллой г. Ташкента. В последнее время И. И. Умняков много внимания уделял изучению международных связей Средней Азии с Западной Европой XV в. Опубликованные им документы о сношениях Тимура с Византией, Францией и Англией открыли новую страницу в истории дипломатии XV в. Главным посредником Тимура в его дипломатических сношениях с Западной Европой был представитель Ватикана архиепископ Иоанн, с малоизвестными мемуарами которого И. И. Умняков недавно ознакомил советскую общественность.

В серии осуществленных И. И. Умняковым работ историографического характера до сего времени сохраняет свое значение в качестве наиболее полной его публикация 1926 г., посвященная жизни и деятельности выдающегося русского востоковеда В. В. Бартольда и написанная в связи с 30-ле-

тием его служения на поприще науки. И. И. Умняков подготовил к печати обширнейшую аналитическую библиографию работ В. В. Бартольда, «которая и по замыслу и по выполнению имеет только один прецедент в нашей научной литературе — книгу, посвященную кавказоведу Броссе его сыном» (И. Ю. Крачковский).

Кроме того, И. И. Умняков находил время для работ по таким вопросам современной тематики, как землепользование в Бухаре и хлопководство в Узбекистане. Говоря словами А. А. Семенова, И. И. Умняков «в своих научных штудиях обычно с исчерпывающей полнотой использует, как первоисточники, так и остальную всю литературу, относящуюся к данному предмету» и его труды «носят отпечаток большой эрудиции автора, его критического отношения к используемым материалам и крайне добросовестного отношения к каждой своей работе»[7].

Самостоятельное научное значение имеет ряд обстоятельных рецензий И. И. Умнякова (см. указатель его работ).

Участник различных научных съездов и конференций, И. И. Умняков выступал за период с 1923 г. по настоящее время с многочисленными докладами и сообщениями или речами на ученых дискуссиях.

И. И. Умняков известен и как лектор-популяризатор. За время с 1924 по 1960 г. им прочитаны не один десяток лекций на историко-краеведческие и другие темы. Особо должны быть отмечены его многочисленные (до 200)лекции по истории Самарканда, читанные им для рабочих, колхозников, военнослужащих, учителей, партийно-советского актива.

И. И. Умняков заслужил также репутацию высококвалифицированного ученого-экскурсовода по прославленным памятникам архитектурной старины Самарканда. В частности только за десять последних лет он сопровождал своими пояснениями свыше 90 экскурсий зарубежных делегаций и туристов, в числе которых находились Джавахарлал Неру, Сахиб Синг Сокхей, Сайфутдин Китчлу, Аджой Гхош, К. Менон (Индия), У-Ну (Бирма), Хьюлетт Джонсон (Англия), Бишофф (Австрия), Отто Гротеволь (ГДР), Альберто Моравия (Италия) Артур Лундквист (Швеция) и многие другие видные политические и общественные деятели стран Запада и Востока.

Остается добавить, что И. И. Умняков подготовил немало квалифицированных научных работников, многим из которых присуждены ученые степени и звания.

---

[7] А. А. Семенов, указ. рукопись, стр. 1.

И. И. Умняков награжден несколькими почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне Советского Союза» и другими наградами. Он являлся депутатом Самаркандского городского Совета депутатов трудящихся, а в настоящее время он депутат Самаркандского Областного Совета депутатов трудящихся. В январе 1958 г. за плодотворную научно-педагогическую и научно-практическую деятельность Президиум Верховного Совета УзССР присвоил И. И. Умнякову почетное звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 сентября 1961 г. И. И. Умняков за большие заслуги в подготовке специалистов и развитии науки награжден орденом Ленина.

УКАЗАТЕЛЬ
ПЕЧАТНЫХ РАБОТ И. И. УМНЯКОВА С 1923 ПО 1960 г.

1. К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары. Сборник Туркестанского Восточного Института в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, стр. 148—157.

2. Из материалов для истории Восточного Института в Ташкенте. — Студенческий журнал Туркестанского Восточного Института, Ташкент, 1923, № 6, стр. 3—5.

3. Памяти проф. П. А. Фалева.— Студенческий журнал Туркестанского Восточного Института, Ташкент, 1923, № 6, стр. 15—20.

4. Работа по охране природы в Туркестане. — Журн. «Народное просвещение», М., 1924, № 3 (12), стр. 52—54.

5. Археологическая экспедиция проф. Б. П. Денике в Средней Азии,— Известия Туркестанского отдела Русского Географического общества, т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 224—225.

6. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии.— Известия Средазкомстариса, вып. I, Ташкент, 1926, стр. 43—54.

7. Бартольд В. В. По поводу 30-летия профессорской деятельности. Бюллетень Среднеазиатского Государственного Университета, Ташкент, 1926, № 14, стр. 175—202, с портр.

8. К истории новометодной школы в Бухаре. — Бюллетень Среднеазиатского Государственного Университета, Ташкент, 1927, № 16, стр. 81—99.

9. Рабат-и-Малик.— Сборник в честь В. В. Бартольда, Ташкент, 1927, стр. 179—192.

10. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 г. — Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 265—275.

11. Среднеазиатский музей революции в Ташкенте. — Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 194—195.

12. Изучение культуры и быта Средней Азии в 1920—1927 гг.—Журн. „Новый Восток", М., 1928, № 23—24, стр. 341—349.

13. К вопросу о толковании некоторых терминов хлопчатника.— Журн. „Хлопковое дело", М., 1928, 9—10, стр. 715—720.

14. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. 1920—1928 гг. — Ташкент, 1929, 40 стр., 8 фотоснимков.

15. Про форми землевладіння у Бухари до революції, Журн. „Східній світ", Харків, 1929, № 1—2 (7—8), стр. 229—241.

16. „Абдулла-намэ" Хафизи Таныша и его исследователи. — Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР, т.V, Л., 1930, стр, 307—328.

17. Рец.: Иран. I. Издание Академии наук СССР, Ленинград 1927. Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. I, Ташкент, 1928, стр. 228—229.

18. Рец.: В. Вяткин. Памятники древностей Самарканда. Изд. Главнауки Наркомпроса УзССР, Самарканд, 1927.

19. Рец.: Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. т. I, Ташкент, 1928. — Журн. „Східній світ", Харків, 1929, № 1—2 (7—8), стр. 398—400.

20. Рец.: „История" Фахрэддина Мубаракшаха. Tarikh i Fakhru'd Din Mubäräkshah being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd Din Mubäräkshah Mawar-rudi completed in a. d. 1206. Edited from a unique Manuscript by G. Denison Ross. — London, 1927, XX + 84 p. p. (2 James G. Forlog Fund" Series, N 4). Вестник древней истории, М., 1938, № 1 (2), стр. 108—115.

21. Рец.: Hudud al'Alam. „The Regions of the world". A Persian Geography 372 a. h. 982 a. d Translated and explained by V. Minorsky. With the Preface by V. V. Barthold. Translated from the Russian. London, 1937. XXI + 524 pp. („G. J. Gibl Memorial" New Series, XI). — Вестник, древней истории, М, 1938, № 3 (4), стр. 211—218.

22. Рец.: Из литературы об ал-Идриси. O. J. Tuuli (Tallgreen). Du nouveau sur Idrisi. Section VII_3, VII_4, VII_5. Europe Septentrionale et Circumbaltique, Europe Orientale et, d'apres quelques manusclrits, Centralejusqu'à la Peninsule Balkanique au Sud. Edition critique, trauction, etudes. Helsinki, 1936, X + 242 p. p. Вестник древней истории, М., 1938, № 1(6) стр. 191—198.

23. Компендиум испанско-арабского географа Исхака ибн ал-Хусейна и его сведения о хазарах и тюрках.— Известия Государственного Географического Общества, Л., 1939, № 8, стр. 1138—1145.

24. Самая старая турецкая карта мира (XI в.). — Труды Самаркандского государственного педагогического института им. А. М. Горького, т. I, вып. I, Самарканд, 1940, стр. 103—132.

25. Тохарская проблема, Вестник древней истории, М., 1940, № 3—4, стр. 181—193.

26. Навои и его время. — Газета «Ленинский путь», Самарканд, 8 апреля 1941, № 83.

27. Некоторые сведения из «Абдулла-намэ» Хафизи Таныша (XVI в.). — Труды Самаркандского государственного Педагогического Института им. А. М. Горького, т. II, вып. II, Самарканд, 1914, стр. 1—12.

28. Рец.: Новый источник для истории Народов Средней Азии.— П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. С предисловием акад. И. Ю. Крачковского. Изд. Госуд. Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л., 1940, 289 стр.— Труды Самаркандского Государственного Педагогического Института им. А. М. Горького, т. II, вып. II, Самарканд, 1941, стр. 13—29.

29. Предисловие и ответ. редактура к кн. проф. П. М. Факторович. — Великий бухарский ученый и врач Ибн-Сина (Авиценна). К истории науки на Востоке. — Труды Самаркандского государственного Университета, Новая серия, № 30. Библиография, Вып. 17, Самарканд, 1941.

30. Тохары и тохарский вопрос. — Труды Узбекского государственного Университета. Новая серия, № 31, Серия историко-филологических наук, вып. I, Самарканд, 1946, стр. 15—22.

31. Тохарская проблема.— Советская этнография, Сборник статей, VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 310—313.

32. Выступление на расширенном заседании отделения гуманитарных наук Академии наук УзССР 27 апреля 1949 года.— О марксистско-ленин-

ском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана. Стенографический отчет расширенного заседания отделения гуманитарных наук АН УзССР 21—27 апреля 1949.—Ташкент, 1951, стр. 123—131.

33. Замечания на проспект «Всемирной истории» АН СССР, т. I и II. Вестник древней истории, М., 1953, № 1, стр. 221—223.

34. Замечания по поводу 1 тома «Истории народов Узбекистана» на расширенном заседании отделения гуманитарных наук АН УзССР в октябре 1952 г.— Известия Академии наук УзССР, Ташкент, 1952, № 6, стр. 111—112.

35. Некоторые замечания по поводу «Истории народов Узбекистана», составленной К. В. Тревер, А. Ю. Якубовским, М. Э. Воронец, т. I, С древнейших времен до начала XVI в. Под ред. С. П. Толстова, В. Ю. Захидова, Я. Г. Гулямова и Р. Н. Набиева, Ташкент, 1950. — Труды исторического факультета УзГУ, Новая серия, вып. 51, Самарканд, 1952, стр. 151—172.

36. Международные отношения Средней Азии в начале XV в.— Научная сессия профессорско-преподавательского состава УзГУ. Апрель 1956. Тезисы докладов.— Самарканд, Издательство УзГУ, 1956, стр. 55—56.

37. Международные отношения Средней Азии в начале XV в. Сношения Тимура с Византией и Францией.— Труды УзГУ, Новая серия вып. 61, Исторический факультет, Самарканд, 1956, стр. 179—200.

38. Самарканд, Краткий справочник-путеводитель (совместно с Ю. Н. Алескеровым и К. М. Михайловым). — Ташкент, Госиздат УзССР, 1956, 102 стр., 44 фото.

39. Значение трудов акад. В. В. Бартольда по истории Средней Азии. Первая Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. — Ташкент, Изд. Акад. наук УзССР, 1957, стр. 227—233.

40. Значение трудов В. В. Бартольда по истории Средней Азии. — Журн. «Наука и жизнь», Ташкент, 1957, № 3, стр. 19—21 (на узб. яз.).

41. Пытливый археолог (памяти В. Л. Вяткина).— Газета «Ленинский путь», Самарканд, 18 августа 1957, № 163 (5010).

42. Самарканд. Краткий справочник-путеводитель (совместно с Ю. Н. Алескеровым и К. М. Михайловым). — Ташкент, Госиздат УзССР, 1958, 108 стр., 55 фото. (на узб. яз.).

43. Самарканд. Краткий справочник (совместно с Ю. Н. Алескеровым и К. М. Михайловым). Второе дополненное и исправленное издание.— Ташкент, Госиздат УзССР, 1958, 159 стр. с 45 фото и планом города.

44. Малоизвестный французский источник о Тимуре. Краткие сообщения.— Известия Академии наук УзССР, серия общественных наук, Ташкент, 1958, № 3, стр. 57.

45. Значение трудов акад. В. В. Бартольда по истории Средней Азии. — Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г. Ташкент, Изд. АН УзССР, 1958, стр. 675—683.

46. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в начале XV века.— Тезисы первой конференции ученых вузов и научных учреждений города Самарканда. Самарканд, Издательство УзГУ, 1958, стр, 25—27.

47. О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России. — Газета «Ленинский путь», Самарканд, 26 мая 1959 г. № 105, (Статья написана в соавторстве с В. И. Ефимовым).

48. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в начале XV в. — Известия Академии наук УзССР, Ташкент, 1960, № 1, стр. 27—33.

49. Из истории дипломатических отношений. Переписка Тимура с государствами Западной Европы. — Журн. «Таджикистан», 1959, № 5, стр. 21—22 (на тадж. яз.).

50. Воспоминания о В. А. Жуковском.— Очерки по истории русского востоковедения. Сборник V. Памяти В. А. Жуковского. М., Изд. вост. лит., 1960, стр. 134—135 (Академия наук СССР, Институт востоковедения).

51. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в начале XV в. — XXV. Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, М., 1960, 11 стр.

52. Малоизвестный французский источник о Тимуре.— Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои. Новая серия, № 101, Самарканд, 1960, стр. 173—199.

53. О хлопководстве в Средней Азии с древнейших времен до присоединения Края к России. — Материалы третьей объединенной научной конференции ученых города Самарканда. Серия гуманитарных и естественных наук, Самарканд, Издательство Самаркандского государственного университета им. А. Навои 1961, стр. 97—100.

Список сокращений

ВДИ — Вестник древней истории.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИИА АН УзССР — Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ПТКЛА — Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии.
СА — Советская археология.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет.
СЭ — Советская этнография.
ТАЭ — Таджикистанская археологическая экспедиция.
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Шишкин. Полевые работы Узбекистанской археологической экспедиции в 1960 г. 5
М. Р. Касымов. Кызылкырская стоянка каменного века в окрестностях г. Бухары. 19
А. Аскаров. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана. 28
С. К. Кабанов. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе. 42
С. К. Кабанов. Две терракоты из долины Кашкадарьи. . 54
О. В. Обельченко. Могильник Акджартепе. 57
Т. Агзамходжаев. Тюябугузские наусы. 71
И. Ахраров. Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува. 80
М. Аминджанова. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда. 87
В. А. Нильсен. Некоторые сырцовые купольные постройки на юге долины Сурхандарьи. 101
Н. С. Гражданкина. Опыт технологического исследования древней красноангобированной керамики Узбекистана. 123
Б. В. Лунин. Иван Иванович Умняков как ученый-востоковед и общественный деятель. 158

Редакторы *Д. А. Машарипова* и *Б. Ш. Патлах*
Технический редактор *Х. У. Карабаева*
Корректор *Н. Таиров*

Р03514 Сдано в набор 7/XII-61 Подписано к печати 16/I-62 г. Бумага 60×92¹/₁₆=5,31 Печ. л. 10,62 Изд. л. 10,0 Тираж 1000. Цена 72 к. Переплет 15 к.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, Хорезмская, 9.
Заказ 1310. Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

История материальной культуры Узбекистана. (Сборник статей. Отв. ред. канд. ист. наук В. А. Шишкин). Вып. 3 Т., Изд-во Акад. наук УзССР, 1962. (Акад. наук УзССР. Ин-т истории и археологии). Вып. 3. 1962. 169 стр. с илл.

902.6+902.7

Цена 87 к.